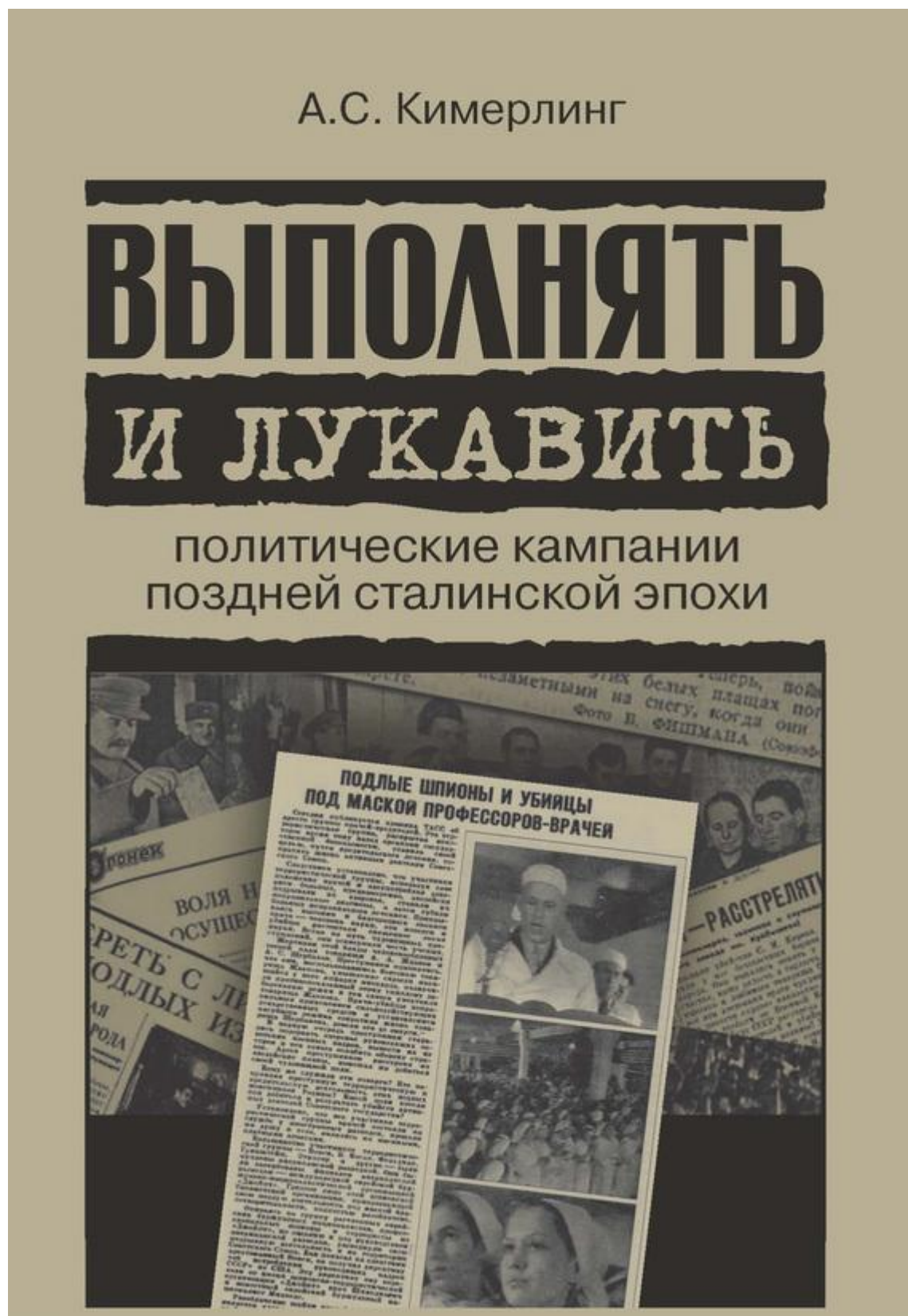

Анна Семеновна Кимерлинг
Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней
сталинской эпохи

«Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи»: Высшая

школа экономики; Москва; 2017

ISBN 978-5-7598-1533-4, 978-5-7598-1651-5

Аннотация

В монографии рассмотрены два вида политических кампаний – репрессивные идеологические кампании (кампании против художественной интеллигенции, космополитов, дело «КР», дело врачей) и мобилизационные кампании (избирательные кампании союзного, республиканского и местного масштабов). Проанализированы методология изучения кампаний и историография сталинской эпохи. Реконструирована социально-экономическая ситуация в Молотовской области, а также повседневность жителя Прикамья в послевоенные годы. На местном пермском материале сделана реконструкция массовых политических кампаний 1946–1953 гг. как инструмента реализации сталинской политики, деятельности властей и реакции масс. Выявлены и описаны механизм и структура сталинских политических кампаний (участники, жертвы, нормы, церемонии, конфликты, функции). Региональные особенности политических кампаний показаны на основании материалов шести местных и центральных архивов.

Для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей сталинской эпохи.

А. С. Кимерлинг

Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи

© Кимерлинг А. С., 2017

* * *

Введение

Изучая документы поздней сталинской эпохи, исследователь часто наталкивается на слово «кампания». Им маркировались разные явления: от уборки урожая и выборов в Верховный Совет СССР до разоблачения скрытых «врагов» и «предателей». Ход самых разнообразных кампаний активно освещался в газетах, становился предметом обсуждения на собраниях партийных организаций и трудовых коллективов, партийных и хозяйственных органов. За ходом кампаний внимательно следили органы. Иными словами, кампания в сознании людей той эпохи (как представителей номенклатуры, так и рядовых активистов) была значимым явлением. Это слово явно обозначало какие-то важные стороны властных отношений в сталинскую эпоху.

Между тем историки советского общества уделяют кампаниям немного внимания. В исторических текстах, посвященных сталинизму, сталинские кампании часто становились поводом для научного исследования, но почти никогда – предметом. В работах 1990-х годов изучение кампаний либо служило аргументом в пользу применимости концепта «тоталитаризма» как объяснительной модели для понимания проблем недалекого советского прошлого, либо их просто описывали в контексте событийной истории.

Позднее, в 2000-х годах, возобладала другая тенденция, связанная с увлечением методологией повседневности в ее разнообразных интерпретациях. В историографии этого периода делается акцент на изучение рутинных практик, устоявшихся мыслительных горизонтов, функционирования механизмов приспособления отдельных индивидов. А кампании если и рассматривались, то преимущественно как исторический фон – как нечто внешнее по отношению к предмету исследования. Если перефразировать В. Вахштайна, и в первом, и во втором случае кампании выступают в качестве «универсальной категории

исторического мышления», «объясняющего фактора», а не предмета изучения¹. Изменим исследовательский фокус, сделаем политические кампании предметом изучения. Сформулируем гипотезу: в позднем сталинском обществе – в 1946–1953 гг. – политические кампании были необходимым инструментом в восстановлении старого, поколебленного войной социального порядка. Это позволит высветить еще одну сторону советской действительности, обычно остающуюся в тени, а именно: ее неустойчивый характер, латентную конфликтность, проявление партикулярных интересов различных социальных группировок. И книга, которую читатель держит в руках, написана для того, чтобы понять место и сущность политических кампаний в широком контексте бытования и функционирования советского общества накануне реформ. Понять – значит представить взаимосвязь действия властей разного уровня и стратегии поведения отдельных групп населения в ситуации системных разрывов повседневности.

Большинство авторов, работающих над историей 1940–1950-х годов, либо предпочитают нарративное описание отдельных «дел» («дело врачей», «борьба с космополитизмом» и т. д.), не обращая внимания на типологическую схожесть такого рода явлений, либо рассматривают кампании как нечто, разворачивающееся в плоскости идеологии, борьбы за власть или пресечения инакомыслия. Это отражается и в применяемой терминологии. В лучшем случае в научной литературе сегодня используется термин «идеологическая кампания», что существенно обедняет теоретический инструментарий. Кампании сводятся к разовым событиям, в основном идеологического характера, и при этом упускается возможность увидеть в них способы реализации других, более сложных функций, например мобилизации масс, консолидации советского общества, корректировки изъянов советского управления, выработки новых практик политического поведения, новой культуры. В результате такой недоработки сталинская эпоха предстает перед читателем либо как набор слабо взаимосвязанных событий, объединенных в лучшем случае волей вождя (психологизированная версия), либо как прямая иллюстрация упрощенной модели тоталитаризма, с «атомизированным» обществом, подвергающимся манипуляции, строгим порядком и т. д. (политологическая версия). Вряд ли можно признать их исчерпывающими или даже достаточными.

Пристальное изучение кампаний, особенно на низовом уровне (в городах, районах и отдельных организациях), позволяет предположить, что все политические кампании объединяет некий типовой сценарий, общий набор приемов и практик, возникающих в процессе реагирования на сигналы сверху, посылаемые как в виде прямых приказов, так и скрытых властных импульсов. Поэтому будет уместно ввести общий термин для обозначения этого явления, и самым удачным представляется термин «политическая кампания». Это, во-первых, даст возможность рассматривать различные кампании в более широком контексте, как набор дискурсов и практик, навязываемых сверху и формирующихся на местах, а во-вторых, позволит концептуализировать кампании, т. е. с помощью единого инструментария описать, сопоставить и проанализировать разные исторические события как проявление единого выработанного и несколько раз повторенного шаблона действий, имеющего единую структуру и последовательность (иными словами, придать изучению политических кампаний теоретическое измерение). Это позволит констатировать, что именно политическая кампания стала основным механизмом управления поздней сталинской эпохи, своеобразным политическим институтом.

В данной книге предполагается определить место кампаний в политической жизни послевоенного сталинского периода, классифицировать кампании, выявить универсальные этапы кампаний, рассмотреть механизм их реализации, определить функции каждого структурного элемента, проследить складывающиеся практики на примере кампаний,

¹ См.: Вахштайн В. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентальности, или работа над ошибками // Социология власти. 2013. № 3. С. 16.

проходивших в Молотовской области с 1945 по 1953 г. Чтобы разобраться в региональных особенностях этих процессов, необходимо реконструировать повседневность тех лет, обыденные практики номенклатуры, партийных активистов, простых рабочих и колхозников. Кроме того, потребуется выявить особенности советского патернализма и тоталитаризма на материале реальных практик повседневности, в которой сохранялся и воспроизводился военный образ жизни.

Обобщающих теоретических исследований механизма и особенностей сталинских политических кампаний практически не существует. В работах Л. Кюзаджана², Р. Герцштейна³ рассматриваются некоторые аспекты идеологических кампаний в истории нацистской Германии и КНР. Пропаганда в средствах массовой информации, по их мнению, является главным методом воздействия на массы. Сталинскую пропагандистскую кампанию во время Великой Отечественной войны исследует Е. Добренко⁴. О том, как протекали кампании на местах в последние годы рассматриваемой эпохи, опубликовано несколько исследований. Особо следует отметить работы Е. Гениной («Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.)»⁵), В. Гижова («Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей)»⁶), О. Лейбовича (о судах чести в Молотовской области⁷), а также исследование «дела врачей» на Урале автора данной книги⁸. Истоки «кампанейщины» в 1920-х годах описаны в работе С. Ульяновой⁹. Пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима в довоенные годы реконструировала С. Ушакова.

Выдвинем вторую гипотезу. Только в послевоенные годы политические кампании окончательно сформировались, приобрели законченный вид, рутинизировались.

В данном исследовании сделана попытка сочетать макро- и микроисторический подходы. Методология теории повседневности совместно с теорией практик дает возможность выделить в кампаниях повторяющиеся шаблоны действия, выявить общий механизм управления, обнаружить элементы «своеволия» (А. Людке) или тактик (М. де Серто) простых людей, тем самым отводит исследователя от упрощенной схемы описания. Это позволяет понять политические кампании как процесс, конструируемый и сверху, и снизу через практику организации кампаний на уровне региона, города, предприятия вплоть

² Кюзаджан Л. С. Идеологические кампании в КНР 1949–1966 гг. М.: Наука: Гл. ред. восточ. литературы, 1970.

³ Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996. С. 389–452.

⁴ Добренко Е. Грамматика боя – язык батарей // Волга. 1993. № 10. С. 132–149.

⁵ Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т», 2009.

⁶ Гижов В. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): дис.... канд. ист. наук. Саратов, 2004 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. <http://www.dissercat.com/content/ideologicheskie-kampanii-1946-1953-gg-v-rossiiskoi-provintsii-po-materialam-saratovskoi-i-ku#ixzz2yY2C5vJD>.

⁷ Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008.

⁸ Кимерлинг А. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Изд-во ПГИИК, 2011.

⁹ Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2006.

до низовых практик обычных граждан.

Методология исследования подробно рассматривается в соответствующей главе данной книги.

Предмет исследования определяет выбор источников. В данной книге использованы материалы местных и центральных архивов. Наибольшее количество материалов дали Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ) и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а также Государственный архив Пермского края (ГАПК), Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

В зависимости от того, о какой стороне проведения кампании идет речь (о деятельности властей или о реакции масс), можно выделить несколько категорий материалов. Деятельность властей может быть реконструирована по архивным материалам и газетным публикациям, в которых представлены позиции тех или иных властных инстанций в том виде, в каком они формулируют ее для себя, и в том, в каком они подают ее населению.

В архиве есть справки, материалы, докладные, информации, отчеты, стенограммы пленумов, заседаний бюро обкомов, райкомов и горкомов, переписка различных властных инстанций, резолюции, письма, хранящиеся в фондах обкомов, горкомов и райкомов, документы государственных учреждений и следственных органов. Всего в ходе работы в научный оборот было введено более 500 новых документов. (Цитаты из архивных источников приводятся с сохранением орфографии и пунктуации, однако некоторые имена изменены, когда речь идет о сюжетах интимного характера.)

Идеологический элемент политической кампании исследуется через материалы газет: центральных, областных и городских. Каждая кампания исследуется не менее чем в десяти местных газетах.

Что касается реакции масс, то здесь использованы как косвенные, так и прямые источники. Среди косвенных можно отметить сводки о настроениях и высказываниях трудящихся, составляемые на местах, отчеты о проведенных митингах и собраниях, списки вопросов, задаваемых на собраниях. Прямыми источниками являются эго-документы (письма и дневники), а также выступления на низовых партийных собраниях, материалы разбора жалоб, объяснительные письма. Письма к власти сохранились в очень небольшом количестве, их содержание индивидуализировано, поэтому к ним нельзя применить количественный анализ. К тому же невозможно понять, по какому принципу в архиве обкома ВКП(б) Молотовской области не уничтожили именно эти письма.

В процессе исследования удалось обнаружить два дневника, хронологически относящихся к изучаемому периоду: один принадлежит рабочему молотовского завода № 19 А. И. Дмитриеву (хранится в личном фонде), второй – журналисту областной газеты «Звезда» М. Т. Данилкину.

Политические пертурбации отражаются в словарях того времени. Отдельные слова во время кампаний меняют свое значение или вовсе исчезают. В качестве источников применены в исследовании «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1934), «Словарь современного русского литературного языка» под ред. В. И. Чернышева (в 17 т. М.; Л., 1948–1965), «Словарь русского языка» (М., 1959) и т. д.

Комплексное применение сравнительного анализа, критики и систематизации источников дает возможность решить поставленные исследовательские задачи.

Данное исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0052.

Глава 1. Историография политических кампаний поздней сталинской эпохи

История сталинской эпохи – широкое поле исследований. Когда первые историки,

политологи и социологи приступали к изучению сталинской эпохи, они в силу ряда причин концентрировали свое внимание на попытках схватить суть этого периода, дать общую схему, подчеркнуть уникальность данного явления. По понятным причинам лучше всего это удавалось зарубежным исследователям, таким как Х. Арендт, К. Фридрих, Р. Конквест, поскольку в Советской России исследователи находились под воздействием идеологических ограничений. Однако нельзя говорить и о том, что западные исследования, сделанные до распада СССР, являются полностью неангажированными: общая политическая ситуация времен «холодной войны» этому не способствовала. Но их ангажированность существенно отличалась от ангажированности советской: в большинстве случаев их позиция определялась моральными оценками сталинизма, а не идеологией в чистом виде. Дело осложнялось недоступностью большинства источников, необходимых для исторических исследований. Поэтому в Советской России дело ограничивалось косвенными исследованиями (в рамках изучения «руководящей роли партии» или статистики), а на Западе – попытками концептуализации на основе скудных сведений.

Сегодня наблюдается слияние двух исследовательских традиций. После непродолжительного периода «разделения труда», когда отечественные историки в основном поставляли факты, а западные исследователи – концепции, наступает период, в котором и теоретические обобщения, и эмпирические исследования стали обязательным условием плодотворной работы.

1.1. Принципы изучения историографии сталинской эпохи

При описании историографии сталинской эпохи неизбежно возникают некоторые трудности. Прежде всего ввиду непродолжительности периода изучения этой проблемы и высокой динамики изменения методологии истории придется отказаться от поступательной модели такого описания: концепции изучения сталинской эпохи меняются довольно быстро, и большинство авторов, работающих над этой проблемой, оказались достаточно гибкими, чтобы меняться вместе с наукой. Поэтому нельзя соотнести разные течения с каким-нибудь определенным периодом. Далее, само поле историографии может быть структурировано (точнее, разделено) по разным основаниям, что делает невозможным каждого автора отнести к одной-единственной «ячейке» историографии. Каждый автор при выборе предмета и методологии его исследования волен двигаться в любом направлении. Поэтому фамилии некоторых авторов будут встречаться в разных разделах библиографической матрицы. Наконец, попытки определить точное место каждого автора в историографии неизбежно оборачиваются упрощением, схематизацией. Я заранее приношу извинения, если кому-то из моих коллег покажется, что их труды недооценены. Меня извиняет тот факт, что я историк, а не историограф, да и существующая литература о сталинской России на сегодняшний день настолько обширна, что даже простое упоминание каждого автора, писавшего на эту тему, заняло бы десятки страниц.

Учитывая вышеизложенное, самым удобным методом конструирования поля исследований данного периода представляется выделение различных течений по нескольким векторам, или основаниям: по предпочитаемому периоду сталинской эпохи (довоенный, военный и послевоенный периоды), по степени обобщения (обобщающая историография сталинизма *vers.* историография случая), по уровню локализации в социальном пространстве (изучение верхних слоев номенклатуры, изучение «обычного человека» и изучение «подвала» сталинского общества – мира лагеря, репрессированных и депортированных), по различным сферам жизни, в качестве которых берутся институты, сферы деятельности и досуга, а иногда те или иные концепции.

1.2. Историография периодов сталинской эпохи

Прежде всего исследования сталинской эпохи можно разделить по предпочитаемым

исследователями периодам. Общий обзор научной литературы показывает, что чаще всего отдельные работы посвящены одному из трех периодов правления Сталина: 1920–1930-м годам, периоду Великой Отечественной войны либо послевоенному времени вплоть до середины 1950-х годов, когда осуществляется «выход» из сталинской эпохи. При этом основное внимание со стороны историков достается именно первому периоду. Это достаточно легко увидеть даже на примере последних опубликованных работ по политическим кампаниям, среди которых только одна (работа Е. Гениной¹⁰) посвящена послевоенному периоду, а остальные – предвоенным годам. Большинство работ самых знаменитых историков посвящено именно 1920–1930-м годам (см.: Ш. Фицпатрик¹¹, Н. Верт¹², А. Блюм, М. Меспуле¹³, А. Грациози¹⁴, С. Дэвис¹⁵). Возможно, в этом сказывается традиция перестроечных времен, когда критические публикации о сталинском правлении опирались в основном на примеры внутрипартийных репрессий, Большого террора, коллективизации, первых пятилеток. Возможно, 1930-е годы представляются историкам наиболее важными, поскольку именно в предвоенный период удастся наиболее точно выявить генезис режима или в связи с драматичными из-за огромного числа жертвами.

Другие периоды такими яркими не кажутся. Так, исторические исследования СССР в годы войны чаще всего относятся к жанру военной истории, и относительно небольшое число авторов (например: О. Лейбович¹⁶, Д. Фильцер¹⁷, В. Голдман¹⁸, В. Шабалин¹⁹, М. Стругова²⁰ и др.) исследуют эволюцию режима и общества в эти годы. Послевоенные

¹⁰ Генина Е. С. Кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т», 2009.

¹¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. М.: РОССПЭН, 2001.

¹² Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010.

¹³ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

¹⁴ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

¹⁵ Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2011.

¹⁶ Лейбович О. Л. Антисемитские настроения в советском тылу // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 280–297.

¹⁷ Фильцер Д. Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй мировой войны // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 196–220.

¹⁸ Голдман В. Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 221–250; Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁹ Шабалин В. Номенклатурные сообщества советского тыла // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 267–279.

²⁰ Стругова М. Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края: автореф. дис.... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.

годы обычно становятся объектом исследования по поводу состояния народного хозяйства²¹, либо отдельных политических событий (многочисленные работы по «делу космополитов», гонениям в науке, «ленинградскому делу» и т. д., о чем будет сказано ниже), либо «холодной войны»²². Но представляется не менее интересным, а может быть, и более верным при исследовании сталинской эпохи уделить больше внимания как раз военным и послевоенным годам, когда сталинизм как особая форма правления сформировался в полной мере, временами проявляется его «нормальное» функционирование, если этот термин вообще применим к эпохе Сталина. Многие процессы (и политические кампании) действуют в этот период в повторяющемся режиме, когда их участниками нарабатаны собственные практики, происходит «нормализация» многих процес сов. Это, в частности, видно в складывании иной, отличной от 1930-х годов социальной структуры²³, в практике создания кланов и стабилизации номенклатуры²⁴, в появлении на исторической арене нового поколения, родившегося и воспитанного при советской власти²⁵.

1.3. Историография уровней обобщения

Другим основанием выделения течений в изучении сталинского периода может стать уровень абстракции анализа. Как уже было сказано, изучение сталинского времени начиналось не с изучения архивов и не с публикации источников, а с попыток понять суть происходящего по обрывкам имеющихся сведений. Поэтому не удивительно, что первыми трудами по сталинизму стали скорее концептуальные труды, нежели эмпирические научные исследования, например работы Х. Арендт²⁶ и Р. Конквеста²⁷, А. Синявского²⁸, М. Геллера²⁹, а также отечественные работы рубежа 1980–1990-х годов (Л. Баткина, А. Эткинда, З. Файнбурга и др.³⁰). Общим для всех этих (да и многих других) работ следует

²¹ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М.: Ин-т российской истории РАН, 1996.

²² Арнольд Ж., Берт Дж., Дадли У. Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было / пер. с англ. Ю. Яблокова. М.: АСТ, Люкс, 2004; Федоров А. В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М.: МОО «Информация для всех», 2010.

²³ Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во Пермского ун-та – ТОО ЗУУНЦ, 1993; Стругова М. Р. Указ. соч.

²⁴ Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008; Шабалин В. Указ. соч.

²⁵ Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

²⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой и др.; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.

²⁷ Конквест Р. Большой террор: в 2 т. Рига: Ракстниекс, 1991.

²⁸ Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2001.

²⁹ Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: Изд-во «МИК», 1994.

³⁰ Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989; Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира: Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М.: Госполитиздат, 1991.

считать поиск ответа на вопрос, остроумно сформулированный А. Синявским: можно ли пирамиду перестроить в Парфенон?³¹ Примечательна в этом контексте история со вторым переизданием книги Р. Конквеста «Большой террор» в 1990 г., после того, как появился доступ ко многим источникам. «Когда издатель Конквеста попросил его расширить и проверить “Большой террор”, Конквест предложил назвать новую версию книги “Я же вам говорил, чёртовы глупцы” (англ. “I Told You So, You Fucking Fools”»)³², стремясь тем самым подчеркнуть свою правоту резких оценок всего советского режима, не отделяя политику Сталина от политики Ленина.

Но и в дальнейшем, по мере разработки этой темы и появления новых материалов, количество обобщающих работ только возрастает. В них авторы делают попытки широких теоретических обобщений либо по поводу всего сталинизма (например, О. Лейбович³³, А. Медушевский³⁴, А. Голубев³⁵), либо его отдельных, но системообразующих принципов, таких как террор (Н. Верт, Э. Эпплбаум³⁶, В. Голдман³⁷), командная экономика (П. Грегори³⁸, Е. Добренко³⁹), практики и механизмы управления (А. Блюм, М. Меспуле, С. Кордонский⁴⁰), формируемая в обществе культура (Ш. Плаггенборг⁴¹). Особую ценность такого рода исследования приобретают при сочетании обобщений и детальной проработки эмпирических аргументов. Тогда они позволяют задать широкий и многомерный контекст, необходимый для качественной разработки темы политических кампаний и иных явлений сталинской эпохи.

Наряду с обобщающими работами стоит упомянуть и исследования иного масштаба, посвященные локальным (по времени и месту действия) событиям. Число их огромно, поэтому не получится даже приблизительно перечислить названия и авторов. Ограничимся некоторыми примерами, имеющими непосредственное отношение к теме политических кампаний. Так, например, тема «ждановщины» так или иначе отражена в работах

³¹ Синявский А. Д. Указ. соч. С. 383.

³² Brown A. Scourge and Poet // The Guardian. 15 February 2003.

³³ Лейбович О. Реформа и модернизация...

³⁴ Медушевский А. Н. Сталинизм как модель // Вестник Европы. 2011. Т. XXX. С. 147–168; Медушевский А. Н. История сталинизма: итоги и проблемы изучения // Российская история. 2009. № 5.

³⁵ Голубев А. В. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М.: ИРИ РАН, 1999.

³⁶ Эпплбаум Э. Гулаг. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006.

³⁷ Голдман В. Террор и демократия...

³⁸ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008.

³⁹ Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

⁴⁰ Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.

⁴¹ Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000.

В. Волкова⁴², В. Кутузова⁴³, В. Осоцкого⁴⁴, С. Сизова⁴⁵, С. Куняева⁴⁶, А. Рубашкина⁴⁷, Д. Бабиченко⁴⁸, В. Иоффе⁴⁹ и еще многих других. Тема советских выборов как способа интеграции жителей вновь присоединенных территорий в состав СССР звучит у С. Заславского⁵⁰, сопротивление в ходе избирательной кампании и в день голосования, а также реакцию на него власти описывали В. Вятрович⁵¹, Е. Зубкова, В. Мотревич⁵².

Феномен писем во власть и доносов нашел отражение в работах Ф.-К. Нерара⁵³, В. Козлова⁵⁴, С. Королева⁵⁵, А. Лившина и И. Орлова⁵⁶, В. Романовского⁵⁷ и т. д. Отдельные работы посвящены локальной специфике тех или иных явлений сталинской поры, например «Спецконтингент Пермской области (1929–1953)» А. Суслова⁵⁸ и «Вишерлаг»

⁴² Волков В. О друзьях-товарищах, или кто и как исключал Михаила Зощенко и Анну Ахматову из Союза писателей // Новый журнал общественно-политического, литературно-художественного издания. 1991. № 6. С. 92.

⁴³ Кутузов В. А. А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России (Modern history of Russia). 2011. № 1. С. 146–152.

⁴⁴ Осоцкий В. Д. Как управляли литературой // Вопросы литературы. 1991. Апрель. С. 158–185.

⁴⁵ Сизов С. Г. К вопросу об организации кинопроката в Сибири во времена «ждановщины» // Музей и общество на пороге XXI в.: матер. всерос. науч. конф., посвящ. 120-летию Омского гос. ист. – краевед. музея. Омск: Изд-во Омского гос. ист. – краевед. музея, 1998. С. 137–138.

⁴⁶ Куняев С. Жданов: гонитель или жертва? // Завтра. 1994. № 12 (17). Март. // С. 6.

⁴⁷ Рубашкин А. Ждановщина // Звезда. 2006. № 8. С. 120–142.

⁴⁸ Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры. Советская литература 40-х гг. под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994. С. 116–147.

⁴⁹ Иоффе В. В. К пятидесятой годовщине постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Звезда. 1996. № 8. С. 3.

⁵⁰ Заславский С. Первые послевоенные выборы 10 февраля 1946 // Журнал о выборах. 2011. № 2. С. 51–57.

⁵¹ Вятрович В. Советская демократия: выборы 1946 года. <http://ru.tsn.ua/analitika/sovetskaya-demokratiya-vybory-1946-goda.html>.

⁵² Мотревич В. П. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г..

⁵³ Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011.

⁵⁴ Козлов В. Феномен доноса // Свободная мысль. 1998. № 4. С. 100–112.

⁵⁵ Королев С. Донос в России. Социально-философские очерки. М.: Прогресс-Мультимедиа, 1996.

⁵⁶ Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 94–104.

⁵⁷ Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х годов // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л.: Наука, 1990. С. 54–65.

⁵⁸ Суслов А. Б. Спецконтингент Пермской области (1929–1953). Екатеринбург; Пермь: Изд-во Уральского гос. ун-та; Пермский гос. пед. ин-т, 2003.

в сборнике «Города несвободы»⁵⁹, история левой оппозиции на Урале В. Шабалина⁶⁰.

Аналогичные историографические списки можно приводить едва ли не по каждой отдельной теме. Такого рода работы вносят свой важный вклад в общее дело сбора и осмысления эмпирического материала, подготавливая следующий этап более широкого исторического и даже философского обобщения.

1.4. Историография социальных «этажей»

Давно замечено, что в гуманитарных науках, в отличие от естественных, разные парадигмальные подходы сосуществуют друг с другом, представляя полноправные точки зрения на один и тот же предмет⁶¹. Это в полной мере справедливо и для истории. Сегодня по-прежнему сохраняется как минимум два парадигмальных подхода к истории – макро- и микроисторический (об этом подробнее в следующей главе). На первоначальном этапе изучения сталинской эпохи доминировал скорее традиционный, макроисторический взгляд, при котором предметом рассмотрения чаще всего становились действия отдельных правителей, центральных органов власти, в целом государства. С начала 1990-х годов появилось большое число работ, посвященных непосредственно И. Сталину (например, Д. Волкогонова⁶², Р. Такера⁶³, С. Семанова и В. Кардашова⁶⁴, Д. Ранкур-Лаферриера⁶⁵, Ю. Жукова⁶⁶, С. Рыбаса⁶⁷), другим центральным деятелям той эпохи⁶⁸, их взаимоотношениям⁶⁹, женам и детям⁷⁰, быту и т. д.

⁵⁹ Города несвободы: матер. науч. – практ. конф. Красновишерск, 2012.

⁶⁰ Шабалин В. В. Пейзаж после битвы. Из истории левой оппозиции на Урале. Пермь: Пермский гос. тех. ун-т, 2003.

⁶¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

⁶² Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет: в 2 т. М.: Новости, 1992.

⁶³ Такер Р. Сталин. История и личность. Путь к власти. 1879–1929; У власти. 1928–1941. М.: Весь мир, 2006.

⁶⁴ Семанов С. Н., Кардашов В. И. Иосиф Сталин, жизнь и наследие. М.: Новатор, 1997.

⁶⁵ Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. М.: Прогресс-академия, 1996.

⁶⁶ Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003.

⁶⁷ Рыбас С. Ю. Сталин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2010.

⁶⁸ Берия: Конец карьеры / сост. В. Ф. Некрасов. М.: Политиздат, 1991; Брюханов Б. Б., Шошков Е. Н. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1935–1938. СПб.: Петровский фонд, 1998; Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: ТЕРРА, 2000; Карпов В. В. Генералиссимус: Историко-док. изд. Кн. 2. Калининград: Янтарный сказ, 2002; Кирилина А. А. Неизвестный Киров. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; Роговин В. З. Партия расстрелянных. М.: Аргументы и факты, 1997; Чуев Ф. И. Каганович. Шепилов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999; Карпов В. В. Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 1999 и т. д.

⁶⁹ Медведев Р. Они окружали Сталина. М.: Изд-во политической литературы, 1990; Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М.: Россия молодая, 1993; Костырченко Г. Маленков против Жданова. Игры сталинских фаворитов // Родина. 2000. № 9. С. 85–92; Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985. М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007.

Сюда же можно отнести работы, посвященные событиям сталинской эпохи, но сфокусированные на действиях центральной власти, например деятельность Сталина в процессе укрепления своей диктатуры в послевоенные годы⁷¹, описание «Ленинградского дела»⁷², антисемитизма и борьбы с космополитами⁷³, гонений на ученых и т. д.

Такой подход сегодня уже не нуждается в развернутой критике. У него есть свои достоинства, поскольку именно в его рамках ищутся ответы по поводу мотивации поведения верховных правителей, рациональные объяснения принятия того или иного решения, проведения кампаний, политики. Хватает и недостатков: сведение всего исторического процесса к личностному фактору, отождествление процессов с идеологией, сведение истории взаимоотношений власти и общества к простой схеме «воздействие – реакция».

Однако уже к 2000-м годам в историографии сталинской эпохи наступает период, который можно охарактеризовать, как увлечение повседневностью. Доступ к архивам, причем не только центральным, но и местным, региональным, наработанные навыки среди профессиональных историков к систематической работе с источниками этой поры (что не происходит в одночасье), равно как и знакомство с новыми методологическими приемами микроистории, истории повседневности, новой культурной истории постепенно привели к созданию обширной литературы, посвященной изучению повседневности.

Очевидно, что это увлечение разворачивалось в два этапа. На первом этапе оно было спровоцировано как раз интересом к центральным фигурам сталинской эпохи, включая вождей, руководителей, военачальников, известных деятелей культуры. Публикуя и комментируя биографии известных людей, пытаясь ответить на вопросы, почему они вели себя так, а не иначе, исследователи волей-неволей приходили к необходимости использовать концепции культуры, повседневности, практик. Так, показательными работами здесь являются работы В. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы»⁷⁴, Н. Лебиной и А. Чистикова «Обыватель и реформы»⁷⁵, М. Чегодаевой «Два лика времени»⁷⁶.

В работе М. Чегодаевой «Два лика времени», посвященной истории советской литературы, встречается такой образ: «Бытие советского человека проходило одновременно в трех почти не соприкасающихся плоскостях, на трех “этажах” фантастического здания, каковым являл себя Советский Союз»⁷⁷. Позднее историк О. Лейбович конкретизировал этот образ, превратив, по сути, в методологический принцип изучения (о чем более подробно

⁷⁰ Васильева Л. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 2007; Васильева Л. Дети Кремля. М.: АСТ, 1998.

⁷¹ Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / пер. с англ. глав 1, 2, 6 А. А. Пешкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

⁷² Пыжиков А. В. Ленинградская группа: Путь во власти (1946–1949) // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 89–104.

⁷³ Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М.: Права человека, 2003; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003.

⁷⁴ Антипина В. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005.

⁷⁵ Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003.

⁷⁶ Чегодаева М. Два лика времени (1939: Один год сталинской эпохи). М.: Аграф, 2001.

⁷⁷ Там же. С. 20.

в следующих главах): мир идей (светлого будущего), мир обыденный и мир криминальный, мир ГУЛАГа. При этом он подверг серьезной критике практику необдуманного применения термина «повседневность», уточнил научный концепт, стоящий за этой метафорой, интерпретируя его не только как «лично ориентированные практики, в наименьшей степени подверженные воздействию современной им политической и даже экономической систем», но как «осознанный, прочувствованный, понятный для современников жизненный мир», в котором «сильно связующее начало, позволяющее людям соединять в одно целое искусство, политику, нравственность и религию»⁷⁸. Такое толкование повседневности действительно приводит к впечатляющим результатам, когда методы изучения повседневности были распространены на самые разные категории людей, доказательством чему служат книги Ш. Фицпатрик⁷⁹, «Советские люди» Н. Козловой⁸⁰, «В городе М» О. Лейбовича⁸¹, «Советская повседневность» И. Орлова⁸², «Очерки коммунального быта» И. Утехина⁸³, «Послевоенное советское общество» Е. Зубковой⁸⁴, «Лагерная культура в воспоминаниях бывших заключенных» А. Кимерлинг⁸⁵ и многие другие.

1.5. Историография «повседневной жизни»

Влияние истории повседневности на общее поле исследований сталинизма оказалось достаточно весомым. Даже те из историков, кто оставался верен институциональному анализу, не избежали этого влияния. Постепенное накопление материала по истории повседневности, осознание того, что изучение повседневности не есть «бытописание», что оно приближает историков к более полному пониманию эпохи, делает ее описание многомерным, «насыщенным» (по терминологии К. Гирца). Это же приводит и к переструктурированию предмета исследования. Теперь исследователи все чаще уделяют внимание глубокому изучению отдельных институтов, таких как СМИ, предприятие, семья, лагерь, отдельных социальных групп – крестьянства, рабочих, номенклатуры – либо вообще отдельных элементов жизни – праздников, мифов, отдыха. Отличительной особенностью таких работ следует считать комплексное изучение одной отдельно взятой проблемы с разных сторон с привлечением как «низового» материала, так и системного анализа. Причем путь к такого рода исследованиям прокладывают в равной мере и историки повседневности,

⁷⁸ Лейбович О. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения (ноябрь 2008). Пермь: Мемориальный центр «Пермь-36», 2009. С. 250–264.

⁷⁹ Фицпатрик Ш. Указ. соч.; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Де ревня. М.: РОССПЭН, 2008.

⁸⁰ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа», 2005.

⁸¹ Лейбович О. В городе М...

⁸² Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

⁸³ Утекин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.

⁸⁴ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999.

⁸⁵ Кимерлинг А. С. «Каждый старался выжить, откровенно говоря...»: лагерная культура в воспоминаниях бывших политзаключенных // История сталинизма. Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. М.: РОССПЭН, 2013.

поднимаясь от частных случаев к обобщениям, и «историки институтов», опускаясь за подтверждением своих оценок происходящего до действий простого человека. В качестве примера таких исследований можно указать труды уже упоминавшихся Ш. Фиц патрик, Н. Верта, А. Блюма, О. Лейбовича, а также работы, например, П. Соломона «Советская юстиция при Сталине»⁸⁶, Д. Фильцера «Советские рабочие и поздний сталинизм»⁸⁷, сборник «Советская власть и медиа»⁸⁸, К. Кухер «Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху 1928–1941»⁸⁹, Г. Янковской «Искусство, деньги и политика. Художник в эпоху позднего сталинизма»⁹⁰, М. О’Ма хоуни «Спорт в СССР»⁹¹, С. Дэвис «Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941»⁹², М. Роль фа «Советские массовые праздники»⁹³, Т. Горяевой «Радио России»⁹⁴.

Отдельно необходимо сказать о некоторых вариациях этого направления исследований. Прежде всего о междисциплинарных исследованиях, в которых делается попытка взять в качестве отдельного предмета исследования некоторые явления культуры или духовной сферы, имеющие неожиданное и злободневное звучание. В таких работах плодотворно применяются различные концепции из смежных наук (лингвистики, философии, антропологии, социологии), но отнести их к истории повседневности все же нельзя. Скорее в таких исследованиях речь идет о трансцендентальных категориях мышления, археологии знания, мифологии культуры. Так, в работе О. Хархордина «Обличать и лицемерить» делается попытка на основе анализа дискурсов советской (в основном сталинской) эпохи выяснить, как складывалась советская личность и специфическое понимание советского коллектива⁹⁵. В сборнике «Образ врага», составленном Л. Гудковым⁹⁶, дается представление о генеалогии и бытовании одного из краеугольных образов советской пропаганды. В работе С. Бойм «Общие места: Мифология повседневной жизни»⁹⁷ проводится критический анализ мифологических представлений советской повседневности

⁸⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008.

⁸⁷ Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. М.: РОССПЭН, 2011.

⁸⁸ Советская власть и медиа: сб. статей / под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб.: Академический Проект, 2005.

⁸⁹ Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху 1928–1941. М.: РОССПЭН, 2012.

⁹⁰ Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика. Художник в эпоху позднего сталинизма. Пермь, 2007.

⁹¹ О’Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

⁹² Дэвис С. Указ. соч.

⁹³ Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

⁹⁴ Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000.

⁹⁵ Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.

⁹⁶ Образ врага / сост. Л. Гудков; под ред. Н. Кондратова. М.: ОГИ, 2005.

⁹⁷ Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

(«мещанство», «быт», «русская душа»). В работе Л. Гудкова «Негативная идентичность» дается анализ условий и этапов становления идентичности советского общества⁹⁸. В работе И. Жеребкиной «Феминистская интервенция в сталинизм, или Сталина не существует» предпринята попытка выявить комическое в сталинском тоталитаризме и зарождение русского феминизма в недрах сталинского общества⁹⁹. В сборнике «Проектное мышление сталинской эпохи»¹⁰⁰ анализируется статус науки и ее роль в становлении идеологии данного периода.

В рамках этого направления можно отметить и другие случаи позитивной «интервенции» на историческое поле со стороны представителей других наук. Например, опыт анализа языка Н. Купиной¹⁰¹, Б. Сарнова¹⁰², жанровый анализ Е. Суровцевой¹⁰³, анализ развития городов в сборниках «Город и деревня...»¹⁰⁴ и «Пермь как стиль...»¹⁰⁵, исследование политических закономерностей развития в коллективных трудах А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко¹⁰⁶ и В. Ильина, А. Ахиезера¹⁰⁷.

Такие способы конструирования объекта и предмета исследования в одно и то же время и существенно расширяют наше знание и представление о сталинской эпохе, и ставят новые вопросы и тем самым открывают путь к новым способам анализа исторических источников и новым способам концептуализации истории.

1.6. Историография кампаний

Историография кампаний иная. С одной стороны, мало найдется книг по сталинской эпохе, в которых не упоминалось бы о кампаниях. Это и не удивительно, поскольку кампании еще со времен военного коммунизма стали неотъемлемым элементом управления Советского Союза. «“То на скаку, то на боку”, “то лежим, то бежим”, “сначала спячка, потом горячка” – эти поговорки, являясь символом кампанейского подхода, отражают важный стереотип мышления и поведения как политиков самого высокого уровня, так и обычных

⁹⁸ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

⁹⁹ Жеребкина И. Феминистская интервенция в сталинизм, или Сталина не существует. СПб.: Алетейя, 2006.

¹⁰⁰ Проектное мышление сталинской эпохи / сост. М. П. Одесский. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2004.

¹⁰¹ Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Уральского ун-та – ЗУУНЦ, 1995.

¹⁰² Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М.: Материк, 2002.

¹⁰³ Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). М.: Изд-во «Аиро – XXI», 2010.

¹⁰⁴ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.

¹⁰⁵ Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко; вступ. ст. О. Л. Лейбовича. Пермь: Редакционно-издательский совет ПГГПУ, 2013.

¹⁰⁶ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.

¹⁰⁷ Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997.

“маленьких” людей»¹⁰⁸, – пишет С. Ульянова, один из историков, посвятивших свою работу кампаниям. Однако чаще всего кампании в работах появляются либо как фон (предпосылка) описываемых событий, либо как следствие воздействия каких-то факторов. Примером первого типа может стать сборник «Подвластная наука? Наука и советская власть», где даже названия отдельных статей звучат в этом ключе: «“Великий перелом” и геохимия»¹⁰⁹, «Физики и борьба с космополитизмом»¹¹⁰. Логика такого рода исследований проста: «в это время шла очередная кампания, она затронула героев так-то и так-то». Примеры второго типа тоже можно встретить в изобилии. Вот один из них: «...к концу 40-х годов престарелый и страдавший от многочисленных хронических недугов диктатор окончательно превратился в патологического юдофоба, которому повсюду стали мерещиться происки, заговоры сионистов. Особенно наглядно это проявилось в “деле врачей” 1953-го года»¹¹¹. И дело не в том, что авторы неправы: разумеется, проходящие кампании оказывали самое непосредственное воздействие на людей, социальные группы и институты, а отдельные кампании действительно могли быть спровоцированы личными пристрастиями вождя, злободневными проблемами или идеологическими установками. Дело в том, что при таком подходе ускользает одна важная деталь: сами по себе политические кампании являются целостным историческим явлением, определенным шаблоном политики, который, однажды возникнув, повторяется раз за разом, причем не только в рамках сталинской эпохи, но и много позже нее. Именно это и делает изучение кампаний актуальным для исторической науки.

Разумеется, к такому пониманию политических кампаний должны были привести значительные успехи в изучении сталинизма в целом. Весь предыдущий обзор иллюстрирует этот путь. По мере того, как исследователи в своем поиске двигались от центральных фигур к «простому человеку», от больших институтов к повседневности, от столицы к провинции, им открывались все новые горизонты и аспекты изучаемой эпохи. Сейчас, когда разработаны и воплощены в жизнь приемы анализа разных уровней исторической реальности, разные исследовательские оптики, становится возможным от описания событий перейти к описанию механизмов, но уже на новом уровне, от перечисления «дел» – к сравнительному анализу, типологизации и рассмотрению структуры.

Анализ исторических трудов, посвященных непосредственно кампаниям, показывает, как шел процесс складывания предмета исследования кампаний.

На первоначальном этапе речь могла идти в основном об описании тех или иных политических кампаний, о накоплении эмпирического материала. В работах Г. Костырченко, С. Шноля¹¹², В. Сойфера¹¹³, Л. Максименкова¹¹⁴, В. Есакова и Е. Левиной¹¹⁵ подробно, с

¹⁰⁸ Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2006. С. 4.

¹⁰⁹ Тугаринов И. А. «Великий перелом» и геохимия // Подвластная наука? Наука и советская власть / сост., науч. ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. М.: Изд-во «Голос», 2010. С. 243–278.

¹¹⁰ Томилиן К. А. Физики и борьба с космополитизмом // Подвластная наука? Наука и советская власть / сост., науч. ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. М.: Изд-во «Голос», 2010. С. 411–467.

¹¹¹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. С. 707.

¹¹² Шноль С. Э. Герои и злодеи советской науки. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

¹¹³ Сойфер В. Н. Сталин и мошенники в науке. М.: Добросвет: КДУ, 2012.

¹¹⁴ Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М.: Изд-во «Юридическая книга», 1997.

использованием архивных материалов восстанавливаются события той или иной кампании, ее этапы, особенности реализации, последствия. Отдельно стоит отметить труды тех ученых, которые начали исследование реализации кампаний на местах на основании региональных архивов, например коллективную монографию «Включен в операцию»¹¹⁶ (авторы: О. Лейбович, А. Кабацков, А. Кимерлинг, А. Казанков, А. Колдушко, В. Шабалин и др.), главы из монографии Е. Зубковой¹¹⁷, статьи О. Лейбовича¹¹⁸.

Постепенно кампании становились предметом отдельного анализа. На этом этапе появились работы, в которых исследовали либо целую серию кампаний, либо реализацию кампаний на разных социально-политических уровнях. Так, следует отметить работу В. Гижова «Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей)»¹¹⁹. В ней автор рассматривает реализацию кампаний в литературе, науке, искусстве на региональном материале. Несмотря на достаточно узкий диапазон рассматриваемых явлений (что, видимо, вызвано неудачной трактовкой кампаний как «идеологических»), это одна из немногих попыток рассмотрения сразу нескольких кампаний в едином русле, да еще и на региональном материале. Другими примерами анализа серий кампаний являются работы С. Ульяновой¹²⁰ и С. Ушаковой¹²¹. В первой анализируется скорее генезис кампаний в 1920-е годы, когда кампанейщина была повсеместно распространенной практикой, инициируемой не только центральной властью, но и на местах. Во второй работе исследуются кампании 1920–1930-х годов, направленные на мобилизацию масс. Такая последовательность примечательна, по скольку дает возможность сравнить развитие структуры кампаний в разные десятилетия (и этапы) становления советской власти. Однако следует отметить, что в этих работах применяются несколько разные подходы. Если С. Ульянова не только рассматривает идеологические составляющие и дает описание механизма кампаний, но и прослеживает непосредственную реакцию на кампании со стороны рабочих и низовых партийно-хозяйственных функционеров по архивным документам, то С. Ушакова в основном ограничивается анализом советской печати, сводя тем самым кампании только к идеологической составляющей.

Кроме упомянутого выше В. Гижова, существует еще одно серьезное исследование

¹¹⁵ Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М.: Наука, 2005.

¹¹⁶ «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. М.: РОССПЭН, 2009.

¹¹⁷ Зубкова Е. «Все на выборы!»: советская демократия в восприятии современников // Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. С. 111–119; «Суды чести» – новая форма воспитания интеллигенции // Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. С. 187–192.

¹¹⁸ Лейбович О. Л. Разорение дома Париных. Молотовские медики в политической кампании 1947 // Лейбович О. В городе М... М.: РОССПЭН, 2008. С. 37–72.

¹¹⁹ Гижов В. А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): дис.... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

¹²⁰ Ульянова С. Б. Указ. соч.

¹²¹ Ушакова С. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013.

послевоенных кампаний, принадлежащее Е. Гениной¹²². Эта работа примечательна тем, что автор уделяет значительное внимание не только событийной истории кампании, но и реализации этой кампании на местах, т. е. управленческим практикам. Впрочем, и тут заметна несколько традиционная интерпретация поведения людей в рамках кампаний как простой «реакции» на действия центральных властей.

В завершении обзора необходимо подчеркнуть те новые подходы и особенности, которые свойственны исследованию, проведенному в данной книге.

Во-первых, здесь изучаются кампании поздней сталинской эпохи, наименее освещенные в научной исторической литературе, что кажется существенным упущением. Разумеется, для понимания исторического явления необходимо знать, каковы его истоки и процессы становления. Однако не менее важно понимать, каковы его зрелые формы. Ведь именно в позднюю сталинскую эпоху можно говорить о сложившейся схеме управления, где политические кампании занимали едва ли не главное место; в это время сталинская система приобрела законченный вид. Изучая результаты, мы начинаем лучше понимать и процесс формирования явления.

Во-вторых, в данной работе делается попытка изучить политические кампании не в отдельных аспектах, а как более или менее целостное явление и при этом избежать как крайностей детализации, так и крайностей схематизации.

В-третьих, за отдельными событиями (в первую очередь рядовыми, повседневными) автор стремится увидеть практики, т. е. по вторяющиеся шаблоны действия, складывающиеся в общий механизм управления, в данном случае – механизм политической кампании. Это позволяет перебросить мостик между повседневностью (низовыми практиками) и миром идей, причем не столько сконструированных властями того времени, сколько презентованных, пусть в сниженной форме, на уровне газетных передовиц, лозунгов, выступлений на высших партийных собраниях, а также переосмысленных на более низких уровнях власти. Отчасти здесь изучаются и процедуры этого переосмысления, складывания дискурсивных практик на местах по всей цепочке передачи сообщений власти вплоть до выступлений отдельных граждан на организованных собраниях.

Наконец, автор стремится уйти от рассмотрения механизма управления, реализованного в политических кампаниях, по схеме «сигнал – ответ», усматривая в низовых практиках элементы «своеволия» (А. Людке) или тактик (де Серто). Это дает возможность понять политические кампании как процесс, формируемый не только сверху, но и снизу, т. е. организаторами этих кампаний на уровне региона, населенного пункта, отдельного предприятия, а также непосредственно рядовыми гражданами.

Чтобы достичь этих целей, необходим экскурс в методологические основания подобного рода исследования.

Глава 2. Повседневность и история: методология исследования

Для начала необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, развитие теорий редко укладывается в простую схему «от простого к сложному» и «от родоначальника к последователям». Поэтому методологическое основание исследования необходимо выстроить не в виде изложения схемы, а в виде изложения взглядов нескольких интеллектуальных традиций, которые, влияя друг на друга, сформировали предмет микроистории и обоснова ли основные методы этой научной теории. Во-вторых, для наилучшего понимания изучаемых явлений надо использовать междисциплинарный подход, т. е. социологические, антропологические, политологические теории для целей исторического исследования. В-третьих, здесь не предполагается написать историю идей и

¹²² Генина Е. С. Указ. соч.

методологий. Необходимо только проследить, из каких составных частей складывалась используемая методология исследования, из каких областей знания они пришли в историю, выяснить, чем они (эти части) могут быть полезны при изучении истории позднего сталинизма в целом и политических кампаний в частности.

2.1. методологическая рамка исследования: между «большой историей» и повседневностью

Различия между макро- и микроподходами в историческом знании зарождаются едва ли не с античных времен. Еще Геродот и Тацит, равно как и многие другие историки древности, перемежали изложение событий обильными вставками о быте, привычках, обычаях народов, упоминавшихся в трудах. Да и в более позднюю пору это было скорее нормой. В XIX в. наряду с фундаментальными трудами по истории отдельных стран, континентов и эпох можно наблюдать существование трудов, посвященных быту, нравам, привычкам отдельных народов, например «Иллюстрированную историю нравов» Э. Фукса или «Быт и нравы русского народа» Н. Костомарова, не говоря уже о многочисленных изданиях типа «Жены Ивана Грозного». И хотя все эти труды к микроистории в строгом смысле отношения не имеют, они свидетельствуют о наличии интереса у авторов и читающей публики не только к историческим событиям, широким историческим панорамам и макропроцессам, но и к частностям, низовой культуре, рутине, одним словом, к тому, что потом получит название «повседневность». В полной мере это проявилось только в начале XX в. Как пишет Х. Медик, «микроистория – сестра истории быта, но кое в чем она идет своим путем»¹²³.

Сегодня вряд ли кто из исследователей будет отрицать тот долгий и трудный путь, который прошла методология исторической науки в XX в. от позитивизма до микроистории, cultural history и конструктивизма (т. е. «Изобретение традиции» Э. Хобсбаума). Но так же сложно утверждать, что история как наука сегодня обладает единым, структурированным исследовательским инструментом, позволяющим без особого труда найти нужный метод для каждого своего предмета. Разговоры о кризисе методологии истории продолжаются, несмотря на множество работ, посвященных этой самой методологии¹²⁴. Новые подходы, обозначаемые как многочисленные «повороты» (лингвистический, прагматический, культурный и т. п.) гуманитарной мысли, свидетельствуют не столько о его преодолении, сколько о мучительных поисках выхода. И этот процесс далек от завершения.

Микроисторическая традиция в рамках данной работы будет пониматься не в узком смысле (как теория микроистории, сформулированная К. Гинзбургом и его коллегами), а как широкий набор подходов, охватывающий значительное количество исторических школ XX в., для которых стало важным увидеть прошлое в его реальности, несводимой к иллюстрации политической, социологической или экономической теории. Концепты архетипа, повторяемости¹²⁵, равно как и концепты повседневности, практик и дискурсов, заимствованные из других наук, дают новый толчок для изучения собственно истории, без ее редукции к политическим или социологическим теориям. Поэтому не случайно в данной работе в качестве классифицирующего термина этого крупного направления выбрано слово «традиция». Он подчеркивает, что речь идет не о последовательных и поступательно

¹²³ Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 193.

¹²⁴ См.: Копосов Н. Дьявол в деталях (По поводу книги Карло Гинзбурга «Мифы – эмблемы – приметы») // НЛЮ. 2004. № 65. С. 11–17. <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/kopo2-pr.html>.

¹²⁵ См.: Живов В. Об исторической науке у Карло Гинзбурга // НЛЮ. 2004. № 65. <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zh1.html>.

развивающихся учениях об истории, но, скорее, о направлениях мысли, о четырех способах говорить об истории, объединяющих различных по времени жизни, взглядам, вкладу, масштабу рассмотрения авторов. Действительно, термин «научная школа» подразумевает, как минимум, единство изначальных позиций, набора аксиом, родоначальника. Термин «традиция» задает не такие жесткие рамки.

Во второй половине XX в. микроисторические подходы стали полноправным, а зачастую и модным инструментарием исторических исследований. Но само по себе это не снимает оппозицию «больших теорий» и микроисследований. Зачастую даже провозглашение автором микроисторической оптики исследования еще не означает следования этому принципу в реальности. Так, например, происходит в работе С. Ушаковой «Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники»¹²⁶, где знаковые термины «практика» и «новые подходы» в заголовке никак не подкреплены изучением практических действий ни инициаторов кампаний, ни рядовых граждан, что само по себе не согласуется с исследовательской программой теории практик, как это будет показано ниже. На самом деле С. Ушакова сделала серьезный анализ действий власти по мобилизации населения на основании изучения средств массовой информации и нормативных документов. Однако здесь наблюдается существующая терминологическая путаница.

В то же время уход от нарратива и макроисторических обобщений не означает формирования единой исторической методологии. Как указывает Н. Копосов, «трудности микроистории заключаются в том, что она невозможна как самостоятельная по отношению к распавшейся макроистории перспектива. Ее проблематика и ее понятия заимствованы у макроистории и получают смысл только благодаря имплицитному соотнесению с “большими нарративами”. Именно поэтому микроистория гораздо естественнее вписывается в логику кризиса социальных наук, нежели в логику его преодоления»¹²⁷, поскольку она оказалась не преодолением, а скорее хорошим дополнением к «большой истории».

Кроме того, микроисторическая традиция зачастую видит феномены не в их непосредственной данности, а как знаки проявления той или иной скрытой силы, чаще всего политической. Так, история клиник у М. Фуко оказывается механизмом дисциплинирующей власти, средневековые войны у Ф. Броделя – продолжением экономики, а «великое кошачье побоище» в Париже XVIII в. у Р. Дарнтон – высмеиванием системы правового и социального мироустройства¹²⁸. Сама микроисторическая традиция и теории смежных гуманитарных наук, привлекаемые в качестве теоретического подспорья начиная со времен школы «Анналов», чаще всего создавались в рамках левой, критической европейской мысли, что не могло не сказаться на их проблематике и общей направленности. В результате на многие микроисторические исследования можно перенести упрек, высказанный В. Вахштайном в адрес политической теории: «После политологической реконкисты мир никогда не будет прежним: мы научились видеть политическую волю, игру сил, отношения власти и доминирования там, где раньше видели повседневные и привычные социальные действия... Политические активисты... сумели доказать, что езда на велосипеде и городское садоводство – не что иное, как формы политического протеста»¹²⁹. Однако так же как

¹²⁶ Ушакова С. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013.

¹²⁷ Копосов Н. Указ. соч.

¹²⁸ Дарнтон Р. Рабочие бунтуют. Великое кошачье побоище на улице СенСеврен. М.: НЛЮ, 2002. С. 91.

¹²⁹ Вахштайн В. «Nothing is political...» // Социология власти. 2012. № 8. С. 6.

чрезмерное стремление во всем увидеть политику грозит потерей Политического (ибо если политика во всем, то ее просто нет), так и стремление свести исторические события (не важно, большие или малые) к тому или иному концепту (повседневности, дискурсу, практикам) грозит потерей Истории.

Означенные проблемы показывают, что сегодня невозможно создать единую методологическую основу исторической науки. В настоящий момент наиболее продуктивным представляется подход, при котором будут сочетаться макроисторические и микроисторические оптики в той мере, в которой они работают на цель исследования. Предмет настоящего исследования – политические кампании позднего сталинского периода – это, скорее, явление макроуровня в том смысле, что они разворачиваются в масштабах большой страны, реализуются большим количеством институций, вовлекают в поле своего действия большое количество людей в качестве организаторов, исполнителей или рядовых участников. Однако понимание политических кампаний как исключительно идеологических посылов сверху вниз либо как форм презентации господствующей идеологии кажется слишком однобоким. А ведь именно так они и трактуются большинством исследователей, что находит отражение и в применяемой терминологии: «идеологические кампании» у В. Гижова¹³⁰ и «идеолого-пропагандистские кампании» у С. Ушаковой¹³¹. Такой подход не учитывает, что между планом и реальностью, между лозунгом и его реализацией существует огромная пропасть, возникающая благодаря многочисленным факторам, не последнюю роль среди которых играют культура, повседневные практики, групповые интересы и многое другое.

Рассматривать политические кампании исключительно через призму повседневности тоже не кажется продуктивным. При таком подходе повседневность превращается в замкнутый социальный мир, куда если и долетают сигналы «большого мира», то исключительно как принудительные стимулы для реагирования. «Историк повседневности ставит перед собой задачу понять групповые и индивидуальные реакции отдельных людей на правила и законы их времени», – считает И. Орлов, автор наиболее полного историографического труда по советской повседневности¹³². Конечно, между поведением шоковым, экстраординарным (т. е. спровоцированным политическими и социальными нормами и установками) и поведением повседневным, рутинным, существует зазор. Эти типы поведения нельзя смешивать, но также их нельзя и противопоставлять. Скорее, можно говорить об их взаимовлиянии и взаимопроникновении, когда на уровне повседневности начинают появляться практики, напрямую связанные с идеологическими клише, и, напротив, публичное, стимулированное указами «сверху» поведение оказывается пронизано повседневными практиками.

Чтобы добиться лучшего понимания сложной взаимосвязи между двумя уровнями анализа, необходимо совершить несколько экскурсов в теории повседневности и микроистории.

2.2. Микроисторическая традиция и теория повседневности

Развитие микроисторической традиции в XX в. прослеживается как минимум с 1910-х годов. Именно тогда начинают появляться труды, ставящие своей целью написание

¹³⁰ Гижов В. А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): дис.... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

¹³¹ Ушакова С. Указ. соч.

¹³² Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 14.

«истории, как она есть». Одновременно с этим в гуманитарных науках разворачивается еще одно направление мысли, без которого не могли бы появиться ни микроистория, ни история повседневности. Речь идет о социологической теории повседневности, подкрепленной философской мыслью. Можно усмотреть определенную схожесть в развитии двух этих интеллектуальных течений в истории и в социологии, до поры существовавших параллельно и только потом, по прошествии десятилетий, взаимно обогативших друг друга. Одно из направлений (историческое) явно выстраивается от Й. Хёйзинги через школу «Анналов» к новой истории и дальше, к микроистории, уликовой парадигме, а второе – социологическое – от американского символического интеракционизма и феноменологии Э. Гуссерля через открытие повседневности А. Шюцем и Г. Гарфинкелем к идее конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана и далее, к идее конструирования исторической памяти, наций, знания у Э. Хобсбаума, П. Нора, Б. Андерсона и проч. Условно эти последовательности можно схематично представить в табл. 1.

Таблица 1. Становление микроистории и истории повседневности

Годы	Историческая линия	Социологическая линия	Философская линия
1910– 1920-е	Й. Хёйзинга. Осень Средневековья	М. Вебер, Г. Зиммель — методологический индивидуализм Дж. Мид, Г. Блумер — символический интеракционизм У. Томас и Ф. Знанецкий — личные документы	Феномено- логия Э. Гуссерля

Годы	Историческая линия	Социологическая линия	Философская линия
1930-е	Школа «Анналов». 1-й этап. Новая историческая наука	А. Шюц — повседневность Н. Элиас — социогенетическая теория цивилизации	Эпистемологический поворот
1940-е	Устная история. Дж. Гулд		
1950-е	2-й этап школы «Анналов» (Ф. Бродель)		Структурализм К. Леви-Стросса
1960-е	Сближение истории и литературы Х. Уайт и Д. Ла Капра	П. Бергер, Т. Лукман — социальное конструирование реальности	Пост-модернизм М. Фуко
1970-е	Новый историзм С. Гринблат, К. Галлахер Устная история П. Томпсон (вариация)	П. Бурье и др. — прагматический поворот	Пост-структурализм Р. Барта
	Микроистория Дж. Леви, К. Гинзбург, Э. Ле Руа Ладюри, С. Черутти История повседневности А. Людтке и Х. Медик		
	Новая культурная история (cultural history) Э. Томпсон, Р. Шартье, Р. Дарнтон		
1980-е	История повседневности А. Людтке и Х. Медик «Изобретение традиции» Э. Хобсбаума	Б. Андерсон, Э. Геллнер — конструирование наций	Повседневность как сопротивление М. де Серто
1990-е	Новый историзм		

В этой схеме годы возникновения той или иной школы проставлены условно в соответствии с моментом появления основополагающей идеи того или иного автора. Разумеется, в последующие десятилетия эти идеи развивались, становились влиятельными и проникали в смежные отрасли гуманитарной науки. Но даже такое схематичное изображение истории становления микроистории дает нам наглядное представление о том, как ее отдельные элементы постепенно складывались в общую мозаику, со временем становясь иногда незаметными внешнему наблюдателю (например, студенту, изучающему историографию), но от этого не утрачивающими свою важность. Так, в построенном здании можно не видеть фундамента или других элементов конструкции, но для реализации всего замысла архитектора эти элементы сохраняют свое значение всегда. В нынешних исторических исследованиях тоже не всегда сразу видны их исходные постулаты, но от этого воздействие последних не менее сильно.

Ряд авторов, специализирующихся на методологии истории повседневности, уже отмечали это взаимовлияние микроистории и социологии повседневности. Например, в монографии И. Орлова «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления»¹³³ этой проблематике посвящена первая глава. На связь микроисторической традиции с социологией указывает и И. Соловьева¹³⁴. Но вряд ли эту тему можно считать полностью раскрытой, поскольку дело ограничивается простой констатацией фактов, причем неполной и неточной. Так, у И. Орлова встречаются такие утверждения: «Исходные позиции истории повседневности базируются на соединении идей Франкфуртской школы, философии истории, марксизма, англо-американской антропологии, постструктурализма и герменевтики», а далее следует перечисление авторов (Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Г. Гарфинкель, А. Сикурел, Н. Элиас, К. Гирц), из которых никого, за исключением разве что двух последних, нельзя отнести ни к одному из означенных направлений. И. Соловьева вообще ограничивается указанием на символический интеракционизм как на единственную социологическую школу, оказавшую влияние на культурную историю¹³⁵.

Здесь другая задача: показать, как две исследовательские традиции взаимно обогащали друг друга на разных этапах. Попробуем бегло перечислить основные этапы становления микроисторической и микроинтеракционистской традиций с подчеркиванием того вклада в позднейший результат, который сделали разные авторы вне зависимости от институциональной принадлежности.

Первым поворотным моментом становления и микроисторической, и микросоциологической традиции стал рубеж XIX–XX вв., когда наряду с громкими попытками выявить объективные закономерности развития общества появились первые попытки объяснения социальных процессов через действия отдельных людей. В истории это связано с работами Й. Хейзинги. Именно в творчестве этого автора можно увидеть поворот от простого бытописания к концептуальному изложению повседневной культуры и истории, что и стало отличительным признаком истории повседневности. Как считают современные авторы, «обращение Хейзинги к социальной психологии и исследование ментальности и уклада средневековой жизни позволяют видеть в нем непосредственного предшественника

¹³³ Орлов И. Б. Указ. соч.

¹³⁴ Соловьева И. М. Культурная история: суверенность дисциплины в век междисциплинарности // Стены и мосты-II. Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: матер. межд. науч. конф. Москва, РГГУ, 13–14 июня 2013 г. М.: Академический Проект, 2014. С. 64–81.

¹³⁵ Там же. С. 74–76.

французской исторической школы “Анналов”»¹³⁶. В его работах была заложена дальнейшая программа всей микроисторической традиции, а именно – отказ от позитивистского и прогрессистского взгляда на историю в варианте «финалистского детерминизма; идеи провиденциальной необходимости; оправдания зла, несправедливости и насилия как орудий прогресса в истории; толкования настоящего как полной истины прошлого»¹³⁷, а также отказ от модного историзма в изложении Л. фон Ранке. Представление Й. Хейзинги о методах истории оказалось настолько непонятным историкам того времени (да и многим нашим современникам), что вызвало многочисленные нападки. «В то время как многое в его взглядах и предпочтениях позволяло сторонникам новых методов исторического исследования считать Хейзингу приверженцем устаревшей “индивидуализирующей”, событийной истории, преемники традиционного идеализма в историческом знании, неокантианцы и неогегельянцы, расценивали его историографическую манеру как “антиисторизм” и “деградацию в социологию”, причем и здесь подразумевался пройденный этап: позитивистская антитеза историзму в XIX веке»¹³⁸.

Одновременно с нововведениями Й. Хейзинги в истории появляются первые социологические попытки уйти от доминирующего позитивизма, и что характерно – в Германии, с ее традициями исторической школы в экономике. Именно тогда, в работах М. Вебера и Г. Зиммеля, появляются рассуждения о методологическом индивидуализме, суть которого сводится к пониманию «социальных процессов как результата деятельности отдельных людей»¹³⁹. Сформулированный таким образом принцип вполне очевидно стал, с одной стороны, реакцией на господствовавшие в тот момент теории позитивизма и марксизма, а с другой – привел к формулировке «методологической оппозиции индивидуализма – общество состоит только из людей и их действий, – и холизма – законы социальных целостностей не сводимы к действиям индивидов»¹⁴⁰. Так М. Вебер на рубеже веков формулирует тезис о понимающей социологии, согласно которому целью социологии является анализ социальных действий и причин их возникновения через понимание того смысла, который вкладывает в данное действие сам его субъект, т. е. человек¹⁴¹. Эта установка в полной мере сближает социологию М. Вебера с методологией Й. Хейзинги и шире – с новой исторической наукой школы «Анналов».

Почти одновременно с этим происходит и процесс открытия повседневности в социологии. Начавшись с таких предпосылок, как американский прагматизм и

¹³⁶ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; науч. – ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 294–295.

¹³⁷ Соловьев Э. Судьбическая историософия Хайдеггера // Прошлое толкует нас. М.: Политиздат, 1991. С. 353.

¹³⁸ Тавризян Г. Й. Хейзинга: кредо историка // Хейзинга Й. *Homoludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. С. 408.

¹³⁹ Микешина Л. А. Методологический индивидуализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. http://epistemology_of_science.academic.ru/428/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Современная западная философия: Словарь / сост. и отв. ред. В. С. Малахов, В. П. Филатов. М.: Острожье, 1998; Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.

бихевиоризм¹⁴², это направление мысли в конце концов оформилось в интерпретативную, или микроинтеракционистскую, традицию. Не вдаваясь в многочисленные детали, отметим только основные отправные точки этого процесса. Его важной вехой стала знаменитая «теорема Томаса», согласно которой «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны в своих последствиях» или, в пересказе Р. Коллинза, «социальная жизнь обладает особым качеством: она становится тем, чем люди ее считают»¹⁴³. Иными словами, по мнению американского социолога У. Томаса, важным при анализе социальных действий является не то, что видится исследователю, но то, что вкладывают в него сами люди. У. Томас, совместно с Ф. Знанецким, стал и первооткрывателем биографического метода, используя личные документы в эмпирическом исследовании «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920). Следует отметить и символический интеракционизм Дж. Мида и Г. Блумера, согласно которому общество складывается в процессе непрерывной демонстрации участниками социальных действий друг другу тех смыслов, которые они вкладывают в эти действия. Поэтому общество становится возможным только благодаря череде символических обменов, в ходе которых «любое действующее лицо участвует в определении социальной ситуации, выражает это внешне и показывает своим поведением, как он желает истолковать ситуацию и почему это имеет значение. В свою очередь другие лица интерпретируют его поведение и учитывают его в своем определении ситуации. Этот процесс осознается крайне редко и еще реже обсуждается вслух, но он постепенно ведет к общему определению ситуации»¹⁴⁴.

Ретроспективно можно сказать, что все эти теории, которые, казалось бы, не имели ничего общего с историей, кроме объекта изучения (человека и общества), сыграли в социологии роль, аналогичную работам Й. Хейзинги, а именно показали возможность иной, помимо позитивизма и прогрессизма (например, в марксистском варианте), интерпретации социального (и исторического) процесса через постижение субъективных смыслов. Именно они легли в основу сформулированной чуть позже концепции повседневности. Но ни в истории, ни в социологии на тот момент этим концепциям не удалось стать доминирующими. Слишком велики оказались инерция научного сообщества и обаяние «больших» объяснительных схем.

Следующий этап становления традиции изучения повседневности связан одновременно и со школой «Анналов», и с творчеством А. Шюца, а назвать его можно феноменологическим. Это связано с появлением и применением в практике исторического и социологического исследования принципов феноменологии Э. Гуссерля. Для М. Блока «предмет истории, в точном и последнем смысле, – сознание людей. Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, – они-то и составляют для истории подлинную действительность»¹⁴⁵. «Время истории – это плазма, в которой плавают феномены. Это как бы среда, в которой они могут быть поняты»¹⁴⁶. «Исторический феномен не может быть понят вне его времени»¹⁴⁷. Все

¹⁴² Подробнее см.: *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000.

¹⁴³ *Коллинз Р.* Четыре социологические традиции. М.: ИД «Территория будущего», 2009. С. 270.

¹⁴⁴ *Абельс Х.* Указ. соч. С. 49.

¹⁴⁵ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. С. 86, 110.

¹⁴⁶ Там же. С. 19.

¹⁴⁷ Там же. С. 23.

это позволяет вслед за некоторыми исследователями сделать вывод о том, что мы имеем право определить М. Блока как «представителя феноменологического направления в изучении истории»¹⁴⁸. Это суждение кажется вполне справедливым. Если феноменология есть попытка изучения мира без применения предубеждений в виде готовой теории, под которую подгоняются факты, то творчество этого ученого, пытавшегося вникнуть в смысл поступков людей прошлого, исходя из их собственных смыслов, – это феноменологический подход в истории.

Разумеется, вся долгая история развития школы «Анналов» не укладывается в такое определение. Но ставка на изучение человека через те смыслы, которые он сам вкладывает в собственные действия, позволила впоследствии появиться и микроистории К. Гинзбурга, и новой социальной истории Э. Томпсона. Но и тут честь введения концепции повседневности в исторический оборот принадлежит одновременно и французским историкам школы «Анналов», и А. Шюцу, опиравшемуся на теорию феноменологии Э. Гуссерля. В интерпретации А. Шюца повседневность есть мир, «который бодрствующий взрослый человек, действующий в нем и воздействующий на него наряду с другими людьми, переживает в естественной установке как реальность»¹⁴⁹. Повседневность при этом есть мир intersubjective в том смысле, что он разделяем с другими людьми, как современниками, так и жившими до него. А также повседневность является «верховой реальностью», противопоставленной другим реальностям, таким как наука, идеология, игра, искусство, получившим название «конечных областей значения»¹⁵⁰. Из этих предпосылок вытекает множество выводов, важных в том числе и для исторического исследования повседневности. Например, мир повседневности конструируется в совместной деятельности людей, не важно – конфликтной или мирной. Иными словами, какие бы сильные шоковые импульсы ни вторгались в повседневный мир, социальная поведенческая реакция на них всегда будет вырабатываться в совместной деятельности людей. Одно это ставит под сомнение схему объяснения сталинизма, согласно которой общество сталинской эпохи являлось атомизированным и подчиняющимся простой манипуляции. Или: мир повседневности взаимосвязан с другими конечными областями значений, точнее, человек постоянно перемещается между ними. Так, в рассуждениях Шюца процесс написания научного текста подразумевает, что ученый, формулируя мысль, находится не в повседневности, а в мире «научного созерцания», но постоянно переключается в повседневность, когда возникает необходимость записать мысль, выступить перед коллегами, пойти в архив¹⁵¹. Аналогично действует и любой актер, в том числе и в рамках политических кампаний. Мир идеологических построений, воспроизводимых в газетной статье или при выступлении оратора на собрании, не есть мир повседневности, но повседневность проявляется, например, в процедурах собрания, в типичных («бытовых») объяснениях своих поступков, в организации работы агитаторов во время проведения выборов или в процедурах заполнения формуляров и отчетов. Это лишний раз на теоретическом уровне доказывает, что при изучении кампаний в сталинскую эпоху будет неверным называть их идеологическими и пропагандистскими (т. е. относящимися к сфере идеологии), но следует говорить о политических кампаниях в том смысле, что это процессы

¹⁴⁸ Марк Блок: биография. <http://www.people.su/14823>.

¹⁴⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 402.

¹⁵⁰ Там же. С. 424.

¹⁵¹ Там же. С. 440.

взаимодействия между идеологией, властными институтами и людьми.

Несмотря на то что понимание повседневности в работах А. Шюца было проработано с большой глубиной, на тот момент оно не приобрело особой влиятельности в гуманитарных науках. Так, Ф. Бродель понимал под повседневностью нечто иное, а именно «системы достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами», включающие «географические, демографические, агротехнические, производственные и потребительские условия материальной жизни», а также «собственно экономические структуры общества, связанные со сферой обмена... и возникающие на их основе социальные структуры, начиная с простейших торговых иерархий и заканчивая, если того требует предмет исследования, государством»¹⁵², а современные историки вообще понимают повседневность слишком аморфно, как то, «что происходит каждый день, в силу чего не удивляет»¹⁵³. Тот факт, что в середине XX в. так и не удалось перебросить мост между социолого-философской и исторической трактовкой повседневности, объясняется достаточно просто. Как известно, А. Шюц при жизни издал лишь одну книгу в 1932 г. и предпочитал оставаться свободным ученым, став преподавателем только под конец жизни, в 1952 г.¹⁵⁴ Не способствовала популяризации его идей и чрезмерная усложненность его теоретических построений. Только в результате деятельности его учеников П. Бергера и Т. Лукмана, обобщивших его взгляды и придавших теории повседневности более или менее стройный вид, эта концепция стала приобретать популярность в 1960-х годах.

Именно в период 1960–1970-х годов начинается настоящее сближение социологической теории повседневности и исторической науки. Этому предшествовало несколько очередных попыток «обновить» историю, например в рамках устной истории либо истории Х. Уайта и Д. Ла Капра. Правда, эти попытки означали скорее капитуляцию истории как науки, нежели методологические прорывы. Так, попытки «соединить историю, литературу и философию», равно как и последовавший за этим «новый историзм», а также постструктуралистский историзм Р. Барта выглядели больше как вторжение иных наук на поле истории или отрицание за историей статуса полноценной науки, чем как выработка новой исследовательской парадигмы.

Стоит упомянуть историческую социологию, возникающую как раз в этот период, в 1950–1980-е годы (Р. Бендикс, Б. Мур, И. Валлерстайн и др.). Но, по словам М. Крома, для исторических социологов в большей степени характерна попытка генерализаций и поиска каузальных связей, чем внимание к историческому контексту¹⁵⁵, т. е. они действуют, скорее, в рамках макросоциологических подходов и поэтому к рассматриваемой теме не относятся.

Выход из обострившегося кризиса методологии истории произошел благодаря П. Бергеру и Т. Лукману, чья книга «Социальное конструирование реальности» вышла в 1969 г. Социология повседневности на тот момент еще не была в ходу. Поэтому содержание этой книги было и банальным, и провокационным одновременно. Опираясь на К. Маркса, М. Вебера, К. Манхейма, А. Шюца и Дж. Мида, авторы утверждали, что «все объективные условия жизни людей определяют их мышление. С такой точки зрения даже субъективные условия, от которых, по мнению индивида, зависят его мышление и деятельность, являются на самом деле объективными условиями, потому что у них имеется общественно

¹⁵² Новая философская энциклопедия: в 4 т.... Т. I. С. 311.

¹⁵³ Орлов И. Б. Указ. соч. С. 9.

¹⁵⁴ Абельс Х. Указ. соч. С. 67–68.

¹⁵⁵ Кром М. М. Сравнение в истории и исторической социологии: общность метода и различие дисциплинарных подходов // Стены и мосты-II. Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: матер. межд. науч. конф. Москва, РГГУ, 13–14 июня 2013 г. М.: Академический Проект, 2014. С. 37.

обусловленная предыстория, которая входит в индивидуальную биографию человека и ограничивает действия и идентичность вполне определенными возможностями»¹⁵⁶. Тем самым в книге поднимался и заново решался извечный вопрос многих гуманитарных наук: соотношение между личным восприятием мира и большими социальными структурами. И если ранее ответ на него давался в пользу социальных структур, определявших поведение людей по «объективным» законам истории и социологии, то теперь ответ звучал иначе: люди сами в ходе взаимодействий «лицом к лицу» создают устойчивые шаблоны поведения, которые затем ими объективизируются, т. е. начинают восприниматься как существующие до начала взаимодействия, затем легитимизируются (получают «объективное» объяснение и обоснование) и тем самым институционализируются, приобретают принудительную силу. Именно так рассуждали и первые представители микроистории – Дж. Леви, К. Гинзбург, Э. Ле Руа Ладюри. Как пишет С. Черутти, «решение ограничить поле исследования, спустить его до “микро”-уровня и тщательным образом выискивать единичных “действующих лиц” исторических процессов стало реакцией на высокомерие и самонадеянность сторонников этаблированного исторического “здорового смысла”, навязывавшего определенные временные масштабы исследования, его границы и понятийный аппарат, что нередко приводило к возникновению грубых анахронизмов»¹⁵⁷. Пытаясь их избежать, микроистория переносит акцент на изучение объекта «под микроскопом», и именно благодаря «максимально многостороннему и точному освещению исторических особенностей и частных, характерных для общности индивидов исследуемого района, взаимосвязь культурных, социальных, экономических и политико-властных моментов раскрывается как взаимозависимость всех объектов исторического бытия»¹⁵⁸. Да и сами представители микроистории указывают на то, что одним из стимулов разработки этой теории являлась «собственная динамика внутринаучных противоречий и событий, как, например, широкие интеллектуальные дебаты по проблемам гуманитарных наук и особенно вызов, брошенный социальной истории этнологией и культурно-антропологическими исследованиями»¹⁵⁹.

Из социологии П. Бергера и Т. Лукмана вытекают два направления социальной мысли, получившие широкое хождение в разных гуманитарных науках. Это теория практик и конструктивизм. Так называемый прагматический поворот по версии В. Волкова и О. Хархордина начинается с 1980-х годов¹⁶⁰. По мнению этих авторов, «сегодня теория практик если и существует, то лишь как удобная территория для междисциплинарных исследований»¹⁶¹. Тем не менее все эти исследования объединяет одно общее понятие, давшее название всему «повороту». Практики у Л. Витгенштейна – это языковые игры, или «инструментальное использование языка в контекстах практической деятельности». (Л. Витгенштейна, творившего в первой половине XX в., цитируемые авторы относят к родоначальникам «прагматического поворота»¹⁶².) Для Г. Гарфин келя практики есть

¹⁵⁶ Абельс Х. Указ. соч. С. 108.

¹⁵⁷ Черутти С. Микроистория: Социальные отношения против культурных моделей? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005 / под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: ОГИ, 2006. С. 354–375.

¹⁵⁸ Медик Х. Указ. соч. С. 193.

¹⁵⁹ Там же. С. 195.

¹⁶⁰ Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.

¹⁶¹ Волков В., Хархордин О. Указ. соч. С. 12.

¹⁶² Там же. С. 14.

«искусство решения практических задач в ситуации неопределенности»¹⁶³, в социологии искусства и литературной теории – «неявные правила или коллективные нормы», по которым научное сообщество устанавливает «значимые факты», «приемлемые объяснения» и «смыслы текстов»¹⁶⁴. В исторических исследованиях Н. Элиаса, М. Фуко, Р. Шартье, П. Бёрка с помощью понятия «практика» демонстрируется, как те или иные «формы опыта (сексуальность, насилие, сумасшествие, познание, смерть) и самосознания (личность, индивидуальность), а также ставшие основными культурные навыки (манера поведения, разговорная речь, чтение) имеют длительную и, часто, нелинейную историю становления», несмотря на кажущуюся естественность¹⁶⁵. Наиболее подробно эта категория разбирается в работах П. Бурдьё, для которого практики – это способность социальных субъектов проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающей действительности... Социальной практикой можно считать как целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и каждодневные, привычные поступки, не требующие объяснения и зачастую кажущиеся внешнему наблюдателю лишёнными смысла или же нелогичными¹⁶⁶. Наиболее провокационно звучат работы М. Фуко, для которого практики есть дисциплины, производимые социальными институтами, такими как школа, фабрика, больница, тюрьма, армия.

Кроме перечисленных авторов, к «прагматическому повороту» можно отнести и целый ряд других авторов, таких как Б. Латур, Ж. Делез, Дж. Скотт, А. Макинтайр, О. Хархордин, М. де Серто и др. Особенно интересной для целей настоящей работы оказывается интерпретация практик у последнего исследователя, но об этом пойдет речь в следующем параграфе.

Влияние «прагматического поворота» на историю проявляется пока чаще всего на уровне «моды», особенно в России, о чем говорят О. Хархордин и В. Волков. Даже те работы, которые, казалось бы, посвящены непосредственно истории (например, «Придворное общество»¹⁶⁷ и «О процессе цивилизации»¹⁶⁸ Н. Элиаса или многочисленные работы М. Фуко, равно как и «Обличать и лицемерить» О. Хархордина¹⁶⁹), историками редко воспринимаются как родственные.

Другое направление, заданное социологией повседневности П. Бергера и Т. Лукмана, можно обозначить как конструктивизм. Наиболее ярко оно проявилось в 1983 г., когда одновременно были выпущены две книги, посвященные конструированию наций:

¹⁶³ Там же. С. 15.

¹⁶⁴ Там же. С. 16.

¹⁶⁵ Там же. С. 16–17.

¹⁶⁶ Шугальский С. С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание, понимание, умение. 2012. № 2. С. 276.

¹⁶⁷ Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002.

¹⁶⁸ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

¹⁶⁹ Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.

«Воображаемые сообщества» Б. Андерсона и «Нации и национализм» Э. Геллнера. Несколько позже появляется работа Р. Брубейкера «Этничность без групп». Общим итогом этих работ можно считать утверждение идеи о наивности восприятия социальных общностей, каковыми являются нации, как чего-то заданного «кровью и почвой», изначальными «естественными» предпосылками. Причем теория конструктивизма довольно быстро перешла от изучения наций к таким темам, как гендер (гендерная история), традиция («Изобретение традиций» Э. Хобсбаума), социальные группы и т. д. С теорией практик у идеи конструктивизма много общего, и главное – утверждение тезиса о формировании социальных явлений через деятельность отдельных людей, групп и институтов.

Однако стоит отметить и некоторое отличие собственно теории практик от других течений в социологии повседневности. Если изначально в теориях А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана повседневность и называлась верховной реальностью, то все же она оставалась только одной из возможных реальностей, наряду с другими, тогда как категория практики претендует на роль всеобъясняющего инструмента. Как замечает И. Девятко, «практика превращается в собственный критерий осмысленности, истинности и справедливости, так что невозможно определить, где проходят ее границы»¹⁷⁰. Тем самым именно теория практик в социологии спровоцировала редукцию всего многообразия человеческого поведения к одному концепту, о котором упоминалось в начале этой главы. Признавая несомненную эвристическую ценность теории практик, следует учитывать и ее указанную особенность.

Заканчивая обзор, стоит отметить, что такое длительное «параллельное развитие» нескольких гуманитарных традиций не могло не привести к взаимному влиянию. Нет ничего удивительного в том, что между историками и социологами, равно как и философами, филологами, лингвистами и т. д., в процессе работы происходит филиация идей. Удивительно скорее иное: зачастую многие из историков, видимо защищая свои институциональные интересы, делают вид, что ничего дельного и полезного в смежных науках не происходит. Перефразируя А. Эткинду, утверждавшего, что «граница между историей и филологией охраняется только с одной стороны – историками»¹⁷¹, можно сказать, что границу между историей и социологией повседневности в России охраняют в основном историки, что и приводит к обеднению исследовательских инструментов. Между тем история не может не испытывать влияния теорий других наук, как это произошло, например, с историей повседневности в Германии (А. Людтке), микроисторией в Италии и cultural history в США.

После такого продолжительного обзора пришло время сосредоточиться на конструировании собственно методологического аппарата данной работы.

2.3. Теория повседневности, применяемая к поздней сталинской эпохе

В статье О. Лейбовича «Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи»¹⁷², приводится полемический тезис, с которым нельзя не согласиться. Если, утверждает он, воспринимать повседневность только как «лично ориентированные практики, в наименьшей степени подверженные воздействию современных им политической

¹⁷⁰ Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. С. 298.

¹⁷¹ Эткин А. Новый историзм, русская версия // НЛО. 2001. № 47. <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>.

¹⁷² Лейбович О. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения (ноябрь 2008). Пермь: Мемориальный центр «Пермь-36», 2009. С. 250–264.

и даже экономической систем», реализуемые в быту и в рамках домашнего мира¹⁷³, то придется отождествить повседневность с частным миром, что означает упустить большую часть жизни людей, особенно в обществе, где власть целенаправленно в этот мир вторгается, если не сказать – его уничтожает. В противовес этой позиции он декларирует необходимость изучения повседневности как принадлежащей миру культуры: «многомерному, вертикально организованному, инертно му»¹⁷⁴. Повседневность, таким образом, включает «совместно разученные социальные практики», «инструменты (средства)», «пространство, осваиваемое в ходе этих практик» и «их смысловое наполнение, побуждающее их к этим действиям и позволяющее различать: хорошо или плохо это действие исполнено, распределять поступки, вещи и обстоятельства по важности, судить, насколько соответствует окружающий и возделываемый мир общим идеалам»¹⁷⁵.

Такая трактовка повседневности представляется достаточно точной и удобной для исторического исследования. Особенно в совокупности с излагаемым в этой же статье представлением о трех уровнях повседневности поздней сталинской эпохи: повседневности лагеря, повседневности «будничной жизни» и повседневности идеального мира – праздничного, нарядного и гармоничного, существовавшего в «идеологической или медиальной сфере: газетах, кино, литературе». Эти уровни поданы через метафору трехэтажного дома, в котором существуют «лифты, лестницы и кабели высокого напряжения»¹⁷⁶.

И тем не менее эту схему можно детализировать. Во-первых, будничный мир повседневности не мог быть единым, поскольку единым не было и само общество. Различные социальные группы (например, обитатели заводских поселков, работники органов НКВД-МГБ, номенклатура, колхозники, интеллигенция) хотя и разделяли друг с другом некоторую часть социального пространства, но все-таки формировали свои варианты повседневности, хотя и осваивали некий общий набор практик, но имели и собственные практики в силу своей профессиональной деятельности или территориальной удаленности и проч.

Во-вторых, лестницы и лифты в этом доме работали не всегда исправно. Согласимся, для подавляющего большинства жителей большой страны повседневность партийного и государственного руководства оставалась закрытой, что только способствовало формированию мифа о вождях. Доносящиеся «сверху» образы, лозунги или грозные предупреждения выступали тогда (а впрочем, и по сей день) в качестве некоего сакрального знания, которое интерпретировать можно было только по единому канону.

В-третьих, в самом наборе практик (в том числе дискурсивных), которыми была наполнена повседневность поздней сталинской эпохи, вслед за социальными теоретиками следует различать как минимум два больших типа: практики, навязываемые сверху, т. е. дисциплинарные и паноптические, и практики, вырабатываемые иными участниками социальной жизни. На последнем различии стоит остановиться подробнее.

Как уже говорилось, термин «дисциплинарные практики» ввел в широкий научный оборот М. Фуко. В силу ряда особенностей его философского подхода, рассмотрение которых не входит в задачу этой работы, он рассматривает власть бессубъектно, как социальный конструкт, отражающий отношения подчиненности. При таком подходе дисциплинарные практики представляют собой механизм производства «нормальности», в

¹⁷³ Там же. С. 251.

¹⁷⁴ Там же. С. 255.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. С. 257.

ходе которого определяются границы нормы, а вместе с этим нормализуется и объект¹⁷⁷. Говоря более простым языком, дисциплинарные практики призваны полностью подчинить, «дисциплинировать» человека, научив и принудив его к выполнению необходимых власти действий. Сам М. Фуко, мыслитель левых критических взглядов, видел примеры дисциплинирующих практик во всех обществах, и особенно в западных.

Параллельно власть производит и паноптические практики (от понятия «Паноптикон» Й. Бентама), т. е. практики надзора. Главной целью паноптических практик является выработка у индивидов «внутреннего надзирателя», т. е. привычки и потребности в самостоятельном контроле собственного поведения.

Увидеть в поздней сталинской эпохе в целом и в политических кампаниях в частности примеры дисциплинарных и паноптических практик не составляет труда. Особую ценность такому пониманию действий власти придает возможность увидеть в политических кампаниях не просто проект, который «спустили» сверху и заставили ему подчиниться, но набор ежедневных действий, осуществляемых на всех уровнях управления, включая самый нижний, затрагивающих каждого человека и заставляющих его лично включаться во все процедуры дисциплинирования и даже самому воспроизводить их с завидной регулярностью. Так, каждый рядовой советский человек, не говоря уже о людях, облеченных какой-либо властью, должен был не только становиться зрителем дисциплинарных действий, таких как собрание трудового коллектива, заседание партячейки, праздничные демонстрации или суды чести, но и быть их активным участником, а зачастую и организатором. Точно так же он должен был не просто читать газеты и смотреть кинофильмы, но и научиться самостоятельно отличать правильный текст от неправильного, истинный от вредного, инспирированного «враждебным» окружением, даже в собственных словах и поступках¹⁷⁸.

Однако представление о том, что все практики инспирированы властью и служат «нормализации» и «дисциплинированию» индивида, изложенное в трудах М. Фуко, подверглось критике со стороны иных социальных мыслителей, в первую очередь – М. де Серто. «Во многом работа де Серто представляет собой критическую реакцию на исследование Фуко 1970-х годов и на преувеличение им возможностей современных аппаратов власти осуществлять господство»¹⁷⁹. В представлении де Серто помимо дисциплинарных практик в обществе присутствуют и другие, «низовые» практики, «паразитирующие на всевозможных дисциплинарных и паноптических аппаратах»¹⁸⁰. Чтобы обосновать этот тезис, он вводит различие между стратегиями – практиками, присущими «сильным», и тактиками – практиками, присущими «слабым» участникам социальных отношений. Стратегии (т. е. практики, используемые индивидами, облеченными властью) нацелены на установление контроля над социальным пространством, что означает его иерархическую организацию и распределение индивидов по отведенным им «местам». В изучаемый период это проявилось в полной мере – города, заводы, колхозы, спецпоселения и лагеря действительно являлись не просто территориями, но социальными «ячейками», помещение в которые уже заключало индивида в рамки особых правил. Далее следует производство и поддержание идентичности через присваивание названия (горожанин, член партии, рабочий, колхозник, трудармеец или заключенный) и определенных символов, эту идентичность выражающих (например, форма, значок, партбилет и т. д.). Наконец, стратегии включают непосредственное планирование и организацию действий «слабых» индивидов, в

¹⁷⁷ Волков В., Хархордин О. Указ. соч. С. 181–185.

¹⁷⁸ Хархордин О. В. Указ. соч.

¹⁷⁹ Волков В., Хархордин О. Указ. соч. С. 195.

¹⁸⁰ Там же.

том числе через репрезентацию декларируемых целей и производство множества инструкций и предписаний¹⁸¹.

Напротив, практики «слабых», т.е. тактики, чаще всего являются ответом на стратегические способы действия со стороны власти. Их нельзя отождествлять с организованным и открытым сопротивлением: последнее самоубийственно, особенно в условиях тоталитарного режима. Но речь не идет и о пассивности, поскольку реального человека нельзя представить в роли простой «марионетки», если только в качестве метафоры. Скорее эти практики конформны в том смысле, что они нацелены на приспособление к действиям власти, «будь то изначальное слияние с вектором силы оппонента, с окружающей средой или различные виды притворства, мимикрирования, включая демонстративное следование букве закона»¹⁸². Переформулировав предложенные де Серто типы тактик применительно к изучаемому объекту, можно сказать, что они сводились к:

- избеганию предписанного места (например, известные случаи переезда людей, знавших о своем предстоящем аресте, либо переход колхозных крестьян в статус рабочих, причем даже не покидая деревни);
- созданию неформальных связей, помогающих их участникам выжить (системы блата, неформальных связей, неформальной экономики и т. п.);
- притворству и обману, в особенности при навязывании властью определенной идентичности (сокрытие социального происхождения, смена фамилии, отказ от родственных отношений);
- использованию властных практик для достижения собственных, не предусмотренных властью целей (использование политических кампаний и партийных норм для построения карьеры, сведения счетов, восстановления семьи, корыстные интересы).

Классификация тактик де Серто носит, разумеется, умозрительный характер. Здесь она приводится как пример возможного анализа, но не как руководство к действию. Микроисторическое исследование скорее предполагает сначала находить тактики в жизни людей, а затем пытаться их классифицировать. Впрочем, и сам де Серто считал, что у «слабых» есть огромное количество способов действия.

На уровне конкретных исторических исследований эта методология наиболее ярко воплотилась в трудах А. Людке. В основе его *Alltagsgeschichte* (истории повседневности) лежит утверждение: «...реконструкция повседневных практик совершенно отчетливо показала, что тотального контроля нацистской власти над германским обществом не существовало. Даже в самых сложных ситуациях у людей имелся выбор»¹⁸³. Людке говорит о существовании «своеволия» или «своенравного упрямства», что трактуется «как отстаивание работником определенной автономии на своем рабочем месте... работники тем или иным путем стремились находить ниши в заводских порядках, чтобы “не мытьем, так катаньем”, а если надо – то и путем... “валяния дурака”, своевольно и упрямо утверждать собственное гордое и своенравное “я”»¹⁸⁴.

Таким образом, работы де Серто позволяют увидеть в политических кампаниях ту глубину, которая ускользает в простой обличительной логике тоталитаризма. Но учитывая,

¹⁸¹ Волков В., Хархордин О. Указ. соч. С. 198.

¹⁸² Там же. С. 199.

¹⁸³ Журавлев С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки. Предисловие // Людке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 18.

¹⁸⁴ Там же. С. 19.

что его теория создавалась совсем по другому поводу, следует ее дополнить еще некоторыми замечаниями.

Прежде всего, не надо абсолютизировать способность людей противостоять воздействию власти, особенно в изучаемую эпоху. Не факт, что применяемые уловки всегда оказывались успешными, и не факт, что все без исключения жители Советской России ими пользовались. Напомним, речь в этой главе идет о методологическом аппарате исследования, но не о выводах. Сама возможность еще не означает ее реализации.

Далее, отождествление «стратегий» с действиями власти есть скорее абстракция, нежели реальность. Возвращаясь к метафоре трехэтажного дома, где верхний этаж представляет собой мир идеального, сконструированного по лозунгам и художественным произведениям бытия, необходимо признать: в сталинскую эпоху все социальные группы, в том числе непосредственно осуществлявшие власть (номенклатура и органы НКВД-МГБ), сами оказывались в роли определяемых и идентифицируемых «слабых», хотя и в разной степени. Поэтому можно говорить о тактических практиках не только применительно к «простым гражданам», но в не меньшей степени и к привилегированным слоям населения.

И последнее. В отличие от де Серто, создававшего теорию и строившего свои рассуждения на основании личных наблюдений и аналитических процедур, историк лишен возможности «глубокого исследования» своих персонажей, но должен описывать частные случаи. Он не может расспросить людей, о которых пишет, не может за ними пронаблюдать, добыть дополнительные документы, погрузиться в их повседневность. Чаще всего историк имеет дело с обрывочными сведениями и формальными документами, такими как протоколы собраний, письма в газету или в партийные органы, следственные дела, созданными не для удобства их изучения, а в логике бытовавших в то время практик. Это создает множество дополнительных трудностей при интерпретации истинных мотивов поведения людей. Большой удачей является обнаружение эго-документов, в особенности дневников, позволяющих понять не только канву событий, но и личное, не предназначенное для публичного воспроизводства, мнение, но такое случается не часто. Гораздо чаще приходится воздерживаться от искушения «полного объяснения» в пользу научной добросовестности, ограничиваясь простым указанием: «мы этого знать не можем».

Глава 3. Социально-экономическая ситуация и повседневность молотовской области в послевоенные годы

Город Молотов (ныне Пермь) был в послевоенные годы большим индустриальным центром страны. В городе по переписи 1959 г. проживало 629 тыс. человек (в области – 2 992 876 чело век¹⁸⁵). Городов, в которых насчитывалось больше 500 тыс. жителей, было в СССР всего 25 в то время. Молотов занимал среди них 16-е место. Количество жителей Молотова по переписи 1939 г. – всего 306 тыс.¹⁸⁶ Массовое перемещение населения на Урал было как добровольным, так и принудительным, да еще война привела эвакуированных вместе с заводами рабочих. Население Уральского региона росло опережающими темпами по сравнению с другими регионами страны. За 1939–1959 гг. население СССР увеличилось на 9,5 %, РСФСР – на 8,4 %, а Уральского региона – на 37,5 %¹⁸⁷.

¹⁸⁵ Таблицы 3, 4. Распределение населения по национальности и родному языку // РГАЗ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566а–1566д. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=54.

¹⁸⁶ <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>.

¹⁸⁷ Личман Б. В. Региональная индустрия в СССР. Екатеринбург: Уральский политех. ин-т, 1992. С. 217.

3.1. Заводской мир городского жителя

Ключевую роль в жизни города Молотова играли заводы. Жизнь в разных районах была организована заводами и фабриками. Люди работали на предприятии, жили в домах или бараках, им построенных, отдыхали здесь же в домах культуры. Связь с другими районами города была довольно слабой. У горожан отсутствовала необходимость часто перемещаться из одного района в другой. Аналогичная ситуация складывалась в небольших городах Молотов ской области.

В Молотовской области в послевоенные годы на учете состояло 832 действующих промышленных предприятия¹⁸⁸. В их число входили реконструированные дореволюционные заводы и фабрики, новостройки сталинских пятилеток и эвакуированные оборонные заводы. Многие работали в состоянии постоянной аварийной или предаварийной ситуации. Упоминания о проблемах с оборудованием были даже в отчетах об успехах предприятий. В «Справке о работе химической промышленности и цветной металлургии Молотовской области в 1946 г.» указано, что на Березниковском азотно-туковом заводе в январе 1946 г. «была крупная авария, явившаяся следствием запущенности оборудования»¹⁸⁹. Много было недостроенного или требовавшего срочной реконструкции.

Несмотря на кампании по мобилизации населения на ударный труд, зачастую планы выполнялись менее чем на 50 %. Даже самая значимая государственная директива – «сталинское задание» – не исполнялась вовремя. «В Березниках еще не было случая, чтобы приказы за подписью товарища Сталина исполнялись в срок»¹⁹⁰, – писал корреспондент газеты «Звезда» секретарю Молотовского обкома о долгострое магниевого завода.

Остановимся на ценах послевоенных лет. По дневникам А. Дмитриева можно восстановить некоторые реальные цены на продукты и промтовары. Сапоги на колхозном рынке города Молотова («Головки у них хромовые, подметки кожаные, а голенища кирзовые, но на вид приличные»¹⁹¹) стоили 400 руб. Интересно, что носить их он собирался с галошами, которые раньше носил на полуботинках. В цехе на заводе № 19 был собственный сапожник, ему А. Дмитриев продал свои старые сапоги, у которых «только голенища были хорошие», за 200 руб.

Поношенное зимнее полупальто на рынке стоило 800 руб. «В цехе выписали свитер по цене 70 руб.»¹⁹². В апреле 1947 г. в ком мерческих магазинах мука стоила 9 руб. за кг¹⁹³. В

¹⁸⁸ См.: Стенограмма 5 пленума [Молотовского] обкома КПСС. Запись от 11.04.1957 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 24. Д. 5. Л. 67.

¹⁸⁹ Справка о работе химической промышленности и цветной металлургии Молотовской области в 1946 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 218. Л. 186.

¹⁹⁰ Данилкин М. Т. Прассу Ф. М. 12.05.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 5.

¹⁹¹ Личные дневники А. И. Дмитриева. Дневник № 9–10 (Записки о жизни). Запись от 8.04.1947. Рукопись // ПермГАНИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 2.

¹⁹² Личные дневники А. И. Дмитриева. Дневник № 8 (Записки о жизни). Запись от 4.11.1946. Рукопись // ПермГАНИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 92 об.

¹⁹³ Личные дневники А. И. Дмитриева. Дневник № 9–10 (Записки о жизни). Запись от 21.04.1947. Рукопись // ПермГАНИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 11.

сентябре 1946 г. хлеб в магазине 3 руб. 40 коп. за кг, а коммерческая цена 8 руб.¹⁹⁴

Заработная плата на заводах была очень разной, в зависимости от квалифицированности труда, от занимаемой должности и от личных связей. И оклад отличался от реального заработка.

Таблица 2. Справка о размере заработной платы в 1948 г.

¹⁹⁴ Личные дневники А. И. Дмитриева. Дневник № 8 (Записки о жизни). Запись от 23.09.1946. Рукопись // ПермГАНИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 79.

Прежнее место работы, должность	Получаемый ранее оклад
Завод № 10, слесарь	1500
Завод № 577, начальник отдела	1430
Завод № 90, зам. сек. парткома	1400
Чусовской ГК ВКП(б), инструктор	980
Завод № 700, начальник отдела	1600
Завод № 700, начальник цеха	1680
Ответственный редактор радиовещания г. Лысьва	500
Завод № 172, старший инженер отдела № 26	930
Теплотехник Кунгурского кожкомбината	980
Завод № 98, инженер УКСа	900
Завод № 19, зам. начальника цеха	1200
Завод № 19, мастер цеха	950
Трест № 29, зам. управляющего Трестом	2000
Теплогорский алмазный прииск, зам. директора	1800
Чусовской горисполком, зав. отделом	980

Прежнее место работы, должность	Получаемый ранее оклад	Среднемесячный заработок
Обком ВКП(б), инструктор	1150	1150
Трест «Березниксоль», теплотехник	790	1452
Обком ВЛКСМ, секретарь	1300	1300
Депо станции Пермь-2, секретарь парторганизации	1275	1275
Молотовский горисполком, зав. горсобеса	1600	1600
Завод № 33, секретарь парторганизации цеха	1000	1000
Завод № 237, начальник проектного отдела	1449	1933
Завод № 629, начальник отдела кадров	1000	1000
Завод № 172, зам. начальника цеха	1100	1526
Станция Кунгур, заведующий парткабинетом	880	880
Молотовский ГК ВКП(б), инструктор	950	950
Завод № 33, секретарь партбюро ОГМ	930	930
ЗакамТЭЦстрой, прораб	1100	1100
Завод № 172, старший инженер лаборатории	1100	1262
Завод № 700, ведущий технолог цеха	1100	1340
Станция Чусовская, старший инженер паровозного хозяйства	1300	1300
Школа № 45 г. Молотов, директор	710	840
Завод № 426 г. Кунгур, парторг ЦК ВКП(б)	1700	1700
Завод № 700, диспетчер завода	1100	1327
Краснокамская фабрика Гознак, начальник отдела сбыта	1400	1400
Завод № 700, начальник смены	1500	2918
ВОХОР П.Ж.Д., инструктор по политчасти	932	932

Прежнее место работы, должность	Получаемый ранее оклад	Среднемесячный заработок
Завод № 172, техник военной приемки	1150	1150
Завод «Вторчермета», начальник ОРСа	1725	1725
19 отряд ВОХР, г. Молотов, командир отряда	815	978
Калийный комбинат, заместитель директора по снабжению	1750	2068
Военно-механический техникум, начальник отделения	600	1920
Обком ВКП(б), зам. зав. отделом	1400	1400
Обком ВКП(б), лектор	1250	1250
Партком завода № 10, зам. секретаря парткома	1120	1120
Обком ВКП(б), инструктор	1200	1200
Завод № 19, начальник отдела сантехники	1200	1400
Редактор газеты «Сталинец»	1500	1800
Завод № 169, зам. директора по соцбыту	1000	1000
Обком ВКП(б), инструктор	1150	1150
Ремонтное училище № 10, директор	1300	1300
Завод № 172, начальник смены цеха	1000	1180
Завод № 172, секретарь парторганизации цеха	1050	1050
Завод № 172, начальник техбюро цеха № 22	1500	2365
Завод № 98, зам. начальника Отдела Найма и Увольнения	1000	1000
Соликамский бумкомбинат, начальник лесобиржи	1800	1800
Березниковский магниевый завод, начальник цеха	1200	1200
Пашийский цементный завод, начальник торгового отдела	1500	1500

Прежнее место работы, должность	Получаемый ранее оклад	Среднемесячный заработок
Чусовской металлургический завод, начальник смены	1560	2127
Молотовснаблес, начальник спецотдела	1100	1100
Завод № 33, старший мастер цеха	980	980
Чусовской металлургический завод, старший инженер производственной группы	1000	1448
Завод № 172, начальник участка цеха	1560	1859
Чусовской металлургический завод, зам. председателя завкома	1400	1400
Завод № 172, начальник цеха № 32	1680	1918
Кунгурский горисполком, ответственный секретарь	880	880
Мастерские Пермской железной дороги, главный инженер	1000	1000
Завод № 172, начальник отдела технического контроля	1440	1880
Завод № 749, Краснокамск, начальник цеха	1440	1440

Источник: Справка о размере заработной платы заместителей директоров МТС по политчасти по последнему месту их работы до отъезда в МТС. 18.06.1948. Машинопись // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 442. Л. 78–84.

Получается, что в 1948 г. начальник цеха или отдела на заводе получал 1500–2000 руб., тогда как рабочий низкой квалификации, по данным из различных источников, в среднем получал 300–500 руб. в месяц. Но часто бывало и еще ниже: в «Промстрой конторе» города Кизела «среднемесячный заработок рабочего Бай С. И. составляет 170 руб. Зарботок рабочего Грицук И. С. в декабре 1947 составил 64 руб. 81 коп.... Эти рабочие, как и другие, имели 24 выхода на работу, но в результате сильных морозов их бригада не могла выполнять земельные работы, что и отразилось на их зарботке»¹⁹⁵.

В потреблении пищевых продуктов в семьях рабочих преобладали хлеб, крупы, бобовые и макаронные изделия, картофель. Частые перебои происходили именно в продаже этих продуктов. В «Информации Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы... в связи с новым понижением государственных розничных цен» сообщается, например, что «в Ордынском районе имели место перебои в торговле хлебом. В г. Губахе, Кизеле, Углеуральске нет овощей, картофеля, хотя спрос на них очень большой»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 190.

¹⁹⁶ Информация Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы... в связи с новым понижением государственных розничных цен // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 119. Л. 80.

Рассматривая таблицу расходов рабочей семьи, рассчитанную ЦСУ СССР, можно сделать вывод, что затраты на питание в начале 1950-х годов составляли 2/5 всего бюджета, а это соответствует стандартам потребления низкооплачиваемых слоев населения.

Таблица 3. Структура денежных расходов семей рабочих, в % к итогу

Денежные расходы	1952 г.
Всего	100
Питание	38,6
Покупка тканей, одежды, обуви, белья	18,6
Налоги	8,0
Алкоголь	4,7
Мебель	2,3
Культтовары	1,6
Отдых, лечение	2,6
Театры, кино	1,4
Жилье	2,4
Прочие расходы (транспорт, взносы)	15,4

Источник: Структура денежных расходов семей рабочих // ПермГАНИ. Ф. 7214. Оп. 54. Д. 9. Л. 60.

При этом если сопоставить потребление основных продуктов питания с физиологическими нормами, картина будет еще более неутешительной.

Таблица 4. Сравнение физиологических норм с фактическим потреблением продуктов питания семей рабочих в пересчете на душу населения в год

Продукты питания, кг	Физиологи- ческие нормы, кг	Факти- ческое по- требление, кг	Соотношение фактического потребления и физиологиче- ских норм, %
Хлеб	133	126	95
Картофель	115	117	102
Овощи и бахчевые	146	52	36
Мясо и мясопродукты	91	51	56,04
Рыба и рыбопродукты	16	14	87,5
Молоко	183	86	46,99
Масло	7,3	5,9	80,8

Источник: Сравнение физиологических норм с фактическим потреблением продуктов питания семей рабочих в пересчете на душу населения в год // ПермГАНИ. Ф. 7214. Оп. 54. Д. 9. Л. 63–64.

В одном из отчетов за первое полугодие 1949 г. приведены результаты хозяйственной деятельности торгующих организаций (местные торги, облпотребсоюз, Управление рабочего снабжения комбината Молотовлес и Молотовуголь, ОРСы металлургической промышленности) по городскому фонду: фактический товарооборот составляет 475 руб. (запланировано 478 руб.) на человека за полгода (товарооборот на человека посчитан, конечно, приблизительно, ведь перепись населения была лишь через 10 лет)¹⁹⁷. Цены тех лет свидетельствуют, что реальные затраты населения в магазинах были значительно больше, ведь покупки совершались еще в коммерческой торговле, на колхозном и на черном рынке. Тем не менее данные статистики показательны тем, что запланированные размеры государственной торговли совершенно не удовлетворяли потребности людей.

Многие промышленные рабочие недоедали и потому очень болезненно реагировали на недостаток в начальственных семьях.

Тем более что для начальства многие дефицитные продукты, например мука и крупы, доставлялись по домам, оставлялись в магазинах либо распределялись по спискам в столовых.

Экономические различия касались не только личных доходов. Руководители предприятий пользовались казенным транспортом: дрожками, легковым автомобилем, автобусом, в некоторых случаях даже катером. Они располагали просторными квартирами, отремонтированными и благоустроенными за счет предприятий. Журналист М. Данилкин, публиковавшийся под псевдонимом М. Тихонов и объявивший в 1949 г. войну местной элите в городе Березники (Молотовская область), с возмущением писал в фельетоне об одном из крупных хозяйственников:

«Сведущие люди говорят, что на ремонт и оборудование квартиры (начальника ОРСа Березниковского азотно-тукового завода Дугадко. – А. К.) истрачено около 40 (сорока!) тысяч рублей. Нам достоверно известны только частности этого дела. Государственных средств потрачено без малого десять тысяч. В ванной комнате установлена не просто колонка, а колонка из нержавеющей стали. Знай наших!»¹⁹⁸.

3.2. трудовая повседневность: военный след

Дональд Фильцер отмечает, что положение рабочих в послевоенные годы принципиально изменилось. По его мнению, произошло стирание «границы между рабским и свободным трудом»^[199]. Наказания за нарушения трудовой дисциплины были все такими же жестокими, как во время войны. Главную причину ужесточения наказаний за нарушения трудовой дисциплины он видит в необходимости предотвратить массовую текучесть кадров. Наиболее подробно эту проблему исследовал В. Земсков. Он показал государственные масштабы наказаний за нарушения трудовой дисциплины и дезертирство^[200]. Е. Зубкова так описывает реакцию мобилизованных рабочих на окончание войны: «...дезертирство с предприятий мобилизованных рабочих превратилось в массовое явление... сдвиг в массовом сознании, обозначавший переход от войны к миру, произошел быстрее, чем к такому переходу оказались готовы государственные структуры и сама власть»^[201]. Она указывает на динамику обращений

¹⁹⁷ Результаты хозяйственной деятельности торгующих организаций за первое полугодье 1949 г. 19.09.1949 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 142. Л. 58.

¹⁹⁸ Тихонов М. Дугадко процветает // Звезда. 1948. 4 апреля; Подробнее о борьбе М. Т. Данилкина с местной элитой см.: Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир М. Т. Данилкина. Пермь: ЗУУНЦ, 1998.

во власть от людей, желавших вернуться из эвакуации к родным очагам, за 1945 г.: «...в июне таких писем в Президиум Верховного Совета поступило 2371, в июле – 3563, в августе – 5175, в сентябре – 5309, в октябре – 5524, в ноябре – 4192, в декабре – 3680»^[202]. Е. Зубкова полагает, что власть по экономическим причинам не могла допустить быструю и массовую эвакуацию, поэтому считает усиление мер в борьбе с «трудовым дезертирством» обоснованным, во всяком случае соответствующим логике государственной политики.

Сохранение военного положения на заводах, включая наказания за «трудовое дезертирство», тесно связано с культурными характеристиками послевоенной повседневности. А. Чащухин описывает на примере Молотовской области, как пространство городского рабочего барака разрушало сельскую модель культуры его обитателей. Однако он отмечает, что и городская культура при такой скученности проживания не могла сформироваться, поскольку «частная жизнь объективно не могла здесь стать реальностью»^[203]. При такой организации городского пространства применение законов военного времени на заводе влияло на все структуры повседневности.

Культура военного времени была сродни традиционной модели культуры, в которой общество жестко делилось на сословия, а права и привилегии принадлежали только высшим сословиям, имевшим право в том числе распоряжаться трудом и даже жизнью низшего сословия. Начальники (хозяйственная и партийная номенклатура) в такой культуре занимали место высшего сословия. О. Лейбович описывает, как отличался образ жизни начальников и рабочих в послевоенные годы: «Мимо изможденных, дурно одетых рабочих проезжали в автомобилях большие начальники – румяные, сытые, под хмельком... своих подчиненных в машину не приглашали»^[204]. Он де лает вывод о том, что «видимый контраст жизненных условий порождал у рабочих чувство протеста» и социальную напряженность, которая выражалась в том числе во множестве анонимных писем в партийные и карательные органы^[205].

Исследования советской послевоенной повседневности раскрывают существовавшую в обществе социальную напряженность. При этом к старым конфликтам добавились новые, связанные в том числе с закреплением работников на эвакуированных предприятиях. Эти конфликты проявлялись в «дезертирстве», падении трудовой дисциплины, в массовых жалобах, обращенных к региональной и центральной власти.

Молотовская область, с одной стороны, была типична для индустриальных районов страны как область с развитой тяжелой промышленностью, полностью милитаризованной, подпадавшей под действия указа 1941 г. о «дезертирах»^[206]. С другой стороны, Прикамье отличалось особо крупными масштабами преследования рабочих – «дезертиров». Д. Фильцер приводит данные о том, что «за самовольный уход с предприятий» по стране в среднем на организацию приходилось 10–20 % наказанных работников^[207]. А в Молотовской области, например на Чусовском металлургическом заводе, были массово осуждены 2338 рабочих, что составляло 27,5 % общего числа рабочих всего завода^[208]. Масштабы наказаний видны и при сравнении цифр, которые приводит В. Земсков. Он пишет, что по всей стране в 1947 г. в связи с нарушением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»^[209] было осуждено 215 679 человек^[210]. А на предприятиях Молотовской области в том же 1947 г. в связи с данным Указом осуждено 28 648 человек. Это примерно 13 % всех осужденных по СССР^[211].

Отношения начальников и подчиненных, как и жизнь рабочих, в 1946–1953 гг. можно назвать военными. Несмотря на завершение боевых действий на фронте, война продолжала влиять на жизнь прикамского рабочего. Даже терминология в документах той эпохи показывает преемственность с военным временем: «дезертиры с предприятий» вместо прогульщиков, «дисциплина в отделе» вместо норм и отношений,

«пайки», «нормы хлеба», «карточки», «одежда по разнарядке» вместо обычных покупок, «объекты» вместо места работы, «мобилизация» вместо приема на работу.

В послевоенные годы сохранял свою силу принятый в преддверии войны Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому опоздания, прогулы и самовольный переход рабочих с одного предприятия на другое серьезно карались. За самовольный уход с работы народный суд мог вынести приговор о тюремном заключении сроком от 2 до 4 месяцев. Прогул без уважительной причины карался исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %^[212]. При этом начальники учреждений, покрывавшие прогульщиков или принимавшие на работу тех, кто «самовольно» перешел к ним с другого предприятия в годы войны, сами стали подвергаться судебному преследованию^[213].

На практике даже через два-три года после окончания войны народные суды и трибуналы были по-прежнему завалены делами о «дезертирах» с работы. Только на заводах им. Сталина, им. Молотова, им. Дзержинского (г. Молотов) в 1947 г. и в первом квартале 1948 г. было составлено и передано в народные суды 6493 дела о прогулах и дезертирстве, а всего по области под суд попали 32 375 человек. За 5 месяцев 1948 г. было отдано под суд 12 643 человека^[214]. Наиболее частыми мотивами «дезертирства» были следующие: плохие условия работы стояли на первом месте, отсутствие по болезни, не подтвержденной документами, — на втором, затем примерно в равном количестве следовали поездка в деревню по личным вопросам, перевод на другую работу без личного согласия, опоздание при возвращении из отпуска, из-за отсутствия одежды и обуви, в связи с опозданием поездов^[215]. Оформление дел на «дезертиров» велось по наработанному шаблону: «на предприятиях треста “Коспашуголь” и Краснокамской печатной фабрики Гознак изготовлены в типографии специальные бланки — заявления в суд (нужно только поставить фамилию), в которых содержится перечень приложений: 1. Объяснение “прогулявшего”. 2. Справка на “прогулявшего”»^[216].

Значительное количество дел о трудовом «дезертирстве» находилось на рассмотрении военных трибуналов, что также было продолжением практики военных лет. Основанием являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., ужесточивший уголовные наказания за самовольный уход с работы на военных предприятиях до 5–8 лет заключения. По этим делам судили не народные суды, а военные трибуналы. Разбирательства по «дезертирству» с трудового фронта были основным видом дел, рассматриваемых в трибуналах послевоенных лет. Например, в третьем квартале 1947 г. военный трибунал войск Министерства внутренних дел Молотовской области рассмотрел 965 дел в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 г., в то время как на все остальные преступления приходилось только 54 дела^[217].

В борьбе с «трудовым дезертиризмом» активно участвовали и газеты. Так, орган партбюро, шахткома и управления новых Гремячинских шахт «Гремячинский рабочий» регулярно размещал на своих полосах заметки под таким заголовком, как «Дезертиры производства наказаны». Каждая подобная публикация обычно содержала краткие описания от двух до четырех случаев «дезертирства» и приговоры военного трибунала и народного суда. Большинство означенных «дезертиров» были пойманы в родном селе, куда «они сбежали, покинув работу, демобилизовались» самовольно.

Однако имели место и особые случаи. Так, рабочий оборонного завода им. Сталина А. Дмитриев писал в своем дневнике: «Я, например, уже мог бы быть несколько раз отдан под суд за опоздания на работу, но мне все это сходит, т. к. я это делаю так хитро, что никто даже и не замечает моих опозданий»^[218]. Запись от 5 ноября 1946 г. гласила:

«Сегодня опять опоздал на час, но, как обычно, все у меня сошло благополучно. Только в табельной смена не отмечена, так я ее потом отмечу»^[219].

Такого рода записи встречались несколько раз, и всегда Дмитриев оставался безнаказанным. 21 ноября 1946 г. он писал в дневнике, что «сейчас, пожалуй, опаздывать на работу не придется, т. к. в табельной цеха ввели очень строгий учет»^[220].

На самом деле он и потом, например в 1947 г., опаздывал либо вообще не ходил на работу (оформлял отгулы задним числом).

Всем без исключения рабочим, несмотря ни на какие личные обстоятельства, нельзя было покидать место своей работы. Если солдаты-фронтовики возвращались домой, то мобилизованные рабочие после окончания войны годами оставались вдали от своих семей. Особенно жестоким выглядит пример с рабочим завода № 172, у которого в районном центре Нытва остались жена и пятеро детей. Он написал целую серию жалоб, пытаясь вернуться домой:

«Я был мобилизован на время войны 28 ноября 1941 года из г. Нытва, где и сейчас проживает моя семья, каковая находится на иждивении, жена и пятеро малых детей в возрасте от 12 до трех лет. Мне отсюда невозможно воспитывать такую семью. Я обращаюсь к вам уже вторично, разговаривали мы с вами в октябре м-це и я дал согласие проработать до 1 января, уже февраль и я все не могу добиться расчета... В случае отказа... я вынужден буду оставить работу самовольно... жить на два дома я больше не в силах»^[221].

Ему ответили, что вернуться домой он сможет, когда из Нытвы пришлют на замену другого токаря. А откуда бы смогли найти в маленькой Нытве свободного токаря, который без всякой мобилизации захотел бы поехать в г. Молотов на работу, да и кто бы стал его искать? Об этом письмо умалчивало.

Следует отметить, что практика трудовой мобилизации продолжалась до середины 1950-х годов. Многие старались любой ценой уклониться от мобилизации в те отрасли промышленности, которые отличались особо тяжелыми условиями труда. «Молодежь сотнями уходит из колхозов, чтобы только избежать мобилизации в лес», – говорил о проблемах лесозаготовительной промышленности секретарь обкома К. Хмелевский в 1948 г. Но без такой мобилизации эти отрасли не справлялись с планами.

Так как многие мобилизованные являлись хорошими, квалифицированными работниками, предприятиям было особенно невыгодно отпускать их домой. Поэтому местные руководители пытались задержать демобилизацию. В одном из писем, направленных в обком в 1948 г., автор невольно свидетельствует о мотивах действий руководства в сложившейся ситуации:

«...моя обида на директора и тем более еще как Депутата Верховного Совета РСФСР заключается в том, что... честных преданных стахановцев рабочих заставляет принудительно работать, несмотря ни на какие их мольбы и просьбы как это видно из моего примера. Я как награжденный знаком почета за трудовую доблесть и десяток раз записанный в книгу почета за самоотверженную работу сто раз подавал заявления начальникам цехов и директору завода об увольнении меня по моим домашним семейным обстоятельствам, так как на завод я попал не произвольно, а в порядке мобилизации был отозван на период войны сначала попал в стройбат, стройбат направил на завод в 1941 г. и при чем оставил дом и хозяйство и престарелых родителей на произвол судьбы... такой завод: что мы удовлетворяем просьбы только умышленных лодырей, симулянтов и т. д., а честным стахановцам рабочим не даем никаких привилегий и заставляем принудительно работать...»^[222].

Автор даже не замечает, как сам объясняет причины отказов в демобилизации. Руководство завода имело очевидную выгоду в увольнении «лодырей» и сохранении передовиков производства даже спустя три года после окончания войны.

Мобилизованным рабочим место работы обычно выбрать не удавалось. Как в армии – куда пошлют, туда и следовало идти. Несмотря на то что в законе было закреплено

правило, согласно которому рабочий должен быть обеспечен работой по специальности, на деле его могли поставить на заводе на любое свободное место. Рабочего могли и переместить на другое место по желанию начальника. Иногда это было связано с мстостью или произволом. Новое место работы могло быть менее выгодным по зарплате и условиям труда. Например, рабочий Катаев «в 1946 г. окончил ремесленное училище и получил специальность слесаря. Катаев, будучи направленным на завод № 33, он вопреки его желания администрацией использовался там не по специальности слесаря, а грузчиком и конюхом. Более того, Катаеву общежития администрация не представляла... он был вынужден длительное время проживать в конюшне вместе с лошадьми, а затем уйти самовольно с работы»^[223].

Данный случай показывает еще и то, что военные порядки распространялись не только на мобилизованных в годы войны, но и на молодых рабочих, попавших на заводы уже в послевоенные годы.

Произвол начальников можно проиллюстрировать материалами еще одной типичной жалобы. Директор завода решил «помочь отстающему цеху», где, видимо, не хватало рабочих рук и куда невозможно было привлечь рабочих из-за низкого заработка. В результате человек потерял квалифицированную работу и материальный достаток:

«Я работал в 3-м цехе на сборке экскаваторов... я выполнял месячную норму свыше 200 % и поэтому хорошо зарабатывал и подписался на заем 1000 руб. Сейчас меня перевели в цех 55 против моего желания... в цехе 55 работы по моей специальности нет... поставили подчиненным котельщика с окладом 335 руб.»^[224].

«Пайки» как форма распределения продуктов питания и карточки также были свойственны военному времени. Однако окончание войны не внесло в систему распределения практически никаких изменений. Простой рабочий писал о повышении цен в 1948 г.:

«Вы хотели ударить по спекулянтам, но ударили по самому сердцу рабочего, который работает за копейку... Если добавили рабочему, зарабатывающему 300 руб. в месяц 10 р., это ему надбавка на один только хлеб и то мало, ибо хлеб стоил 1 р. кг., а теперь 3 р. 80 к., это значит 280 % дороже, плюс к этому норму хлеба детям уменьшили... заработка с добавкой не хватает даже на выкупку месячного пайка, и от этих мизерных продуктов мы вынуждены половину продать для того, чтобы... позволить себе покушать по лишней картошке или купить ребенку чикушку молока... нет блага, нет знакомства, значит нет тебе жизни... Даже соль и то нам попадает сплошная грязь, в то время, когда на рынке продается мешками белоснежная соль»^[225].

В тексте, написанном спустя три года после войны, по-прежнему упомянуты пайки и нормы хлеба. Да и сама ситуация с питанием не сильно отличалась от военной.

В послевоенные годы ведущую роль в обеспечении рабочих всем необходимым играла не зарплата, а – как и в армии – государственное довольствие. Это воспринималось как нормальная практика, так что даже военный трибунал считал невозможным выносить обвинительные приговоры за «дезертирство» с работы в ситуации, когда рабочих не кормили. Например, в одном следственном деле говорилось:

«Самовольно оставил работу в Половинкинском Леспромхозе в связи с тем, что на протяжении месяца не выдавалось ему хлеба и совершенно не был, якобы, обеспечен горячей пищей вместе с другими 18 чел. рабочих...»^[226].

Данное дело было отправлено на следствие. Этот пример ярко свидетельствует о том, что хлеб и горячее питание не нужно было покупать на зарплату, еду должны были «обеспечить» как в армии.

Индустриальные нормы, присущие мирному времени, играли лишь декоративную роль. Например, рабочие заключали с заводом коллективный договор, по которому устанавливались зарплата и время ее выплаты, правила принятия на работу и увольнения, нормы рабочего времени, правила пользования квартирами, столовыми, спецодеждой, условия обучения. Именно в послевоенные годы практика заключения

таких договоров была восстановлена после долгого 14-летнего перерыва и подтверждена соответствующим постановлением Совета Министров СССР от 4 февраля 1947 г.

В некоторых случаях рабочие использовали заключение коллективного договора как повод защитить свои права, высказаться. Рабочий завода № 19 А. Дмитриев писал в дневнике:

«Вчера в цехе было собрание по заключению колдоговора и я на нем выступил... Я отвел душу. Все сказал, чем недоволен был. Сказал, что надо в магазинах давать не мороженную, гнилую картошку, а хорошую....Нужно немедленно перевести всех рабочих на 6-ти часовой рабочий день... И что иначе станция останется скоро без кадровых рабочих, потому что очень многие сошли с ума, многие ушли из цеха, а у остальных такой вид, что и он[и] вот-вот загнуться. Сказал, что надо выдавать рабочим действительно спец-жиры, а не "соленую известку", которую сейчас возят, то есть брынзу плохого качества. Чтобы спецодежду давали доброкачественную и кроме того тем, кому она действительно полагается. Выступлением моим ребята остались довольны, но в число делегатов на заводскую конференцию я не попал... Главный инженер завода тут же пообещал, что с 1 мая весь цех будет работать по 6 часов»^[227]. Однако обычно такие выступления не имели желаемых последствий, просто давали возможность выпустить пар, недаром Дмитриева не сделали делегатом на заводскую конференцию.

Рабочие, воспринимавшие коллективный договор всерьез, ссылались на него, когда жаловались на задержки заработной платы и неправильную организацию труда:

«...в течение продолжительного времени на нашем заводе систематически задерживается выдача зарплат. В коллективном договоре 1947 г. сказано, что администрация завода обязуется выдавать зарплату под расчет 7–8 числа, а аванс 22–23 числа каждого... укоренилась такая традиция до первой половины месяца все тихо-спокойно, все производственные вопросы решаются спустя рукава, а во второй половине начинается буквально штурмовщина, сверхурочные работы, перенесение выходных дней на следующий месяц... В апреле – мае прошлого года деньги не выдавались больше месяца... в 1948 в апреле... окончательный расчет выдавали ни много ни мало 7 раз, едва рассчитавшись в самый канун... 1 мая»^[228].

Кстати, революционные праздники играли особую роль. Они, помимо всего прочего, служили отправными точками и поводами для решения отдельных проблем заводской жизни. К этим датам выдавали продукты питания, одежду, решали проблемы задержки заработной платы. Бывший завмаг продснаба № 1 при Березниковском магниевом заводе пишет в своем заявлении, что именно к 1 мая поступила сортовая мука для продажи в розницу рабочему классу в порядке живой очереди не более 3 кг на человека, но была на деле распределена среди начальства^[229]. Завмаг пытался оставить немного муки хотя бы для своих подчиненных, и обратился по этому поводу к начальнику торгового отдела продснаба Бордюковскому:

«Я его спросил почему же Бокман опять хочет муку развезти по спискам. Я говорю дайте хотя моим 9-ти сотрудникам по 3 кг. Неужели мы в честь праздника 1-го Мая не хотим скушать белый пирог и белый оладик. Тогда тов. Бордюковский пишет письменное распоряжение кладовщику столовой № 1... отпустить 1 мешок для столовой № 1»^[230]. Данное заявление фиксирует не только то, что праздники были особым поводом для получения муки, но также практики реального распределения этого важного в ту эпоху продукта.

Норматив поведения рабочих на заводе через описание нарушений передает в своем письме в Молотовский обком ВКП(б) анонимный рабочий:

«Я работаю на заводе им. Дзержинского и наш завод в дни отечественной войны вырос в крупный гигант. Коллектив завода неоднократно одерживал победу в соцсоревновании и вместе шел коллектив инструментального цеха, который горячо подхватил выполнение пятилетнего плана в 4 года. И ряд товарищей работают в счет 5-го года

пятилетки. Но ростом производительности труда особенно молодых рабочих занимаются плохо. Политики массовой и разъяснительной работы в цехе нет. Полит. школа не работает, отделяются вывешиванием плана работы. Читки газет и бесед не проводится. Я беспартийный работаю в цехе 10 лет желаю участвовать в общественной жизни цеха, которой у нас нет»^[231].

Продвигаемая пропагандой иерархия рабочей среды фиксировала, что кадровые рабочие, передовики производства и фронтовики имели право на особое отношение к себе. Получается, что в идеале рабочий должен работать с энтузиазмом, быть передовиком производства, участвовать в социалистическом соревновании, перевыполнять план, заниматься общественной работой и повышать свой политический уровень. Во время выборов в Советы разных уровней это становилось обязательным пунктом отчетности. Опять же, проявление энтузиазма было чисто формальным. Отчеты зачастую звучали так:

«Выборы протекали при высокой политической сознательности и трудово[м] подъем[е]. Ряд предприятий района пришли к дню выборов с хорошими показателями. Так, например, Добрянский металлургический завод план за 20 дней февраля выполнил по прокату – на 103,4 %. Бригада сталеваров тов. Соловьева, за этот же период выполнила план на 101,7 %»^[232].

И это на первой странице «Информации о ходе выборов в Местные органы государственной власти». Проценты превышения нормы очень низкие, судя по всему, и они были лишь припиской. Впрочем, примерно такие же показатели и в других информационных сводках. Похвалить передовой работой было необходимо, но в реальности нечем. Впрочем, судя по всему, вопрос передового труда был все-таки в деньгах, а не обязательствах. Рабочий завода им. Дзержинского в разговорах с дядей говорил:

«Сейчас у нас мастер новый, хочет выслужится, новшества всякие вводит, программу хочет выполнить. Сегодня мне говорит – вот тебе задание – сделать 20 колец, а я его к... матери послал. А колец ни одного не сделал. А при расчете тысячу или полторы отдай, да выложь. Но ничего, мы этого мастера быстро скрутим, он у нас долго не наживет. Старший мастер нам заработать не дает. Дает такую работу, на которой ничего не заработаешь, а я нахожу сотни причин, чтобы такую работу не брать»^[233]. Но в данном случае это слова «дефицитного» рабочего с 6-м разрядом по доводке точных деталей. Этот же рабочий рассказывал, что премии за передовой труд он получал просто так. Однако чаще всего незаслуженные премии доставались не рабочим, а начальству. Показательным является письмо мастеров (8 фамилий) завода № 19 им. Сталина секретарю Молотовского обкома Хмелевскому о «несправедливом распределении премий за увеличение ресурса мотора АIII-73 в течение второго полугодия 1948 г.». Оно гласит:

«...дирекция и руководство завода премировав себя... до 5 и более месячных окладов... низовые и прочие инженерно-технические работники получают до половины своих месячных окладов. Первые получают до 10000 и более руб., а вторые до 200 руб. и менее...»^[234].

Коллективный договор являлся декоративной, ритуальной конструкцией. Следствием было отрицательное отношение рабочих к подписанию таких договоров. Само подписание происходило обычно на торжественных собраниях, на которые рабочих порой завлекали обещанием выдать дефицитные продукты питания.

«Вот например 11.03.1948 года на коротком совещании торжественно нам объявили, что 12.03.1948 проводится рабочее собрание с вопросом: заключение коллективного договора на заводе, и 2-е продажа муки в цехе всем рабочим! Оказалось муку стали продавать по биркам! Вначале служащим, а что останется то – рабочим. Но рабочие возмутились и на собрание не пошли. То администрация цеха решила задержать рабочим номера и оставить всех рабочих на собрание и наобещали продать муку после собрания. Собрание проводил от администрации т. Петрищев, а от профорганизации

никого не было, и заступиться за рабочих некому. Поэтому и активность плохая, потому что все безобразия проходят мимо партийно-профсоюзной организации и они не замечают и рабочих не защищают. [По] 8 руб. муку 90 кг разделили, растащили нач-к [начальник] цеха и парторг т. Минин и разные администраторы цеха и зам. нач-ка [начальника] тов. Конюхов унес 4 пакета муки с заднего хода? Тогда как участнику войны т. Черепанову не дали и силой его вытащил из очереди начальник ОТК т. Синицин и грубо наругал тов. Черепанова. А кадровые рабочие остались без муки как т.т. Ощепков, Бушуев, Федотовских и Романова. Это происходит, что вся администрация сжились семейно. А рабочие остаются в стороне особенно кадровые. Прошу разобраться это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии. Фамилию не оглашаю, потому что Администрация и партийно-проф. [партийно-профсоюзная] организация не уважают, когда им подсказывают провду»^[235].

Как следует из данного письма, рабочие могли отказаться прийти на собрание по подписанию коллективного договора, видимо не видя смысла в заключении заведомо недействительного договора, а также в качестве протеста против ограничений в продаже муки. Это заставило руководство принять ответные меры: с одной стороны, не выпускать рабочих с завода, с другой – вторично пообещать продать муку. Одно то, что рабочих не выпускали с завода по желанию начальства, могло быть расценено как произвол. Но рабочие воспринимали это как норму. Их возмущало не то, что их насильно задерживают, а то, что не дают еду.

Полная зависимость рабочих от начальников находит аналогии с армейской жизнью. В послевоенные годы в отношениях с подчиненными преобладает традиционная модель культуры. Руководители с легкостью задерживают подчиненных на работе, переставляют их с одной работы на другую без их согласия, используют их труд в личных целях. Чаще всего рабочие к этому относились как к норме. И только выходящий за всякие рамки произвол начальников становился причиной жалоб. Так, пять работников пункта Заготзерно (заготовления зерна. –А. К.) Верещагинского района написали в 1950 г. в письме в ЦК ВКП(б):

«...двоюродный брат нашего директора... заставляет матерей одиночек работать в ночные смены... оскорбляет рабочих... Работают исключительно под страхом... по сколько придется часов... беременные разгружали муку по 65 кг... Работать приходится не только по 8 часов, а зачастую по 10–12 ч., а за сверхурочную не платят»^[236]. Кстати, если бы платили за сверхурочную работу, то работать по 10–12 часов не казалось бы нарушением привычного ритма работы.

Другой пример военного образа жизни можно обнаружить в докладной записке о проверке одной из шахт г. Кизела: «На шахте было заведено такое правило, как-то посещение рабочими больницы может быть только с разрешения начальников участка и руководства шахтой»^[237]. В докладной это названо нарушением, которое исправлено после вмешательства прокуратуры, но сколько еще было подобных случаев – сказать трудно. Этот случай был раскрыт случайно.

Хозяйственные руководители часто использовали своих подчиненных на домашних работах. Так, начальник шахты им. Сталина постоянно

«...заставлял рабочих коммунального отдела шахты работать на его личном хозяйстве». Они косили сено, сажали, окучивали и копали картофель, делали другие работы по хозяйству. Начальник шахты в течение трех лет «...использовал кучера в виде своеобразного батрака...». Тот «...следил за чистотой во дворе и конюшне (подметал, вычищал навоз, носил и стлал свежую подстилку), в зимнее время очищал двор от снега, колот и пилил дрова, весной пахал огород и участок в поле, сажал картофель летом окучивал... Жена (начальника шахты. – А. К.) посылала в выходной день продавать на базаре сало... по 30 рублей за килограмм, зимой – картофель... по 10 рублей за ведро»^[238].

В докладе секретаря Молотовского обкома ВКП(б) К. Хмелевского 3-му пленуму обкома 13 ноября 1948 г. вскрывались недостатки в обеспечении жилищных и бытовых условий жизни рабочих, за которые руководителей следовало строго наказывать. В докладе есть, в частности, такая фраза: «Начальник облУРСа тов. Штильман не создал нужного запаса валенок, шапок, телогреек ватных, постельных принадлежностей и т. д.»^[239]. И хотя речь идет здесь все-таки о торговле, но торговле, основанной на распределении. Конечно, за валенки рабочему пришлось бы заплатить, но цену символическую и по предъявлении «жетона», «талона» или «карточки». Впрочем, как свидетельствовал Хмелевский в своем докладе, скорее всего, до рабочих эти товары вообще не доходили:

«Хорошие промышленные товары до рабочих, как правило, не доходят. В ноябре в магазин лесочастка пришло 16 пар валенок. Рабочим из этих 16 пар попало 4 пары, а служащие конторы взяли 12 пар. Так распределяется и другая теплая одежда»^[240]. Военные порядки в промышленности ликвидировались очень медленно. Вначале были попытки прекратить действие военных законов на отдельных территориях, не отменяя их в целом по стране. Осознавая, что причиной сохранявшегося военного положения в промышленности была текучка кадров, власти стали пытаться улучшить материальные условия, чтобы уменьшить бегство рабочих. Уже в 1946 г. были предложены чисто экономические меры, дабы удержать рабочих на предприятиях. Постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» предполагало повышение заработной платы с 1 сентября 1946 г. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке на 20 % рабочим и инженерно-техническим работникам предприятий черной и цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, добывающей промышленности. Планировалось строительство индивидуальных и коммунальных жилых домов и передача индивидуального жилья в собственность рабочим и служащим по установленной цене. Например, деревянный рубленый дом (двухкомнатный с кухней) должен был обойтись рабочему в 8 тыс. руб., каменный – в 10 тыс. руб. Рабочим предоставлялась возможность получить ссуду на дом под 1 % в год^[241].

В документах Молотовского обкома о внедрении данного постановления в жизнь название указа дано в вольном пересказе очень своеобразно: «Постановление Совета министров СССР от 25 августа 1946 г. о закреплении кадров на предприятиях Урала, Сибири и Дальнего Востока»^[242]. Получившаяся «оговорка по Фрейду» красноречиво свидетельствует о военно-феодалном отношении к рабочим.

Но реализовать постановление полностью, судя по документам Молотовского обкома, не получилось. Справки обкома по итогам работы промышленности Молотовской области за 1946 г. показывают, что постановление почти не выполнялось. Договоры с рабочими заключались в очень небольших количествах: на заводе № 90 «на 1.1.1947 заключено 10 договоров с рабочими из 360 намеченных к оформлению»^[243], а зарплата даже снизилась на некоторых предприятиях (на 8 % на заводе № 90). План по строительству жилья также не был выполнен.

Следующий серьезный шаг по отмене военного положения на предприятиях был сделан в мае 1948 г., когда отменили Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Тем временем Указ от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» продолжал действовать. Только 14 июля 1951 г. Верховный Совет издал Указ «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». Окончательно все указы о судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины были отменены Верховным Советом лишь 25 апреля 1956 г.

3.3. Неформальные практики в советской экономической системе и повседневности

Неформальные практики были повседневным явлением в советской экономической системе. Они позволяли обогащаться либо просто обеспечивать определенный уровень жизни как большим руководителям, так и простым рабочим. Хитрость была нормой жизни в советском обществе. Рабочий завода № 19 им. Сталина А. Дмитриев великолепно продемонстрировал в дневнике противоречивость ситуации, связанной с необходимостью действовать с помощью неформальных практик:

«Я сейчас вообще стал недоволен жизнью. Ведь все в мире построено на обмане. Правда и я не отрицаю, что живу за счет своей хитрости»^[244].

Так, одним из способов получения дополнительного дохода у этого рабочего была продажа хлеба, вынесенного из заводской столовой. Он называл это «трюк с патефоном»: хлеб из столовой выдавала родственница его жены, а он складывал его в патефон и выносил через проходную завода^[245]. В другом случае его родственница «К. принесла из столовки 4 банки тушенки и почти 2 литра масла и 1 банку джема на 260 руб.». Другие родственники рабочего А. Дмитриева тоже работали с продуктами (жена Зина – в чайной, отец – на складе), поэтому оттуда удавалось брать много необходимого для выживания в те голодные годы:

«...вечером возил на тележке от Зины капусту с одним дядькой на пару. Ему пришлось за это дело уплатить... привез капусты – 300 кг., свеклы – 50 кг. И моркови – 50 кг. Сейчас этим на зиму обеспечены. Только вот еще картошки надо... У отца на складе взял картошки 75 кг... отдал 100 р.»^[246].

О своих продуктовых покупках он пишет почти всегда во внеэкономических терминах:

«Муки я *достал* и белой и пшеничной. Даже... килограмма 4 могу уступить»^[247].

«Достал», а не «купил» всю советскую эпоху было термином, который лучше отражал реальный процесс получения дефицита. Например, процесс «доставания» картошки Дмитриев даже оформил в виде рассказа приключенческого типа под заголовком «Молотов – Кунгур» (Поездка за картофелем)». Начал он с описания проблемы с картофелем:

«В городе цена картофеля 7–8 руб., а там 2 руб. 30 коп. – 3 руб. за килограмм». Ездил он в субботу с мужем Зининой сестры на поезде «Москва – Дальний Восток». Договорились с машинистом, ехали на тендере паровоза бесплатно. Большую часть рассказа занимает встреча с недавно освободившимся из лагеря политическим заключенным (с ним Дмитриев поделился хлебом). В Кунгуре он купил себе 48 кг картофеля на рынке^[248]. В таких поездках от человека требовалась изобретательность, умение договариваться, готовность к взаимопомощи, знание ситуации. Только в таком случае удавалось достать то, что необходимо для содержания семьи.

Еще один распространенный вариант неформальных практик можно обнаружить в деятельности «несунов» на заводах. В СССР многие, в том числе и не начальники, позволяли себе брать с завода то, «что плохо лежало», но масштабы деятельности начальников были значительнее. Например,

«коммунисты О.Д.Я (главный механик завода. – А. К.) и М.М.Я. (начальник цеха № 13. – А. К.)... организовано похитили с цеха кровельного железа электромоторы и меняли их на сельскохозяйственные продукты с колхозами»^[249].

Впрочем, поговорка «ты здесь хозяин, а не гость, неси с завода каждый гвоздь» действовала и в отношении простых рабочих. Тот же рабочий завода им. Сталина А. Дмитриев писал в дневнике за апрель 1947 г., что не может закончить ремонт забора вокруг своего дома, потому что некий Сашка еще не «утащил» доски с завода^[250]. Да и сам он не раз выносил что-то с завода. Однажды, напри мер, вынес «обмотку»

и поменял ее на картошку (кстати, стоит заметить, что выносить он умудрялся с оборонного завода, в том числе в годы войны).

Взятки руководителям по разным поводам были достаточно распространенным явлением того времени. Особенностью советской коррупционной системы сталинской эпохи было то, что взятки брали вещами и продуктами и лишь очень редко деньгами. Лесоруб Косинского леспромхоза писал – «устройство на работу только по блату и за водку»^[251], бывший сотрудник редакции Чернушинской районной газеты почти повторял эти слова в письме: «Лечиться ездят по блату и за взятки (материальные и половые)»^[252].

Повсеместно происходило распределение среди руководителей продуктов питания по спискам. Это было использованием служебного положения в личных целях. Следует отметить, в голодные послевоенные годы еда имела особое значение, доступ к ней определял социальное положение человека. Дополнительные продуктовые пайки давали, например, передовикам производства. Но больше возможностей получать продукты имели начальники – помимо пайков, карточек и бирок (законных способов получения продуктов) существовали «списки» распределения питания. Это было обычной практикой, которая противоречила советской законности. Заведующий магазином Березниковского магниевого завода писал в своей жалобе:

«Приходя ко мне в магазин Б. приказывает мне как подчиненному лицу, подавая список на 10 человек, развести муку 85 % по квартирам (по квартирам дирекции. – А. К.) по 30 кг каждому и говорит 5 мешков муки забронируйте и никуда.... 29 апреля они режут свиноматку на подсобном хозяйстве привозят ее в столовую, рабочие узнают – скоро мясо будете продавать?... Приказ везти эту свинью не в магазин, а в засолочный пункт... мы же должны продать ее по списку и не рабочим... По списку, написанному у Б. Он говорит: Бачурину 3 кг, Бычину 3 кг, Бокману 3 кг, Савельеву 2 кг, Бригу 2 кг, Чурсину 2 кг и т. д. (это фамилии руководства завода. – А. К.)... 7 мешков сортовой муки тоже по списку. Начальнику торгового отдела Продснаба»^[253].

В первую очередь продукты получало руководство, потом те, кто сам продавал (или охранял) эти продукты (либо к празднику, либо без всякого разрешения – по поговорке «что храним, то и имеем»), а рабочим продукты доставались лишь в случае прокурорского вмешательства (так было в приведенном выше примере) или чтобы заманить на важное мероприятие (по случаю выборов в Верховный Совет, например, или при подписании коллективного договора).

В другом письме упоминаются «талоны», по которым начальники незаконно получали продукты:

«...частичной выборкой документов по бухгалтерии совхоза "Селянка" за 1945–1946 гг. значится получение продуктов бывшим начальником политотдела (Усольлага МВД СССР) подполковником П-вым колбасы – 157 кг, мяс[а] – 121 кг, масл[а] – 27 кг, сливок – 39 кг и т. д., за это же время Поляковым получено: 186 метров хлопчатобумажных тканей, 27 метров сукно-шерсти, 26 пар разной кожаной обуви. Товары выдавались через торговый отдел Усольлага по талонам»^[254].

Кстати, судя по документу, так делали и другие руководители Усольлага. И это несмотря на то, что талоны и списки закон в то время не предусматривал, в стране была эпоха карточек.

В анонимном письме от 19 мая 1948 г. сообщается о нескольких вариантах неформальных действий руководителей: присвоении казенного имущества, применении труда подчиненных в личных целях, использовании инсайдерской информации. Кроме того, по письму можно проследить, каким образом создавались сети взаимодействия начальников. В анонимном письме, направленном сразу в несколько властных инстанций, автор пишет:

«Если Вы спросите кому вольготнее и лучше всех живется на Руси, можно с уверенностью сказать председателю Рудничного Комитета при Соликамском калийном комбинате т.

Ж. Якову Филипповичу с супругой Наталией Ивановной... не прошло и двух лет после избрания... председателем... благочестивые супруги обзавелись так, что всех... стал интересоваться вопрос об источниках их доходов... Факты упрямая вещь: т. Ж. нигде не заготавливал и не выписывал дров, однако дровами был обеспечен на всю зиму. Не за счет ли пионер лагеря супруги отапливают свою квартиру? 15 декабря 1947 года за день до действия закона о денежной реформе т. Ж. купил на Комбинате корову за 2300 рублей на старые деньги. Корова содержалась на опытной станции Комбината несколько месяцев, а затем после телятия... теленка зарезал, а корову... уже на новые деньги... продал по завышенной цене 4700 руб лей... при наличии в хозяйстве 3-х коз... В предыдущую командировку из Москвы т. Ж. привез биреты и продал на рынке по спекулятивным ценам через работницу... Американские подарки – вещи стали также большим источником доходов... Если учесть, что секретарь т. Ж...имеет несколько американских полт и платьев, то Ж. по штату полагалось взять больше... бесплатное содержание сына своего в течении всего лета в пионерском лагере. Во время карточной системы занимался раздачей промтоварных ордеров продавцам магазинов и другим знакомым очевидно за услуги»^[255].

Автор письма выявляет следующие проступки: использование казенных дров дома, коррупционную схему наживы во время денежной реформы 1947 г. (корова была куплена на старые деньги, а продана «с наживой» и на новые, да еще и содержалась на государственном довольствии), спекуляцию на рынке с использованием труда подчиненных, присвоение американских подарков, реализацию возможности не платить за какие-либо услуги. Здесь же видно, как формировалась система связей: отношения с важными людьми налаживались через выдачу дополнительных промтоварных ордеров (это при карточной системе тоже было нарушением советской законности). Конечно, наиболее распространенным способом установления тесных связей между начальниками разных уровней была «совместная пьянка», не случайно в документах часто упоминается именно это явление: например, глава окружкома партии рекомендовал тов. Т-на на должность директора Кудым карского сельскохозяйственного техникума – они «встречались в семейной обстановке и вы пивали»^[256]. Незаконное распределение продуктов и вещей было вторым по значимости способом налаживать взаимоотношения.

Исследуя историю конфликта начальника ОРСа Березниковского азотно-тукового завода М. Дугадко и журналиста газеты «Звезда» по городу Березники М. Данилкина, можно увидеть результаты действия системы социальных связей. На процессе М. Дугадко назывались имена секретаря обкома К. Хмелевского и министра химической промышленности СССР М. Первухина, его непосредственный начальник всеми силами стремился оградить его от уголовного преследования. Это не удивительно, М. Дугадко мог находить, заготавливать и распределять продовольствие в годы войны, когда еды категорически не хватало. Человек, который влияет на распределение продуктов, был очень влиятельной фигурой. Директору совхоза «Усолъе» Г. Ночевке удавалось даже «прекращать уголовные дела, благодаря большому влиянию, действующему снабжением продуктами за счет совхоза»^[257]. Но М. Дугадко не смог избежать суда. Против него выступил с фельетоном в газете «Звезда» журналист М. Данилкин:

«...Дугадко заявился к нам в начале войны. Он эвакуировался с Запада в глубокий тыл, и телом был худ, и костюмишко на нем был так себе....Работая в Березниках, он не только раздобыл телом, но и снискал себе славу одного из самых обеспеченных во всех отношениях жителей города. И на сильно раздобревшую супругу его любо поглядеть: на ней вещицы из золота, шелк, дорогие меха, фетр и прочее и так далее....На днях официальным расследованием установлено, что Дугадко в 1947 г. получил 45 тысяч рублей премий. При этом законными основаниями подкреплены только 17. А остальные 28?»^[258].

В тексте газетного фельетона можно увидеть пример незаконных премий, использования государственных денег на обустройство своего быта. Все эти факты,

несмотря на противодействие высокопоставленных защитников начальника ОРСа, нашли подтверждение, и Дугадко осудили.

Впрочем, налаживать отношения с «нужными» людьми старались не только начальники. Кадровый рабочий завода № 19 А. Дмитриев писал в дневнике про «пирушку», которую он собирался организовать 1 мая 1947 г. На нее он пригласил «только самых нужных людей... около 15 человек»^[259].

Очень часто в документах описывается такой способ использования служебного положения, как применение для своих нужд труда подчиненных. Так, например,

«в Усольлаге имеет место практика использования заключенных в своих личных целях по уходу за квартирами, развозка продуктов по квартирам, развозка и разделка дров и т. п. При этом, якобы, имели место такие случаи, когда заместитель начальника управления лагеря Л. дал заключенной арест за то, что она ему на квартиру принесла кислое молоко»^[260].

В данном примере видны неформальные практики феодального типа (людей использовали как не имеющих никаких прав крепостных на барщине).

Бесплатный труд применялся не только для ведения хозяйства начальников, но и для их обогащения. Те же руководящие работники Усольлага «силами заключенных обрабатывали землю для посадки картофеля и овощей, а затем собранный урожай, также силами заключенных, продали Усольлагу, получая за это крупные суммы денег... начальник 1 отдела... 20 тысяч руб... Усольлаг имеет ряд мастерских – столярные, пошивочные, художественные и другие, которые работают, якобы, бесконтрольно, отсутствуют преysкуранты цен на выпускаемую продукцию. Этим также пользуется руководство лагеря... приобретая за бесценок мебель, картины и другие вещи... Л. полотна картин отправлял в больших партиях в Ленинград и другие города»^[261].

Начальники придумывали разные способы использования своего положения с целью обогащения: получали незаконно деньги за якобы сверхурочные работы, выписывали себе поросят, бычков и кур, занижая их реальный вес, кормили свой скот за счет государственных хозяйств, занижали цены на продукты, которые приобретали сами^[262], ели и пили в чайных, списывая деньги «на культурные нужды». Порой они годами не вносили квартирную плату^[263].

Если можно было не платить или платить меньше положенного, то начальники стремились делать это. Использование служебных машин, оборудования и различных расходных материалов было обычным делом:

«Директор промкомбината т. П. использует автотранспорт комбината без оплаты для личных нужд, как вывозка дров, сена и даже на рыбалку... возили бесплатно лес для строительства личных домов»^[264].

Председатель артели «Металлоштамп» сумел получить с производства новую варшавскую кровать по цене реставрированной и тайно «изъять железную оградку без всякого оформления документов»^[265].

Еще одним способом использования служебного положения был прием на работу родственников и друзей. Такие работники проявляли лояльность (это защищало от правоохранительных органов) и позволяли больше зарабатывать. Однако во время политических кампаний именно так называемая семейственность становилась поводом для серьезной репрессивной реакции. В документах поздней сталинской эпохи встречаем такую характерную фразу:

«Подбор кадров на мелькомбинате производится по-семейному, по знакомству»^[266]. По сути, это бюрократический штамп. Далее за ним в документах следовал ряд конкретных примеров, призванных обвинить тех или иных руководителей.

Летом 1948 г. Управление МВД по Молотовской области представило в обком материалы о воровстве в области (см. табл. 5).

Счет расхитителей социалистической собственности в Молотовской области, как видно из таблицы, шел на тысячи. Само появление подобной статистики – знак времени. Дело в том, что именно в эти годы коррупция попадает в поле внимания милицевских и партийных инстанций. Государственная власть дает недвусмысленное указание по этому поводу: «Борьба с расхищением, разбазариванием социалистической собственности, спекуляцией, взяточничеством, а также злоупотреблениями в карточной системе является одной из первоочередных задач, возложенных на органы МВД и милиции. Значение этой работы в особенности возрастает сейчас, когда страна, выполняя задания новой пятилетки, приступила к налаживанию товарооборота и всестороннему развитию производства и потребления»^[267]. А когда центральная власть дает указания, они просто обязаны найти отклик на местах.

Таблица 5. Сравнительная таблица состояния работы ОБХСС г. Молотова и области за 1946–1947 гг.^[268]

Мероприятия	За 1946 г.			За 1947 г.	
	Количество возбужденных уголовных дел	Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности	Количество арестованных	Количество возбужденных уголовных дел	Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности
Всего возбуждено уголовных дел по ОБХСС	1531	2287*	860	4494	6511
В том числе за спекуляцию	414	652	323	672	930
За хищения, взяточничество, мошенничество	1117	1735	537	3822	5577

Источник: Отчет о работе с руководящими кадрами Управления МВД по Молотовской области за 1947 год и о выполнении решения обкома ВКП(б) от 4.11.1947 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 31.

Представленная таблица свидетельствует о том, что в 1947 г. с коррупцией начали бороться более активно, что соответствует имеющимся указаниям. Возбуждено почти в 3 раза больше дел, чем в 1946 г., а людей, по ним арестованных, становится в 3 с лишним раза больше. Но при этом по-прежнему привлеченных к уголовной ответственности в 2

раза больше, чем арестованных. Получается, что половина взяточников и расхитителей социалистической собственности оставалась безнаказанной.

Коррупция была в советском обществе явлением обычным, можно сказать повседневным. На особенно наглых коррупционеров писали жалобы, на которые следовало как-то реагировать, но зачастую реагировали лишь отписками:

«...за имеющиеся недостатки в работе хлебокомбината как: нарушение трудовой дисциплины, пьянка, крупные хищения и порча пищевых продуктов, перерасход горючего и др. партийное собрание ограничилось только предупреждением тов. П.»^[269]. Когда центральная власть инициировала кампании по борьбе с коррупцией, некоторым жалобам давали ход по-настоящему и появлялась приведенная выше статистика, но чаще всего взяточник был частью властвующего клана, тогда его защищали наделенные властью покровители, и он, несмотря ни на что, избегал уголовного дела. И коррупция продолжалась, скорее всего ничуть не уменьшая своих размеров. Только большие репрессивные кампании, типа «Ленинградского дела», раскрывали клапаны, жалобы начинали находить реальные отклики, а увольнению подвергались партийные руководители области, как это было с всеильным секретарем Молотовского обкома партии Хмелевским. Вместе с ним потеряли должности многие другие начальники, и тут уже степень их коррумпированности не имела особого значения. А рабочие встречали с радостью такие события. Дело в том, что между начальником и подчиненным в послевоенные годы существовала громадная дифференциация в заработной плате и в образе жизни. Месячный оклад секретаря Березниковского горкома составлял в 1953 г. 2800 руб., тогда как бухгалтер в том же горкоме получал 500 руб., а уборщица 260 руб.^[270] Фиксированные оклады руководи телей дополнялись большими премиями в десятки тысяч рублей. При таких доходах становились доступными мясные и рыбные деликатесы, продающиеся в центральном гастрономе г. Молотова.

Весьма серьезным было отличие возможностей руководителей и работников в решении жилищного вопроса. Начальники имели право на получение жилья, но зачастую использовали служебное положение, чтобы это жилье было наилучшим. Например, секретарь Коспашского горкома ВКП(б), когда ему понравилась квартира, принадлежащая руководителю ОРСа треста «Коспашуголь», забрал ее и добился перевода последнего в Губаху. Он даже вызвал милицию, чтобы не пустить бывшего хозяина в квартиру^[271].

Вышеназванные неформальные практики позволяли обогащаться и вести качественный образ жизни хозяйственным начальникам и партийным руководителям. Но были и другие неформальные практики, которые обеспечивали более-менее эффективное функционирование советского предприятия. Плановая экономика позволяла мобилизовать огромные ресурсы, но она порождала проблему неэффективности. Любой управленец оказывался зажатым между имеющимися правилами и качественной результативностью. Чтобы быть эффективным, он вынужден был нарушать правила. Дуглас Норт называл такую ситуацию институциональной ловушкой. Институты задают правила игры, позволяющие избежать издержек, но в то же время они снижают возможность новаций и маневра.

В СССР на бытовом уровне проблема преодоления институциональных ловушек решалась через систему блата. Организации тоже брали эту систему на вооружение. Однако неформальные практики и отношения приводили к риску быть схваченными за руку, ведь эти практики делались с нарушением законов. В Пермском государственном архиве новейшей истории был обнаружен интересный документ – докладная записка прокурора Молотовской области Д. Куляпина на имя секретаря Молотовского обкома ВКП(б) К. Хмелевского от 15 марта 1949 г. Эта секретная записка сделана по делу № 46-83 о злоупотреблениях директора Молотовского бактериологического института А. Глебовой^[272] и главного бухгалтера подсобного хозяйства, состоящего в ведении этого института, Н. Мишина. Содержание записки на примерах раскрывает способы функционирования неформальных хозяйственных практик, нарушающих закон.

В СССР было такое законодательство, строгое исполнение которого быстро сводило на нет многие начинания руководства. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.02.1941 «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» гласил:

«Интересы социалистического хозяйства требуют точного учета и планового перераспределения всего имеющегося на предприятиях "излишнего", неиспользуемого оборудования и материалов. Между тем на ряде предприятий промышленности и транспорта имеет место разбазаривание оборудования и материалов путем их продажи и обмена с другими предприятиями. В то время как государство отпускает предприятиям для определенных целей оборудование и материалы, руководители предприятий самовольно и незаконно распоряжаются ими, продают, обменивают и отпускают на сторону. Учитывая, что продажа так называемого демонтируемого и излишнего оборудования, как показал опыт, является на деле не чем иным, как замаскированным расхищением социалистической собственности, Президиум Верховного Совета СССР указывает:

1. Запретить предприятиям продажу, обмен и отпуск на сторону оборудования, а также материалов, оказавшихся излишними и неиспользованными.

2. Установить, что продажа, обмен, отпуск на сторону оборудования и материалов, оказавшихся излишними и неиспользованными, а также незаконное приобретение их являются преступлением, равносильным расхищению социалистической собственности, ввиду чего лица, виновные в этих преступлениях, должны предаваться суду и по приговору суда подвергаться тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет.

3. Установить, что все имеющиеся на предприятиях излишки оборудования, а также материалы, оказавшиеся излишними и неиспользованными, подлежат специальному учету и перераспределению в порядке, определяемом Советом Народных Комиссаров СССР.

4. Поручить Прокурору СССР обеспечить неуклонное проведение в жизнь настоящего Указа.

5. Считать утратившими силу:

а) Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 декабря 1927 года "О порядке возмездной и безвозмездной передачи имущества государственных учреждений и предприятий другим государственным учреждениям и предприятиям" (СЗ СССР, 1928, № 2, ст. 13; 1930, № 48, ст. 500);

б) Постановление СНК СССР от 10 марта 1931 г. за № 200 "О сдаче Реммаштресту демонтированного оборудования" (СЗ СССР, 1931, № 26, ст. 208; 1933, № 26, ст. 156);

в) Постановление СНК СССР от 15 ноября 1933 г. за № 2482 "Об изменении порядка реализации оборудования и излишних неликвидных материалов" (СЗ СССР, 1933, № 69, ст. 411);

г) Постановление СНК СССР от 7 января 1934 г. за № 26 "Об изменении Постановления СНК Союза ССР от 15 ноября 1933 года "Об изменении порядка реализации оборудования и излишних неликвидных материалов" (СЗ СССР, 1934, № 6, ст. 45)»^[273].

Этот указ отменял все предыдущие постановления, дающие некоторую свободу распоряжения имуществом предприятий, и вводил наказания за подобные вольности. В то же время на некоторые необходимые приобретения у предприятия не предусматривалось средств. Формальным путем проблему решить было невозможно. Институциональная ловушка налицо.

Весной 1948 г. Бактериологическому институту понадобился водонагревательный котел, но деньги на него запланированы не были, и директор института Глебова поступила

привычным неформальным образом – произвела обмен ненужных лошадей на нужный котел:

«В апреле 1948 г. Молотовский паровозо-ремонтный завод продал институту котел паровозного типа серии Р № 704, оценив его в 10000 рублей. Институт отпустил паровозо-ремонтному заводу из числа иммунизационного фонда 6 лошадей стоимостью 10000 рублей. Расчеты учинены помимо банка, путем обмена счетами на равные суммы: с тем, чтобы скрыть незаконную операцию с обменом котла и лошадей, начальник паровозо-ремонтного завода Исаев и зам. директора института Букринский, с ведома Глебовой, заключили 30 апреля 1948 г. договор на ремонт котла институту за 10000 рублей, тогда как никакого котла завод не ремонтировал, а продал его институту»^[274]. Это было нарушением Указа от 10 февраля 1941 г. Однако поступить иначе Глебова вряд ли могла. Оставить предприятие без тепла было невозможно и даже преступно с ее стороны. И директор института имела основания не бояться правосудия, так как перед этим она долго выстраивала правильные отношения с партийными и правоохранительными органами.

Чтобы система хозяйства функционировала, а начальники оставались вне действия советских законов, руководители создавали сеть личных контактов, обслуживая вне планов и ордеров представителей исполнительной, правоохранительной и партийной власти. Вполне характерный пример имел место на швейной фабрике № 1 Молотовского Горлагпрома:

«...как правило, без ордеров шли руководящему составу... в том числе зам. председателя Горисполкома по местной промышленности... 10 предметов на 3178 рублей... председателю горисполкома... 5 предметов на 3178 руб...». Та же швейная фабрика помогла работникам горкома партии сохранить деньги во время денежной реформы 1947 г.:

«Узнав о проведении денежной реформы, они собрали по списку с 63 человек деньги в сумме 56638 руб. 70 коп., и купили на фабрике шерстяные ткани на пальто и костюмы, в количестве 85 отрезков, оформив их заказами на пошив пальто и костюмов»^[275]. Неудивительно, что первые сигналы о данных действиях во время реформы не возымели последствий, ведь сеть защищает сама себя: за директора швейной фабрики тогда заступался городской прокурор. Директор Бактериологического института Глебова тоже знала неформальные правила игры, к тому же в ее распоряжении находились самые ценные для того времени ресурсы – продукты питания в подсобном хозяйстве. За услуги разного рода расплачивались фондовыми продуктами, фуражом и материальными ценностями. Например,

«Зюкайскому мехзаводу за эксплуатацию нефтяного двигателя в подсобном хозяйстве: соломы 1600 кг, ячменя 50 кг, овса 3614 кг, муки ржаной 13 кг, мяса 76 кг, масла и сала 29 кг»^[276].

Продукты в послевоенные годы были своеобразной валютой, точнее всеобщим эквивалентом. Карточная система была отменена, но это практически не повлияло на проблему дефицита продуктов и товаров. Тот, кто мог распоряжаться продуктами, имел неформальную власть. Впрочем, в некоторых случаях подсобное хозяйство работало только для руководства предприятия:

«...подсобное хозяйство при Дорожном отделе обеспечивает исключительно самого Пичугина (заведующий дорожным отделом при Юго-Осокинском райсовете депутатов трудящихся. – А. К.), его бухгалтера Кашникову и кладовщика Смирнова»^[277]. А. Глебова в полной мере пользовалась продуктовыми ресурсами для блага предприятия, в большинстве случаев она делала это для общественной пользы организации. Надо было сделать ремонт – бартер помогал получить расходные материалы и оплатить работу ремонтной бригады.

«19.03.48 г. помимо бухгалтерского учета по указанию Глебовой, кладовщиком института Деруновым отпущено У.В.С.Р. № 34 одна тонна овса, а взамен этого в июне

1948 г. получено институтом от У.В.С.Р. № 34 три тонны алебаstra, обменных счетов не оформлено, овес на сумму 2000 рублей в расход не списан и алебастр на сумму 390 руб. не оприходован...

По трудовому соглашению с бригадиром Сидоренко от 25.06.1948 г. за постройку зерносушилки отпущено с подсобного хозяйства за наличный расчет по госценам 1 тонна ржаной муки и 400 кг пшеничной муки. По трудовому соглашению от 21.05.48 г. бригаде плотников Малышева за постройку веранды с подсобного хозяйства продано по госценам с доставкой в город Верещагино 300 кг ржаной муки...

Сылвенскому стеклозаводу по распоряжению Глебовой за изготовление стекольных изделий вне плана отпущено в 1946 году 4 фондовых лошади, из коих 3 лошади по настоящее время находятся в эксплуатации у завода без оплаты... По соглашению с объединением "Молотов-нефть" от 19.06.1948 г. за перевозку 500 кубометров круглого леса, директор подсобного хозяйства Дудин и гл. бухгалтер Мишин, с разрешения Глебовой, предоставили без оплаты 2 тонны овса, обеспечивали на все время перевозки леса горючим одну 3-хтонную автомашину и обеспечивали бесплатно питанием шофера и грузчиков»^[278].

Зачастую рабочим платили спиртом:

«20 литров выдано рабочим подсобного хозяйства, а по акту... списано на иммунизацию скота... 10 литров спирта... передала работнику... Тхиладзе, получила от последнего 6 тонн цемента без всяких документов»^[279].

И, разумеется, допуская подобные нарушения в интересах предприятия, руководители не забывали и себя. Например:

«...с подсобного хозяйства... в течение 1947 г. неоднократно отвозилось в Молотов по 30–50 кг муки директору Глебовой и ее заместителю Букринскому, а также отвозилось масло, сливки в пределах 4–5 кг бесплатно»^[280].

Водопровод в квартире и гараж во дворе А. Глебова также построила за деньги института.

Неформальные практики помогали во многих делах. Как известно, места в московских гостиницах были далеко не всегда, тем более в военные и послевоенные годы. И А. Глебова по-своему решила данную проблему:

«...на содержание в г. Москве представителя Шпициной за счет вакантной должности зав. медснабжением за период с 20.11.43 г. по ноябрь 1947 года выплачено 30870 руб... фактически Шпициной деньги выплачивались за то, что она проживая в Москве имеет квартиру, которую предоставляла приезжающим в Москву работникам бакинститута»^[281].

Вообще говоря, в неформальных практиках руководителям часто приходилось быть изобретательными, придумывать собственные эффективные способы работы.

Очень важно в такой неформальной схеме обеспечить лояльность сотрудников. Здесь есть вариант брать на работу родственников и друзей или одаривать материально и формировать корпоративную солидарность. У А. Глебовой были все варианты. Во-первых, в ее подчинении работали ее муж и сын. Во-вторых, она доплачивала за лояльность:

«Работникам бухгалтерии института за составление годового отчета в 1947 году незаконно выплачено 3980 и за составление промфинплана в 1948 году – 3875 рублей. Работникам бухгалтерии за составление годового отчета в 1946 году с санкции Глебовой выплачено 2094... Всего произведено таких воспрепятствованных выплат за работы, входящие в круг обязанностей работников бухгалтерии, 10801 руб. 64 коп.»^[282].

Другие получали доплату продуктами. В-третьих, А. Глебова работала над корпоративной культурой сотрудников:

«...по случаю международного женского дня 8 марта 48 г. израсходовано 4915 руб., по случаю дня 1 мая 1948 г. премировано вещами, выписанными со склада на отдел, как спецодежда, на сумму 2400 рублей, по случаю праздника Октябрьской Социалистической революции в 1947 г. израсходовано на премирование 6779 рублей... Летом 1947 г. Глебова, без разрешения Облздравотдела и Обкома Союза Медсантруда, при подсобном хозяйстве института организовала дом отдыха... в дом отдыха направлялись работники института и подсобного хозяйства, стоимость путевок Глебовой была установлена только лишь 30 рублей в месяц. Для питания отдыхающих в подсобном хозяйстве было забито 6 коров и 8 свиней, а также израсходовано большое количество молочных продуктов и масла... Спирт также выдавался работникам бакинститута от 200 до 500 грамм к праз днякам»^[283].
Применялся и традиционный способ задабривания ревизоров едой, выпивкой и подарками в дорогу:

«В июне 1947 г. в подсобном хозяйстве института в течение двух недель проводилась ревизия ревизором Министерства здравоохранения РСФСР Песочинс ким Д.Д., последний по результатам ревизии акта не составил. При отъезде Песочинского в Москву... заготовили ему посылку, по утверждению лиц, изготовлявших ящик для посылки емкостью 30—35 кг, в который вложено было масло и сало»^[284].
Вписываться в коррупционную систему также было необходимой неформальной нормой ведения хозяйства.

В числе нарушений Указа от 10 февраля 1941 г. выделяется одно:

«Из числа иммунизационного фонда с мая 1948 г. находится в эксплуатации одна лошадь в детдоме № 11, без оплаты до настоящего времени»^[285].
За лошадь Бактериологический институт не получил ничего взамен. Судя по всему, это была безвозмездная помощь детям, но и она была произведена в неформальной, да еще и нарушающей закон форме.

Советская хозяйственная система действовала весьма своеобразно. Она была полна приписками в официальных отчетах, результаты выполнения планов завышались, пропаганда и реальность сильно отличались друг от друга. В редакцию областной газеты «Звезда» было написано письмо, в котором приводились высказывания некоторых рабочих завода им. Дзержинского:

«Премии нам дали так. Совсем ни за что. Никаких перевыполнений у нас нет, сидят конторщики, выдумали, приписали, вот нам и дали»^[286].
Действовать только в рамках формальных процедур было невозможно. Более или менее эффективно эта система функционировала только при наличии неформальных практик ведения хозяйственной деятельности и высокой изобретательности руководителей. В то же время неформальные практики нарушали советские законы. Приходилось создавать сеть лояльности и защиты, вписываться в коррупционные схемы. Собственное обогащение и нормальная работа предприятия в условиях плановой экономики тесно переплетались и реализовывались неформальными способами.

Хроническое невыполнение планов на предприятиях, авралы в конце каждого месяца, произвольное увеличение рабочего времени, невыносимые условия труда, сложные жилищные условия, отсутствие элементарных бытовых удобств, продуктовый и товарный дефицит — все эти проблемы способствовали росту социальной напряженности. Для сохранения существующего режима вла сти необходимо было включить население в новую политическую кампанию, дать возможность вылить социальное напряжение через жалобы трудящихся.

3.4. Жилищные условия: от начальников до рабочих

Между ростом городского населения в регионе и жилищным строительством существовало огромное несоответствие. Жилищное строительство не поспевало за ростом населения, рабочие жили в бараках. Порой под жилую площадь приспособляли подвалы, ваннные комнаты, сараи, производственные помещения, ветхие каркасно-засыпные бараки, построенные в 1932–1936 гг. В Молотовской области, например, на заводе № 90 36 % рабочих жили в бараках, построенных в 1936 г.^[287], а на Краснокамской бумажной фабрике «Гознак» подобное жилье составляло 45 % всего фонда. «Справка о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова», подготовленная летом 1953 г., нашла их «...в неудовлетворительном состоянии». Средняя плотность жилого фонда по заводу составляла 4,3 кв. м на человека, причем

«...по барачному фонду приходится 3,2 кв. м на человека, а в отдельных общежитиях... до 2–2,5 кв. м и даже меньше».

Около четверти всего жилого фонда были «...бараки каркасно-засыпного типа, половина которых построена в 1930–1932 гг.». В них проживало около 4000 рабочих. Составители справки – партийные функционеры – находят условия проживания в этих бараках невыносимыми:

«Крыши протекают, стены осели и промерзают, в комнатах зимой холодно и сыро... нет никаких удобств».

Более тысячи рабочих проживали в общежитиях, в комнатах по 20–25 человек. В общих помещениях «...среди одиночек проживают 6 женщин с мужьями»^[288]. В другой справке бараки Березниковского калийного комбината прямо называют «непригодными для жилья»^[289].

Описание условий жизни в молодежных общежитиях (а на самом деле бараках) завода им. Кирова демонстрировало отсутствие городских условий коммунального хозяйства: «совершенно ненормальные условия с умывальными комнатами». Умывальник с 4 кранами в одном из общежитий делят 79 человек, а в другом общежитии умывальник с 3 кранами приходится на 85 человек. Отдельных комнат для умывания мужчин и женщин нет нигде. Таким образом, одним краном пользуются 20–28 человек, тогда как даже по нормативу их должно быть 10. К тому же умывальники установлены на общей кухне. С туалетом аналогичная ситуация – 1 уборная на 40 с лишним человек и опять же без разделения на женскую и мужскую^[290]. В таких условиях и речи нет о приватности и отделении частного от публичного в повседневной жизни.

Но не только общежития и бараки были настолько переполнены. Коллективное проживание в одной квартире большого количества людей, ожидающих улучшения жилищных условий, тоже было явлением повсеместным. Рабочий завода № 19 им. Сталина, живший вместе с беременной женой, так описывал свою жилплощадь:

«...я живу по ул. 25-го октября... кв. 2, а спать приходится в дровянике, т. к. в квартире некуда поставить кровать, у них самих семья 9 человек на 20 кв. м. Я подал заявление в жилищный отдел завода и меня включили в списки на новые дома. Но какие были сданы в эксплуатацию, но там не дали и нигде не дают, говорят ожидайте нового...»^[291].

Столь тесное проживание закрепляло такой сельский элемент культуры, как нерасчлененность частной и публичной сферы. Он же распространялся на межличностные отношения. Семейная жизнь выносилась на всеобщее обсуждение.

«Документы поздней сталинской эпохи свидетельствуют о том, что власти проводили целенаправленную политику лишения партийцев права на частную жизнь. Организация контролировала их семейный быт: заботу о женах, уделяя особое внимание тому, чтобы они не забывали водить их в кино, театр, воспитание детей, досуговые занятия, дружеские связи», – утверждает О. Лейбович^[292]. В то же время нередко бывали случаи, когда желание раскрыть семейную проблему (побои, драки, измены) партийным или советским инстанциям являлось инициативой снизу и предполагало, что это поможет наладить отношения. А когда жить в условиях ругани и ссор становилось невыносимо,

люди обращались к традиционному способу «спустить пар»: пили и дрались. Пьянство играло роль клапана, спускающего накал недовольства окружающей действительностью. Оно воспринималось как естественный элемент повседневности. «Вокруг заводских проходных все было обставлено ларьками, торгующими водкой на вынос и распивочно»^[293]. Обычно на пьянство не обращали особого внимания. И только отдельные случаи находили отражение в жалобах трудящихся, обиженных ситуацией несправедливости. Достаточно долго терпела, но в 1948 г. не выдержала и написала жалобу в обком партии работница Мотовилихинского завода:

«...механик К-ов с ними (с начальниками. – А. К.) пьет, дисциплина в отделе механики слабая, пьяных К-ов старается не замечать на работе. Как бы плохо не работали они, а премии дает всем... Воскресенье 2 марта слесарь Г-ин наварил бочку браги и сговорились с Кор-ым, К-ым и много других рабочих... и организовали пьянку. Воскресенья видно не хватило ни Кор-ов ни К-ов в понедельник на работу не вышли и не вышли на работу и рабочие, вся работа у нас... стояла. Вышли на работу во вторник 9 марта... кое как доработали смену. В среду 10 марта Кор-ов (начальник цеха, член ВКП(б). – А. К.) опять на работу не вышел...»^[294]. Реакция обкома была очень мягкой – жалобу отправили на разбор в райком, а там приняли решение «за непартийный поступок Корва К. А. предупредить»^[295], и больше никаких последствий не было. Прибывший в г. Молотов военнослужащий писал в ЦК ВКП(б):

«Взять Молотовскую область, я нигде не видал такого массового пьянства мужчин и женщин, что в рабочий день валяются по городу не десятки, а сотни пьяных мужчин и женщин, подчас в трамвае валяется пьяный, милиционер спокойно перешагивает через него...»^[296].

В позднюю сталинскую эпоху приватная сфера была наполнена публичностью, в то же время публичную сферу начали приватизировать. В послевоенные годы в условиях голода, карточной системы, отсутствия в продаже элементарных продуктов питания работники завода возвращались к практикам натурального хозяйства, которые хорошо знакомы в крестьянской среде, при этом своим считали заводское имущество (подробнее см. с. 80–81 наст. изд.).

Санкционированный уход с работы влек за собой потерю жилья, а самовольный – тюремное заключение. Жизнь в бараке мало чем отличалась от жизни в казарме. Большое количество людей, живущих в одном помещении, отсутствие частной жизни, минимальное личное имущество, отдельное проживание от семьи, казенное постельное белье и одежда были частью рабочей повседневности послевоенных лет. Справки Молотовского обкома ВКП(б) о работе промышленности за 1946 г. свидетельствуют, что жилищные условия были тяжелыми повсеместно:

«Около 400 рабочих (комбината «Молотовуголь». – А. К.) все еще проживают в общежитиях с двухъярусными нарами»^[297].

Но особенно красноречивым было описание случаев, когда условия жизни рабочих удавалось улучшить:

«...общежития пополнены на 7500 кроватей, 1200 тумбочек, 3000 табуреток, 4800 одеял, 10600 матрасных наволочек, 30000 простыней и 28800 полученных наволочек. Организована бесперебойная поставка воды и топлива в общежития»^[298].

Здесь мы отчетливо видим как казарменные условия самой жизни в так называемых общежитиях (очень аскетичной жизни, на полном государственном обеспечении), так и способы улучшения этих условий за счет государственного обеспечения.

Инспектор ЦК КПСС С. Пилипец говорил, что даже в 1954 г.

«...только 20 % жилого фонда города Молотова оборудованы водопроводом, 18 % канализацией, 5 % центральным отоплением. Жилой фонд городов области оборудован водопроводом только на 5 %, канализацией – на 4 % и центральным отоплением – на 3 %»^[299].

3.5. Деревенская повседневность в послевоенные годы

Голод в СССР в послевоенные годы был во всех районах страны. В. Зима отмечает несколько особенностей этого голода: во-первых, повсеместный охват; во-вторых, его причиной были не только неурожай и засуха, но и опустошительные государственные заготовки. В-третьих, он не закончился в 1947 г., а «продолжал уносить человеческие жизни во многих регионах в 1948 г. и даже в 1949 г. По примерным расчетам, в Советском Союзе с 1946 г. по 1948 г. включительно от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемий тифа, погибло около 2-х млн. человек. Миллионы людей стали калеками из-за употребления в пищу суррогатов»^[300]. Молотовская область не исключение. В письме брату инвалид Отечественной войны 2-й группы А. Белев, 1911 г. рождения (место жительства – село Старый Брод Чернушинского района Молотовской области), писал 28 января 1947 г.:

«Примерно с апреля-мая грозит хороший голод. В колхозах что полагалось на трудодни сверх госпоставок, осенью приехали представители и буквально все отправили в порядке “встречного” плана сдачи, под Красным Флагом. Колхозники уже голодают. Тяжелое время подошло и еще предвидится тяжелее»^[301].

Письма во власть из разных районов страны подтверждают, что «плохой урожай и большой падеж поголовья в районе и области объясняют дождливыми летом и осенью 1946 года, фактически же в большей доле это следствие массового расхищения»^[302].

Мобилизационные кампании регулярно проводились в сельской местности. Исключительно сельскими были посевные и уборочные кампании. Терминология здесь не случайна. Они так же проводились с использованием военных технологий, мобилизовали население, требовали стратегических и тактических действий. Райкомы партии отправляли на село уполномоченных, главной задачей которых было выполнение государственного плана заготовок. Активное участие принимали и силовые органы, например МГБ. В документах была такая цитата:

«...в период уборочной кампании, летом 1949 года, начальник Чернушинского РО МГБ И-ов вместе с секретарем РК ВКП(б) тов. К-ым, будучи в пьяном виде, избил председателя колхоза “Заря социализма” И.Ф.Ф. и угрожал ему оружием». Мы, конечно, не знаем, что не поделили между собой эти люди, но интересна сама формулировка в документе: это была не просто пьяная драка, это были действия должностного лица, который с оружием в руках требует что-то во время «уборочной кампании» от главы колхоза.

О ходе этих кампаний отчитывались, важность их проведения разъясняли гражданам. На 20-м пленуме Молотовского обкома указывали на необходимость активной пропагандистской работы парторганизаций, изб-читален, клубов, которые должны были проводить беседы, лекции, общие собрания, развивать радиосети. От газет требовались статьи, которые позволят «широко освещать ход соцсоревнования, смело критиковать недостатки отстающих»^[303]. И «Правда» регулярно публиковала передовицы мотивационного характера.

Однако в сельском хозяйстве, как и в промышленности, плохо выполняли планы. Даже на пленуме Молотовского обкома, начав доклад с ритуальной фразы – «план хлебозаготовок выполнен», затем докладчик не мог скрывать, что

«18 районов области не обеспечили выполнения плана сельскохозяйственных работ... более 600 колхозов не обеспечили себя семенами весеннего сева, не создали необходимые фуражные и страховые фонды, мало выдали колхозникам хлеба по трудодням... В Большесосновском районе весенний сев проводили 53 дня и закончили его только к 26 июня. Удобрели только 11 % яровых... подборошили озимых только 20 %... Широко распространен ручной посев.... По состоянию на 1 апреля 1946 план зимней вывозки навоза выполнен на 74 %, собрано золы 11 %, завезено минеральных

удобрений 47 %... На складах скопилось более 3 тыс. тонн минеральных удобрений. Однако вывозка идет крайне медленно... Беда в... недостатк[е] лошадей и других транспортных средств... большинство районов и по настоящее время неудовлетворительно занимается выращиванием картофеля и овощей. Например, Нытвенский район в 1945 выполнил план посева овощей на 90 %, картофеля на 84 %. План заготовок картофеля выполнил на 77 %, овощей – на 85 %»^[304]. Как отмечает В. Зима: «Техническое оснащение сельского хозяйства было прекращено в самом начале войны. Все без исключения заводы, производившие сельскохозяйственные машины и оборудование, были переключены на военную технику. Поставка селу тракторов и плугов по сравнению с предвоенной сократилась в 9 раз, комбайнов – в 50 раз»^[305]. Именно поэтому в колхозах Молотовской области главной тягловой силой была лошадь (70 % всех работ), а не комбайн. Но с лошадьми были связаны серьезные проблемы: недополучение лошадьми нормы корма, расхищение кормов и, следовательно, истощение животных; кроме того, лошади жили в холодных конюшнях:

«...конского поголовья на 1 января 1946 г. в Больше-Сосновском районе 11 % истощенных лошадей и 58 % ниже средней упитанности, в Чердынском районе 25 и 50, в Карагайском 10 и 56 %»^[306].

Новой техники не было, а старая находилась в плохом состоянии (высокий износ, устаревание), планы по ее ремонту не выполнялись:

«...на 1 апреля 1946 в колхозах отремонтировано плугов 88 %, сеялок 83 %, культиваторов 72 %... из 88 МТС (это общее количество МТС по Молотовской области. – А. К.) в 1945 выполнили государственный план тракторных работ только 62... план сдачи натуроплаты выполнили 56 МТС»^[307].

Вся эта статистика, скорее всего, завышена, но и она демонстрирует серьезные проблемы в деревне.

Крестьяне, стараясь выжить в трудных условиях, стремились минимизировать трудовые затраты в работе на колхоз. Колхозники не вырабатывали норму трудодней (норма трудодней, кстати, тоже оставалась на военном уровне), регулярно не выходили на работу:

«Среднегодовая выработка на одного работоспособного колхозника с 300 трудодней в 1940 увеличилась до 320 трудодней в 1944 году... Однако... В Кунгурском районе число колхозников, невыработавших минимума трудодней, возросла с 86 человек в 1944 году до 128 человек в 1945, в Черновском районе соответственно – с 31 до 88 человек, в Уинском районе – с 124 до 227 человек»^[308].

Председатель облисполкома тов. Швецов привел интересную статистику по одному из колхозов Молотовской области:

«В колхозе "Трудовик" Оханского района был сделан анализ использования лошадей и людей за каждый день января 1946 г... из имеющихся 20 лошадей и 75 трудоспособных колхозников ежедневно работало людей 30–32 и максимум 66 человек, а лошадей 4–5–13 и максимум 19... за месяц в целом получилось, что [в] колхозе ежедневно не использовались 20 человек людей и 7–8 лошадей»^[309].

Вряд ли он говорил об исключительном случае. Скорее всего, колхозники не видели смысла работать за ничем не обеспеченные трудодни, предпочитая самостоятельные способы заработка – работу на приусадебных участках, а также в подсобных хозяйствах заводов. В письме Сталину председатель колхоза «Ленинский путь» Кунгурского района Молотовской области отлично описывал разные способы адаптации селян к условиям жизни. Многие колхозники меняли социальный статус (самовольно или по мобилизации): живя в селе, официально становились рабочими и служащими артелей, школ, больниц. В колхозе «Ленинский путь» из 520 хозяйств лишь 180 колхозных. Однако хозяева оставшихся 340 участков бесплатно использовали для выпаса собственного скота колхозные пастбища (из числа пахотных земель колхоза). При этом

нетрудоспособные или имеющие детей члены семьи были записаны в колхоз, поэтому семьи получали право еще и на приусадебный участок от 0,25 до 0,35 га^[310].

ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали Постановление «О государственном плане сельхозработ на 1946 год», в котором особо подчеркивали необходимость организовать все сельскохозяйственные работы на основе индивидуальной и мелкой групповой сдельщины, разбив бригады на звенья на весь сезон. На практике это не получалось:

«В Кишертском районе весной 1945 г. было организовано 45 звеньев на семенных участках, 63 звена по выращиванию овощей и 87 звеньев по выращиванию картофеля....К концу года сохранилось 22 овощеводческих звена, а все другие распались. Дополнительная оплата была начислена всего 14 звеньям»^[311].

Дополнительная оплата полагалась только за перевыполнение поставленного задания. Получается, что распадалось подавляющее большинство звеньев, а из тех, что остались, менее 50 % перевыполнили план. По сути, сельскохозяйственные мобилизационные кампании провалились даже на бумаге.

Пресса при этом выдавала только оптимистичную информацию. Как писал в дневнике А. Дмитриев: «Вообще-то по газетам живет очень хорошо»^[312].

Районы области отличались по степени их обеспеченности. Секретарь Верхне-Муллинского райкома ВКП(б) Дружинин рассказывал на пленуме об этой ситуации:

«Старикашка и 2 женщины остановились погреться и чаю напиться у одной колхозницы нашего района, у которой была девочка 5–6 лет, когда они разложились, повытащили черные лепешки, девочка спрашивает “что это такое?”, ей говорят “хлеб”... пошла беседа. Хозяйка вынула целый каравай пшеничного хлеба. Старик увидел, заплакал и говорит, что 4 года мы не только не едим, но и не видим такого хлеба (они из Фокинского района). Это факт политического значения. В самом деле – приехали бойцы в этот Фокинский район, что они могут получить кроме этих черных лепешек»^[313]. Из этого примера видно, что ситуация с мукой в Верхне-Муллинском и Фокинском районе Молотовской области была разной.

Хотя, скорее всего, более типична как раз ситуация Фокинского района.

При этом крестьяне платили значительные налоги и за приусадебные участки, и за домашний скот. Яркий пример можно привести по Коми АССР:

«Платить приходилось также за каждое животное, находившееся в хозяйстве. Так, доходность 1 коровы в среднем по РСФСР была установлена государством в размере 2540 рублей в год, в Коми – 1800 рублей. Крестьянин в 1948 году в республике отдавал сталинскому государству за неё налог в размере 198 рублей. Много ли это было? Усреднено, денежный доход от трудодней в республике на 1 хозяйство в том же году составлял 373,59 рублей. То есть крестьянин отдавал со своей колхозной «получки» до 53 % только за корову. Проиллюстрировать грабительство крестьян можно следующим примером. Так, колхозница Е. М. Семяшкина из колхоза имени Маленкова Троице-Печорского района заплатила в 1950 году налог в размере 539,04 рублей. Налог был выплачен с: 1 коровы; 390 кв. метров огорода под картофель; – грядки в 20 кв. метров; 1,5 гектаров сенокосов»^[314].

О проблемах крестьян в Молотовской области пишет в письме А. Белев:

«С колхозника “вытрясается” налог во всяких видах, а где он возьмет деньги? От продажи с/х продуктов, хлеба? Область к 15 октября выполнила план хлебосдачи, а до сих пор свободная продажа хлеба колхозникам не разрешена (по закону излишки частные лица могли продавать, когда план выполнен колхозом. – А. К.), однако колхозник вынужден где-то найти деньги для налога и своих нужд. Для этого он продает свои “излишки” хлеба, полученные по 1,5 кило на трудодень. Везет и продает из-под полы»^[315].

При этом руководство было недовольно тем, что налоги с крестьян собирались не в том количестве, на которое рассчитывали. Например, в ноябре 1950 г. бюро Молотовского обкома приняло постановление «О ходе выполнения плана поступления сельскохозяйственного налога и других платежей с населения и колхозов области», в котором отметило неудовлетворительный ход сбора платежей:

«...план сельскохозяйственного налога выполнен всего лишь на 54 %, в третьем квартале в бюджет недодано 6572 тысячи рублей, сорваны мероприятия по сбору налога в октябре... крайне плохо организована также работа по сбору подоходного налога с колхозов, налога с малосемейных, страховых платежей и займовых средств».

Далее в тексте опять звучит военная терминология:

«...в результате запущенности дела с мобилизацией средств в бюджет...»^[316]
Получается, что сбор налогов – это мобилизация средств. Причем эта мобилизация тоже названа в документе одной из важнейших хозяйственно-политических кампаний. Впрочем, другие кампании, которых было достаточно много в ту эпоху, в данном постановлении признаны виновниками проблем со сбором налогов, потому что «финансовые работники на местах систематически отвлекаются от своей основной работы для проведения тех или иных кампаний в районе»^[317].

Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) 19 сентября 1946 г. приняли Постановление «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которое возвращало колхозы в довоенные границы, забирая землю от приусадебных участков колхозников и подсобные хозяйства у организаций. Постановление требовало:

«Проверить в натуре в срок до 15 ноября 1946 года по каждому колхозу и сличить с записями в земельных шнуровых книгах наличие общественных земель и размеры приусадебных участков, изъять незаконно захваченные земли как со стороны отдельных колхозников, так и организаций и учреждений для подсобных хозяйств и вернуть их колхозам. Восстановить в этот же срок всю документацию записи земель колхозов (акты, шнуровые книги и т. д.). Отменить пункт 2 действовавшего на время войны Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 года о предоставлении на время войны Совнаркомом союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам, при отсутствии свободных городских земель и земель госфонда, права разрешать промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посе́вы на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних, а земли, временно переданные по этому Постановлению, вернуть соответствующим колхозам в срок до 15 ноября 1946 года»^[318].

Выполнить это постановление в срок не удалось. Многие влиятельные предприятия и учреждения Молотовской области не вернули землю даже к началу 1950-х годов. В письме председателя колхоза «Ленинский путь», написанном Сталину в 1951 г., есть просьба вернуть в колхоз крестьян, которые работают в подсобных хозяйствах молотовского завода № 33, завода № 19 и Кунгурской колонии № 2^[319]. Председателя колхоза нисколько не смущало само существование этих подсобных хозяйств. Видимо, это нарушение устава сельхозартели воспринималось как норма. В некоторых случаях влиятельные властные структуры обходились без формальностей: «...работники МТС на колхозных землях в 1947 г. производили посев для райкома партии на площади 1 гектара»^[320].

Купить в сельской местности промышленные товары было достаточно проблематично. И в 1948 г.

«несмотря на отмену карточной системы, все еще продолжают иметь место факты не открытой торговли, а по принципу распределений, особенно таких товаров, которые являются в условиях сельской местности дефицитными. Так еще в июне месяце с.г. [сего года] по распоряжению... было скрыто под прилавком продавца раймага П. большая партия чулок и 12 метров диагонали, предназначенных для определенной группы людей

районного центра... а еще в данное время... хлеб продается по этим родственным и товарищеским признакам»^[321].

В письмах А. Белев описывал противоречие между пропагандой и реальностью в доступе к промтоварам деревенских жителей:

«Хорош был доклад Молотова... тут, например, говорится, что промышленность достигла довоенного уровня. А где, спрашивает колхозник, продукция этой промышленности? Как с 1940 года колхознику ничего не давали ни на копейку, так и до сих пор он ничего не получил от промышленности ни на грош»^[322].

В реальности неформальные способы распределения продуктов и промтоваров одинаково имели место на селе и в городе.

Глава 4. Механизм политических кампаний

Кампании, мобилизующие население страны на решение очередных задач, в сталинское время приобрели значение эффективного и часто употребляемого властью орудия политического управления поведением советских граждан. Кампании были чрезвычайной мерой в управлении страной. Ни Конституция СССР, ни партийная программа, ни решения съездов, ни действующее законодательство не предусматривали применение этого средства социалистического строительства. Само слово «кампании» в партийном языке противопоставлялось слову «кампанейщина», которое имело негативную коннотацию, обозначало пороки низовых работников: «головотяпство», «администрирование», «бюрократизм».

Термин «кампания» применительно к советской политической жизни можно найти во втором издании Большой советской энциклопедии: «Кампания — 1) специально организованная на определенный период работа, деятельность по проведению в жизнь важных очередных мероприятий (напр.: избирательная кампания, посевная кампания)»^[323]. На самом деле этот термин имеет военные корни, что поясняется в статье «Кампания военная». В европейской литературе XIX в. «...кампания означает ряд военных операций, тесно связанных между собой одним стратегическим планом и направленных к достижению одной стратегической цели»^[324].

Использование военного языка в советских политических текстах, а точнее говоря, в политических действиях не было случайностью. Н. Попов и Г. Дробышев относили это к особенностям советской модели тоталитаризма: «Идеология тоталитаризма предполагает создание духовной атмосферы войны даже в мирное время»^[325].

Армейский лексикон, широко употребляемый для характеристики сугубо гражданских занятий, характеризовал не только тип политической ментальности партийной верхушки, но и стиль политического поведения людей, которых И. Сталин в феврале 1937 г. именовал соответственно *партийными генералами, офицерами и унтер-офицерами*^[326].

В. Ленин высоко ценил и часто применял формулу прусского военного теоретика К. Клаузевица: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»^[327]. Акцентируя *насильственное* содержание военных средств, Ленин придал суждению Клаузевица статус *основного положения диалектики*, освященного марксистской традицией: «...и именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса»^[328].

Ссылка на диалектичность формулы «война есть продолжение политики» очень важна. Она указывает не на одностороннюю, а на взаимную связь между двумя этими явлениями. Если при определенных условиях политика превращается в войну, то при иных условиях война становится политикой. Диалектический принцип познания по Ленину предполагает не только подвижность и проницаемость границ между противоположными явлениями, но и возможность их взаимного превращения^[329].

Следуя ленинской логике, формула Клаузевица остается верной, если ее прочесть и в обратном порядке: «Политика есть продолжение войны». Эта идея не может считаться ни случайной, ни маргинальной в ленинском мировоззрении. Она органически сочетается с ключевым тезисом марксизма, согласно которому именно классовая борьба является источником исторического развития. Более того, весь исторический процесс отождествляется с «ходом исторической борьбы»^[330]. Ф. Энгельс, являющийся автором вышеуказанной формулы, также высоко ценил теоретическое наследие К. Клаузевица – «звезд первой величины» среди военных писателей^[331]. Ленинская идея в этом вопросе опиралась на традиции основателей марксистского учения.

Речь здесь идет не только о взглядах В. Ленина на соотношение войны и политики, но и о сформулированных на языке теории его принципах политического действия. Можно согласиться с мнением Г. Лукача, что ленинская «...теория исторического материализма еще более сблизилась с повседневной борьбой пролетариата, стала еще практичнее, чем она могла быть во времена Маркса»^[332]. Дистанция от мысли до политического действия в ленинской практике была сведена к минимуму, диктуемому обстоятельствами времени и места.

Военный язык советской политической жизни – не только и не столько дань революционной традиции эпохи бури и натиска. В первую очередь он является свидетельством реальных, действенных принципов отправления политической власти в послереволюционном обществе. Власть остается военной и по организации, и по методам ее осуществления, и по критериям эффективности, и по культуре.

Общество отправляется в военный поход. Политические цели принимают вид стратегии. Политическая кампания – обязательный компонент стратегии. Она представляет собой совокупность операций на одном из театров военных действий (промышленном, сельскохозяйственном, экономическом, историческом, театральном и др.) в определенный период времени в строгом соответствии со стратегической целью. Главный штаб определяет и тактику проведения кампаний. Политический процесс в обществе существует в виде последовательно сменяющих друг друга кампаний.

Реализация такой политики возможна только в определенных социально-экономических и культурных условиях, присущих режимам тоталитарного типа. Сопоставляя различные политические системы, Г. Алмонд идентифицировал тоталитаризм с тиранией, применяющей рациональную бюрократию, современные технологии коммуникации и насилия. Фундаментом для возникновения тоталитарных режимов послужила далеко идущая атомизация общества, являющаяся продуктом разрушения горизонтальных социальных связей^[333]. Необходимо учесть, что в определении Алмонда речь идет о теоретической, сугобо абстрактной, выпрямленной по отношению к действительной истории модели тоталитаризма. В социальной жизни отдельных стран тоталитаризм есть лишь одна из структур общественной организации, тесно переплетенная с иными структурами, оставшимися от прежних эпох либо возникающими в новых условиях. «Чистый» тоталитаризм – продукт интеллектуальной деятельности, инструмент для познания социальной действительности, но не сама действительность. Применение эпитета «тоталитарный» к какому-либо обществу означает лишь то, что тоталитарные тенденции и тоталитарные структуры в нем, на взгляд исследователя, являются доминирующими. Именно в этом смысле можно говорить о тоталитарном режиме в Советском Союзе в 1930–1950-е годы.

Власть стремилась контролировать все сферы социальной жизни, используя любые доступные средства. Она диктовала новые моральные нормы, меняла по своему усмотрению стандарты повседневного поведения. При помощи средств массовой информации, литературы и образовательных учреждений власть строила «нового человека», с новыми ценностями и новым мировоззрением. Все, что обеспечивало самостоятельность человека, подлежало беспощадному искоренению. Тоталитарное господство нацелено на упразднение свободы, на уничтожение человеческой спонтанности вообще. Атомизированность и бесструктурность – ос новные

характеристики тоталитарного общества. Индивидуальные и групповые интересы вытеснялись государственными. С помощью методов террористической коллективизации был уничтожен традиционный уклад жизни крестьянина. Большинство российского населения потеряло самостоятельность. Крестьяне, прикрепленные к государственной земле, были лишены возможности изменить род деятельности. Они не получили введенные в Советском Союзе в 1932 г. паспорта.

Рабочие также перестали быть независимой социокультурной группой. Собственность принадлежала государству, а «стахановская система разрушила остатки солидарности среди рабочих с помощью, во-первых, разжигания жестокого соревнования и, во-вторых, возникновения стахановской аристократии, социальная дистанция которой от обыкновенного рабочего воспринималась более остро, чем расстояние между рабочим и управляющим»^[334]. Как свидетельствуют С. Журавлева и М. Мухина, анализирувавшие ситуацию на московских заводах, «имела место обычная зависть к коллеге, которому созданы лучшие условия труда. К тому же рабочие не без оснований опасались, что резкое повышение производительности приведет к общему пересмотру норм и скажется на всех рабочих. В результате против активистов-стахановцев имели место, по выражению тех лет, “классово чуждые выступления”. Например, на заводе электромашин Электрокомбината были сорваны портреты стахановцев с Доски почета, а на Ламповом заводе установщик отказался настраивать станок рабочего-стахановца»^[335]. Кроме того, в 1938 г. были введены трудовые книжки, «которые официально превратили весь российский рабочий класс в одну гигантскую рабсилу для принудительного труда»^[336]. В дальнейшем произошло «закрепощение» рабочих по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому опоздания, прогулы и самовольный переход с одного предприятия на другое – достаточно привычные явления в повседневной жизни рабочих – стали серьезно караться.

Вождь, находясь на вершине государственной пирамиды, управлял страной при помощи партийного аппарата, который подменил собой все органы власти. Пребывание у власти обеспечивало значительные социальные привилегии, что со временем привело к объединению этих людей в особую чиновничью корпорацию, которую М. Джилас назвал «новым классом»^[337]. Появление нового класса, иначе говоря обладающей социальными привилегиями бюрократии, генетически связано с утверждением тоталитарного режима. Власть, стремящаяся замкнуть на себя все общественные и личные связи, претендующая на управление всеми сторонами жизни, неминуемо превращалась в гигантскую чиновничью корпорацию. В то же время затянувшееся на десятилетия оформление этой корпорации создавало социальный противовес тоталитарному режиму. Внутри корпорации зарождались и осознавались собственные, не совпадающие с государственными интересы и непроницаемые для государства социальные отношения. Это было, по сути, новым термидором. Еще Л. Троцкий предупреждал, что «термидор – это особая форма контрреволюции, совершаемой в рассрочку и использующей для первого этапа элементы той же правящей группы – путем их перегруппировки и противопоставления»^[338]. По мнению левой оппозиции, русскими термидорианцами становились аппаратчики, стремящиеся к личному благополучию и бюрократическим привилегиям. Перефразируя известную формулу, можно назвать «новый класс» «могильщиком» тоталитарного режима^[339].

Опасность перерождения партийных кадров осознавалась руководством партии. Именно по этой причине сталинская политика в качестве неперемennого элемента включала периодические чистки партийного, военного и государственного аппаратов. Позднейшие жалобы членов сталинского политбюро на плохой характер вождя, стремящегося всех перессорить, указывают на последовательность и принципиальность политической линии, распространяющейся и на высшее партийное руководство^[340].

Партийным функционерам не полагалось принимать самостоятельных политических решений. Они были только исполнителями. Между вождем и массами не существовало устойчивых промежуточных структур, располагающих легитимными властными полномочиями.

Политика огосударствления всех социальных связей поддерживалась целой системой мер, в том числе и террористических. Репрессии 1930–1950-х годов распространялись на членов семьи и друзей обвиняемого. Детям приходилось отрекаться от родителей, чтобы избежать исключения из пионерской организации, комсомола, школы, техникума, вуза. Семейная лояльность заменялась лояльностью коммунистической.

4.1. Жалобы и доносы в политических кампаниях

Всеобъемлющим символом новой лояльности стал донос. Ненависть к классовому врагу и подозрительность воспитывались с детства. Пропаганда активно работала в этом направлении. Дети должны были участвовать в политических кампаниях, поэтому в молотовской областной молодежной газете 12 февраля 1953 г. в процессе «дела врачей» появилась передовая статья «Юнкор». Две трети ее занимает перечисление случаев, когда письма молодежи в редакцию принесли пользу государству. Заканчивается она традиционным напоминанием о капиталистическом окружении и призывом: «Наш юный корреспондент... мало видеть недостатки, с ними нужно вести непримиримую борьбу. Будь же страстным борцом со всевозможным злом. Беспощадно разоблачай фальшивых людей, ротозеев и болтунов – злейших врагов нашего государства. Смелее критикуй все отсталое, что тянет нас назад... Ждем твоих писем!»^[341]. Примером служил Павлик Морозов, с чьей историей ознакомили через газеты всю страну.

Мифологизированный герой призван был заложить новую модель детского поведения в семье. М. Геллер в книге «Машина и винтики. История формирования советского человека» писал: «Донос, в первую очередь на кровных родственников, становился долгом и добродетелью... Первой заповедью становилось разоблачение врага. Максим Горький сформулировал закон новой нравственности: “Если „кровный“ родственник является врагом народа, так он уже не родственник, а просто – враг и нет больше никаких причин падать его”»^[342].

Бдительность должна была стать составной частью сознательности каждого гражданина. Цели такого государственного воспитания вполне понятны. Необходимо было связать массы круговой порукой и лишить привычных социальных связей. Новая мораль ставила идеологию выше родовых связей и традиционной морали. Постепенно первой заповедью лояльного гражданина становилось разоблачение врага.

Деятельность доносчиков разрослась до невероятных размеров. Масштабы доносительства описывает Р. Конквест. Например, он приводит такие цифры: по материалам украинских газет 1938 г. один житель Киева донес на 69 человек, а другой – на 100; в Одессе один коммунист донес на 230 человек; в Полтаве член партии «разоблачил» всю свою организацию^[343].

В сталинскую эпоху слово «донос» бытовало только в быденном языке. Общественная мораль XX в. по-прежнему осуждала доносительство. В. Короленко писал в 1919 г.: «Власть доноса – власть не только подлая и безнравственная, но и опасная... Берегитесь попасть во власть доносов»^[344]. Казенный язык предпочитал заменять глагол «доносить» другими терминами: «сигнализировать», «сообщать», «доводить до сведения», «разоблачать» или словосочетаниями-штампами, типа «письма и жалобы трудящихся», «критика снизу», «предложения коммунистов», «сигналы печати». Из криминальной среды в бытовую речь вошел глагол «стучать». В официальной речи место «доноса» заняла «жалоба». Первоначально составители советских толковых словарей не могли совершенно игнорировать слово «донос». Его моральная оценка полностью корреспондировала со сложившимся в либеральной среде суждением. В словарях 1930-х годов «донос» имел исключительно контрреволюционный подтекст и

определялся как «орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения»^[345]. А уже в «Словаре современного русского литературного языка» 1954 г. издания понятие «донос» исчезает. Есть слово «доносить». Вторым пунктом значится: «Доводить что-либо до сведения какого-либо лица или учреждения»^[346]. «Жалоба», согласно этому же словарю, определяется почти так же: «Заявление, указывающее на незаконное или неправильное действие какого-либо лица или учреждения»^[347]. Слово «донос», таким образом, практически исчезло из партийных и государственных документов сталинской эпохи.

Жалобы стали особо значимым явлением советской действительности. Они выполняли как минимум четыре функции. Во-первых, это своего рода проявление демократического права населения на участие в управлении государством и права на правосудие. Граждане СССР должны были видеть в массовом доносителе и жалобах на всевозможные нарушения социалистических уложений проявление подлинного народовластия.

Возникновение института жалоб связано с особенностью тоталитарных режимов, ведь на благополучие чиновника влияли не результаты его деятельности, а отношение вышестоящего начальника. С одной стороны, это приводило к лести и угодничеству, а с другой – к составлению таких отчетов о проделанной работе, которые бы не разгневали вышестоящих. Поэтому чиновники на местах чаще всего посылали наверх ту информацию, которую ждало от них начальство, а не ту, которая отражала реальное состояние дел. Но при этом власти не могли оставаться без достоверной информации хотя бы потому, что это создавало угрозу для них самих. Поэтому правительство поощряло жалобы и наказывало за недоноительство. Так что, во-вторых, жалобы обеспечивали обратную связь с властью.

В-третьих, «жалобы трудящихся» позволяли в нужный момент использовать их в политических кампаниях, задуманных властями в качестве повода для репрессий.

В связи с этим интересна история с письмами Л. Тимашук, где она жаловалась на профессоров-врачей, которые, как она считала, поставили неверный диагноз А. Жданову. Первое письмо датировано 1948 г. и адресовано начальнику Главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанту Н. Власику. С Тимашук провели по этому поводу нравоучительную беседу, а вскоре понизили в должности. Тогда она написала второе письмо – секретарю ЦК ВКП(б) А. Кузнецову, курировавшему деятельность МГБ. Ей не ответили. Третье письмо она снова адресовала А. Кузнецову. И опять никакой реакции не последовало. Не пришло еще время. Хотя намек на умышленно неправильно поставленный диагноз звучит вполне однозначно: «...еще на ЭКГ... были указания на инфаркт миокарда. Совершенно непонятно, почему эти данные не были учтены консультантами...». Весьма странно, что начальник Лечуправ профессор Егоров настаивал на том, чтобы я в заключении не записала ясный для меня диагноз...»^[348]. Четыре года письма Тимашук пролежали в архиве, а в 1953 г. послужили поводом для начала «дела врачей». Количество жалоб во время политических кампаний значительно увеличивалось, поскольку шанс добиться желаемого результата повышался. Кроме того, это позволяло людям выплеснуть накопившееся недовольство. Интересны данные, приведенные в одном из отчетов Кунгурского горкома партии за 11 апреля 1953 г. (период проведения политической кампании «дело врачей»): «Количество жалоб... значительно увеличилось... За три месяца 1952 – 76 жалоб, за три месяца 1953 – 103. Изменился и характер жалоб... Если раньше больше было по квартирным вопросам, то теперь больше сигнализируют о беспорядках на предприятиях и учреждениях»^[349].

Следует отметить, что массовые репрессивные кампании довоенных лет порой обходились без использования жалоб, следствие опиралось на признание арестованных^[350]. При этом публичная составляющая сводилась до минимума, а иницировались они не газетными публикациями, а секретными приказами.

В-четвертых, в сталинскую эпоху письма в различные инстанции становились важнейшей формой идентификации с властью. Традиционные ценности постепенно отмирали, общество рвало социальные связи, и одинокий человек искал прибежище у власти, которая была единственным гарантом стабильности в меняющемся мире, воплощением порядка и безопасности, источником всяческих благ. Особую роль здесь, конечно, играли жалобы самому И. Сталину. Е. Зубкова пишет: «Письма вождям – это еще и последняя попытка вырваться из заколдованного круга повседневности... Некоторые сразу апеллировали к верховной власти, заранее убежденные, что на местах они не найдут понимания»^[351].

Письма послевоенных лет демонстрировали очень высокое доверие обкому партии (хотя доверие Сталину, конечно, еще выше). Например, верующие села Лобаново Молотовской области писали, требуя защиты конституционной свободы вероисповедания, в обком партии «товарищу главному коммунисту», а в конце письма угрожали, мол:

«Будем писать Сталину, а то и сами поедem. Понятно, что это местные заправила хозяйничают»^[352].

Жалобы имели разную форму: могли быть устными и письменными, очными и заочными, с подписью и анонимными, индивидуальными и коллективными. Партийные и государственные инстанции обязаны были реагировать на каждую «жалобу» или «критическое замечание». На предприятиях и в учреждениях существовали специальные журналы, где жалобы учитывались, а факты подлежали расследованию в четко установленные сроки.

Если речь шла о членах ВКП(б), то такого рода «письма и жалобы» рассматривались на партийных собраниях, виноватым выносили партийные взыскания, намечался план исправления недостатков. Вне зависимости от того, подтверждались факты или нет, заявитель имел право на ответ. Он давался инстанцией, которой касалась жалоба, и имел формальное содержание. В частности, в нем сообщалось, подтвердились ли факты, изложенные в жалобе, затем уже речь шла о принятых мерах. Ответ мог быть письменным либо устным (в случае, если существовала возможность вызова автора в соответствующую инстанцию).

В фонде обкома содержатся письма, в том числе в ЦК ВКП(б) и лично Сталину. Сохранилось их не так много, но в те годы количество этих писем было очень велико. Секретарь Молотовского обкома ВКП(б) К. Хмелевский в своем докладе 1948 г. «О некоторых вопросах работы партийного аппарата» говорил, что ежедневную почту обкома составляют 300 писем, заявлений и жалоб^[353]. Е. Зубкова приводит данные о количестве писем за ноябрь и декабрь 1946 г., которые были зарегистрированы Министерством государственной безопасности СССР по Воронежской и Сталинградской областям:

«по Воронежской области – 4616, по Сталинградской – 3275»^[354]. Это в среднем по 75 и 53 письма в день соответственно по данным двум территориям. Конечно, количество жителей отличалось от Молотовской области, да и годы были разные, тем не менее разница 75 и 300 очень показательна. Тем более что речь идет не обо всех письмах во власть, как в Воронежской и Сталинградской областях, а о письмах исключительно в Молотовский обком партии.

Если жалоба поступала в редакцию газеты, то ее могли опубликовать под рубрикой «Письма в редакцию», в обзоре писем или отослать как неопубликованную корреспонденцию для принятия мер и ответа в инстанцию, упомянутую в жалобе. В любом случае организация, которая подвергалась «критике трудящихся», должна была отреагировать. Правильное отношение к письмам в различные организации было сформулировано на пленуме Ильинского райкома Молотовской области: «Письмо, поступившее в газету или учреждение, уже не является частным письмом. Это документ, который должен находиться под контролем ответственных руководителей, которые должны изучать характер писем, делать из них соответствующие выводы, принимать

меры»^[355]. Каждая местная парторганизация отчитывалась о работе по проверке жалоб и заявлений трудящихся в виде справки или информации^[356]. Редакции газеты вменялось в обязанность проследить за скорейшим исправлением отмеченных недостатков или наказанием виновных. В течение двух-трех месяцев в газете появлялся отчет редакции в рубрике «По следам наших выступлений».

Распространение доносительства в обществе должно было создавать атмосферу всеобщего недоверия. Сталинская система заставляла почувствовать личное одиночество более остро, но в то же время давала возможность приобщиться к великой цели, идти за сильным и мудрым вождем. В этом проявляется один из механизмов «бегства от свободы», описанных Э. Фроммом, «который состоит в тенденции отказаться от независимости своей личности, слить свое “я” с кем-нибудь или чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую самому индивиду»^[357].

4.2. Политизация частной жизни и советский государственный патернализм

Забота государства о гражданах была заложена в самой советской идеологии.

И. Михайловская отмечает: «Коммунистическая идеология рассматривала отношения между гражданином и государством сквозь призму понятий “забота” (со стороны государства) и “долг” (применительно к поведению граждан)»^[358]. Это замечание соблазнительно рассмотреть как одно из многочисленных свидетельств существования в советском обществе такой формы социальных отношений, как патернализм, трактуя последнее понятие как простое подчинение. Действительно, многие авторы пишут о патерналистском характере власти в СССР^[359]. Так, например, О. Лейбович и Н. Шушкова понятие «патернализм» связывают с заботой государства: «...под патернализмом в нашей статье понимается стиль управления, при котором права гражданина отчуждаются в пользу властителя, обязанного взамен заботиться о благе и воспитании подданных»^[360]. Другой автор, Н. Поляковская, отмечает, что патернализм в СССР стал концептом идеологии, он «как форма “опеки” к подвластному населению стал неременным условием тотального контроля»^[361]. Она же пишет о преемственной связи советского патернализма с царской Россией, а также о том, что государство по конституции «полностью принимало на себя заботу о материальном благополучии трудящихся, но взамен забирало у них личную свободу»^[362].

Начнем с определения термина «патернализм». «Режим патернализма в политологии характеризуется “отеческой” опекой государства над своими подданными по образцу строения отношения внутри патриархальной фамилии (семьи)»^[363]. Патернализм был принципом социальной организации традиционного общества. Он предполагал квазисемейный принцип взаимоотношений, при котором государство выступает в качестве «патера», отца, регулирующего жизнь своих подданных. Очевидно, что при этом патерналистские отношения выстраиваются в вертикальную, пирамидообразную структуру, где каждый уровень выступает в качестве «патера» по отношению к нижестоящим и в качестве подданного по отношению к находящимся выше. В советской действительности это воплощалось двояко: в формальных структурах государственного и партийного управления, во взаимоотношениях между работником на предприятии и его руководителем, в цепочке пионерия – комсомол – партия и т. д., а также в практике создания «феодалных вотчин», в которых статус и власть организации «были неотделимы от статуса и власти возглавлявшего [ее] человека»^[364]. «Начальники... выступали в роли патронов для целой свиты политических клиентов, подчиненных и помощников, от которых они требовали верности в обмен на предоставляемое покровительство. Окруженный своим “семейством”, местный босс мог надеяться свести к минимуму противодействие или критику своего управления»^[365]. Как и во всех других вариантах патернализма, советскому патернализму было свойственно восприятие

отношений между старшими и младшими как неравноправных, не ограниченных во времени и пространстве, основанных на эмоциях и солидарности, обладающих самооценностью. «В противоположность патернализму демократическое правовое государство предполагает его договорные отношения с гражданским обществом»^[366]. Договорные отношения ограничены временем и пространством, основаны на признании обеих сторон равными объектами права, на прагматизме и рациональности (последнее – категория во многом экономическая^[367]).

Помимо регуляции, другой важной стороной патернализма является забота о нижестоящих, об их материальном благосостоянии. По мнению М. Козлова, в основе любого патернализма лежат представления о социальной справедливости. О происхождении советского патернализма он писал: «Являясь важнейшей стороной традиционной российской державности, советский патернализм произрастал от многовекового корня – русской общины»^[368]. Нет необходимости доказывать, что справедливость, противопоставленная конкуренции и договору, являлась одной из главных ценностей мира общины. И эта сторона патернализма тоже хорошо просматривается в советское время. Е. Богданова так определяет основные особенности советской государственной заботы: «Советская “забота” тотальна в том смысле, что императив советской “заботы” конструируется в идеологии как “всеобъемлющей”, “всепроникающей”, “непрерывной”. Согласно идеологическому дискурсу забота “неотступна”, “постоянна”, “вечна”. Таким образом, создается впечатление того, что о каждой сфере жизнедеятельности, о каждой социальной группе, даже о каждом отдельном индивиде постоянно заботились»^[369]. Эта забота исчисляется в рублях, метрах жилплощади, штуках ботинок и отрезках ткани. Вот один пример. На заседании бюро Молотовского обкома ВКП(б) в 1951 г. руководителей объединения «Молотовнефть» критиковали за плохие жилищно-бытовые условия рабочих:

«...в общежитиях скученность, грязь, часть рабочих спит на полу, женщины и мужчины проживают совместно (помещение красного уголка). Постельными принадлежностями обеспечены только 50 % рабочих, смена белья производится нерегулярно. Кипятильников, бачков для воды и другого бытового оборудования нет. На участке нет сушилки, бани и пункта медицинской помощи»^[370].

И еще пример. Мало того, что государственное предприятие должно было предоставить жилье своим работникам (с этой задачей в послевоенные годы оно справлялось довольно слабо, селило несколько семей в одну квартиру, предоставляло непригодные для жизни помещения), оно должно было позаботиться о его ремонте. И как часто бывает, подопечные настолько привыкают к такого рода заботе, что теряют навыки самостоятельности даже в элементарных вопросах:

«Администрация лесопункта из-за недостатка рабочих просит промпереселенцев производить мелкий ремонт в своих квартирах своими силами за особую плату согласно расценок и представляет материалы необходимые для производства ремонта, однако отдельные товарищи упорно сопротивляются и не хотят пойти на встречу администрации, мотивируя, что они должны получить все готовое и больше ничего не хотят знать»^[371].

Не только само жилье, но и адресная помощь нуждающимся семьям была в сфере государственной заботы. Избирательные кампании послевоенных лет демонстрируют пример такой заботы, когда агитаторы, действующие от имени государства, помогали нуждающимся избирателям по хозяйству. Все эти примеры показывают, что советский патернализм во многом был похож на патернализм традиционный даже в мелочах.

Наконец, третья сущностная черта патернализма – забота о нравственности. Как семейные отношения не могут избежать воспитания старшими членами семьи младших (вспомним «Домострой»), так любая историческая форма политического патернализма в той или иной степени всегда включает доктрину воспитания молодежи. В царской России это реализовывалось через церковь и различные попечительские общества. В СССР главным воспитателем должны были стать партия и комсомол. В документах

послевоенных лет часто встречается такая формулировка: «усилить воспитательную работу среди трудящихся»^[372]. Сталин в своих речах тоже часто прямо говорил о необходимости учить и воспитывать кадры. Казалось бы, все вышеприведенные примеры прямо свидетельствуют о бытовании в советском государстве и обществе классического патернализма. Однако мы можем увидеть в исторических документах послевоенной поры и иной пласт, свидетельствующий о существенной советской специфике патерналистских практик. Для понимания этого необходим еще один экскурс в социальные теории.

Уже в XIX в. в социальных науках появляется понимание смены одного типа общества, господствовавшего на протяжении сто летий, другим, принципиально новым. Это нашло отражение как в классическом марксизме (имеется в виду смена феодальной формации капиталистической), так и в различных социологических теориях – А. Сен-Симона (смена военного общества промышленным), Ф. Тённиса (смена естественной общины – «гемайншафта» рациональным обществом – «гезельшафтом»), М. Вебера (смена традиционного типа власти рациональным). Позднее это отлилось в основную формулу теории модернизации о смене традиционного типа общества на индустриальный, или современный. Однако сам исторический процесс смены типов общества всегда проходит драматически. Как писал О. Лейбович, «переход к современному обществу чреват социальными катаклизмами и катастрофами»^[373].

Эволюция систем управления от патернализма к рационально-договорному типу является частным случаем этого глобального процесса. В рамках микрофизической теории власти М. Фуко этот процесс назван нормализацией общества, в ходе которой власть через дисциплинарные институты (тюрьму, школу, армию, мануфактуру, церковь) и дискурсивные практики (в первую очередь исповедь, а затем рефлексию) постепенно приучает человека самостоятельно контролировать собственное поведение и заботиться о себе^[374], превращая внешнего надзирателя в надзирателя внутреннего. Аналогично процесс становления европейского индивидуализма описывают и другие авторы, например А. Филиппов, связывая переход от замкнутой патриархальной семьи к патерналистскому государству, а затем и к индивидуальному рационализму с понятием полицейского государства. На сегодняшний день забота государства о своих гражданах зачастую ассоциируется с понятием «социальное государство», однако, как пишет А. Филиппов, изначально необходимость заботиться о здоровье, нравственности и благополучии граждан входит в понятие «полицейское государство»^[375]. Ссылаясь на исследование М. Раева, ученый утверждает, что в XVIII в. полиция и полицейское государство воспринимались не как инструменты подавления, а как инструменты наведения порядка и воспитания: «Полицейское государство как идея организации деятельности людей ради общего блага находится в сложной связи с прошлым и будущим. Так или иначе, она сопрягается с заботой о физическом и нравственном здоровье, с противодействием разного рода порче и со своеобразным преломлением старого принципа справедливого и правильного порядка, при котором все находится на своем месте»^[376]. Приятие порядка как внутреннего императива поведения и должно знаменовать завершение перехода к современному типу регуляции поведения.

Однако вряд ли можно теорией М. Фуко описать и советский путь становления общества современного типа. ВКП(б), являясь, безусловно, агентом модернизации, изобрела собственный путь «нормализации» общества, в соответствии с конкретными обстоятельствами и идейными установками.

Разрушение традиционного уклада жизни в России, как и в любой другой стране периода модернизации, сопровождалось ростом социальных девиаций. Община, сословия, полицейское (в значении XVIII в.) государство как механизмы регуляции отношений оказались разрушенными уже в 1920-е годы. Не будем забывать, что за первую половину XX в. в России случились три больших демографических катастрофы: в результате Первой мировой и Гражданской войны, голода и репрессий, а также Второй мировой войны. Что привело к уничтожению традиционных норм морали^[377].

Разрушенный порядок порождал проблемы, которые невозможно было решить с помощью гражданского и уголовного кодекса. Н. Лебина и А. Чистиков пишут, что в 1920-х годах произошел психологический сдвиг, связанный с путаницей дозволенного и недозволенного. Они цитируют выступление профессора Л. Оршанского в 1924 г. на ленинградском съезде по педологии: «...преступность развилась по всем общественным классам; преступники теперь не изолированы от прочей общественной среды той своеобразной изоляционной камерой, которая создавалась в прежнее время вокруг каждого преступника»^[378]. Государство не могло мириться с тем, что общество живет по криминальным законам, но и другие моральные нормы уже или еще не работали. Поэтому советская забота о добродетельности реализуется иными способами, отличными от классического патернализма. Можно выделить как минимум три существенных отличия реализации заботы советского государства о человеке от классического политического патернализма. Если последний стремился нести добродетель в общество через внешние институты, например церковь и благотворительные организации, то советский патернализм, помимо государственной опеки, подразумевал активную работу самого человека и его ближайшего окружения – воспитание и контроль через коллектив. Далее, классический патернализм имеет дело с пассивным объектом воспитания и опеки – общество понимается как младший член квазисемейного симбиоза с надзирающим государством, и оно должно внимать наставлениям сверху. В рамках советского патернализма общество должно выступать в качестве активного собеседника, хотя и по заданному сценарию. Наконец, в рамках классического патернализма традиционная община признается носителем той самой добродетели, которую надо воспитывать, а все усилия направлены на борьбу с внешними вредными влияниями, недаром в царской России крестьянская община жила по собственным законам, которые государство признавало преимущественно добродетельными. Советские практики заботы оказались совсем иными. Они строились на идеологической предпосылке об изначальной отсталости народной массы, которую нужно преодолеть, и коллективное воспитание могло проходить только под руководством внешнего наставника – партии, комсомола и т. д. Поэтому каждая кампания сначала предполагала подготовку специального актива, коллективного агента, который должен был донести мысли до масс, а затем групповые действия, в рамках которых сами граждане должны были демонстрировать активность в виде самокритики и критики, а также другие приобретенные знания.

Это обусловило то, что патерналистская политика сочеталась с коллективным воспитанием, которое должно было утвердить новую советскую мораль, как об этом пишет О. Хархордин^[379]. Он считает, что в советском обществе во главу угла была поставлена не внутренняя ответственность, а коллективное обличение, где место исповеди как инструмента воспитания «внутреннего надзирателя» занимает коллективная критика и самокритика. Государство стремилось к тому, чтобы каждый гражданин был «сознательным», запускало механизмы общественной саморегуляции в духе советской морали, закрепляя за партией и комсомолом роль агентов влияния, воспитателей и надсмотрщиков.

Рассмотрим несколько примеров реализации практик советского патернализма. Как и положено в рамках патерналистских моделей управления, публичное пространство и частная жизнь не были разделены в сталинскую эпоху. Семейная жизнь выносилась на всеобщее обсуждение, а публичное пространство приватизировалось и становилось ареной для семейных сцен. И этот процесс был двухсторонним: с одной стороны, власть включала отношения мужчины и женщины в политическую сферу, с другой стороны, люди сами обращались к власти, раскрывая подробности своей частной жизни. В газете «Звезда» от 11 февраля 1953 г. под рубрикой «Партийная жизнь» была опубликована статья «Быт – не частное дело коммуниста». В ней имелось такое рассуждение: «...Беспринципное поведение парторганизаций иногда создает неправильное мнение коммунистов и беспартийных, что поведение в быту, в семье – это личное дело, что в него не могут вмешиваться общественные организации... Не только партийные, но и

профсоюзные и комсомольские организации должны использовать все меры воспитательного и общественного воздействия, чтобы ни один аморальный поступок не оставался без осуждения общественностью, чтобы каждый советский человек чувствовал и видел, что за свое поведение он отвечает перед товарищами, перед коллективом»^[380].

И действительно, люди апеллировали к коллективу, решая свои частные проблемы. В письмах к власти мы видим примеры, когда женщины обращались во властные инстанции, чтобы наладить отношения с мужем или, например, приструнить ревнивую жену сослуживца. Публично (с обращением к секретарю райкома, а потом и лично к секретарю Молотовского обкома) боролись друг с другом помощница секретаря Нытвенского райкома ВКП(б) и ревнивая жена заведующего учетом райкома. Первая писала, обращаясь к секретарю Молотовского обкома Ф. Прассу:

«Вот уже около 3-х лет его жена, Д-ва, меня ревнует к нему. Об этом знает весь аппарат райкома. Дело дошло до того, если тов. Д-ев работает вечером в райкоме, так мне надо уходить из райкома... Больше того мне нельзя заходить к нему в кабинет. Был такой случай: жена Д-ва пришла к нам в райком (она в райком ходит каждый день), он зачем-то был у меня в кабинете, так на весь райком был поднят шум. При беседе с секретарем тов. Казаковой, Д-ва заявила, если вы П-ову не накажете, так я сама с ней рассчитаюсь... Филипп Михайлович, прошу Вас как-то мне помочь в этом, у меня нет больше никаких сил терпения, да и обидно, когда ругают, а ты ни в чем не виноват. И при такой обстановке работать невозможно»^[381].

Документ хранится вместе с отчетом о мерах, которые были приняты в ответ на данную жалобу. Разумеется, обком ВКП(б) вмешался и отправил в область инструктора особого сектора обкома партии, который провел собственное расследование и личную беседу со всеми действующими лицами. В результате выяснения обстоятельств дела он установил, что конфликт между женщинами продолжался около трех лет,

«возник на почве сплетни переданной членом партии – уборщицей райкома... жене Д-ва о том, что ее муж ухаживает за П-овой, вызывает ее в райком, угощает пряниками и апельсинами, привез П-овой дрова и запряг лошадь для поездки П-овой в больницу и это служило поводом для ревности и конфликтов доходящих до оскорблений на улице»^[382].

В этот конфликт уже не раз вмешивались местные партийные руководители (вызывали всех троих и беседовали с ними), вопрос публично разбирался на партсобрании. В конце концов ревнивая жена пообещала, что «отношение к мужу изменит и преследование... прекратит». Причем на результирующей беседе, которую проводил инструктор особого сектора обкома партии, присутствие вали все заинтересованные стороны (в том числе уборщица райкома, которая извещала ревнивую жену о всех действиях ее мужа) и местный секретарь райкома. В этом примере мы видим все отличительные особенности советской патерналистской модели заботы: вынесение проблемы на коллективное обсуждение, наличие руководящей роли партийной организации (активного агента), борьбу с отсталостью (ревность), требование активного участия всех заинтересованных сторон в обсуждении конфликта.

Моральная сторона отношений в семье также находилась в сфере интересов государства. Если сын-коммунист не заботился о престарелом отце-инвалиде, его поведение становилось предметом публичного обсуждения и подлежало наказанию^[383]. Если муж изменял жене или даже уходил из семьи, его следовало либо строго наказать, либо вернуть жене. Показательна длинная и запутанная история одного члена партии, директора маслозавода, который трижды женился (не оформляя разводов), имел в каждой семье детей, но был изобличен. Однако наказания по партийной линии он мог полностью избежать, если возвращался к своей первой жене, а второй платил алименты на двоих детей:

«Будучи на бюро обкома КПСС, 20 января 1953 года П-ов просил отложить рассмотрение вопроса о его партийности, заверил членов бюро что он имеет

договоренность с первой женой о совместной жизни... Бюро обкома просьбу П-ва удовлетворило, дело его с обсуждения было снято. После этого П-ов выехал в Москву к первой жене. Жена П-ва 24 января 1953 года написала письмо в Молотовский обком КПСС о том, что она П-ва простила, что они решили жить вместе, просит оставить его в партии и разрешить ему выехать из Куединского района».

Но потом первая жена узнала о еще двух женах и троих детях своего мужа и написала в партком другое письмо:

«19 февраля 1953 года жена П-ва прислала второе письмо, в котором пишет, чтобы ее письмо от 24 января 1953 г. считать недействительным, это письмо она написала под диктовку П-ва, что он ее снова обманул, не сказал ей, что у него в Куединском районе имеются еще две жены и у обеих есть дети».

В итоге он все-таки был исключен из партии «за неискренность перед партией, укрывательство от уплаты алиментов и нарушение закона о браке»^[384]. Следует заметить, что неискренность перед партией стояла на первом месте. Тем не менее, если бы первая жена все-таки простила мужа, он избежал бы наказания – восстановить семью было очень важной заботой партии и государства.

Сама семья могла при определенных обстоятельствах стать тем самым коллективом, который должен был воспитывать отдельных членов общества под руководством партии. Партийные органы могли, например, воздействовать наказанием на отца за брачное поведение дочери:

«В феврале месяце 1950 года моя дочь 23 лет без моего и жены согласия вышла замуж за гр-на Червякова тоже 23 лет, который состоит на учете в спецкомендатуре МГБ как расконвоированный после спецпроверки по II категории без права выезда за пределы г. Губахи в течении 6 лет. За политическую близорукость бюро горкома ВКП(б) в марте месяце 1950 года наложило на меня партийное взыскание, объявило мне строгий выговор с предупреждением с занесением в учетную карточку. 27 июня 1950 года по этим же мотивам освободило меня от работы в горисполкоме, где я работал с апреля 1946 года, т. е. после демобилизации из Советской Армии в должности заместителя председателя горисполкома по местной промышленности»^[385].

Другой документ свидетельствовал о том, что девушку-комсомолку покарали за любовь к политзаключенному:

«Выход замуж члена ВЛКСМ тов. В-ной за человека, совершившего преступление перед РОДИНОЙ и еще фактически не отбывшего срок наказания, Комитетом Комсомола Управления был оценен как притупление политической бдительности, проявление идейной неустойчивости со стороны комсомолки В-ной, а следовательно как нарушение Устава ВЛКСМ»^[386].

Поведение комсомолки обсуждали на собрании, цель которого была не только в том, чтобы вернуть ее на правильную дорогу, но и в том, чтобы оказать воспитательное воздействие на других комсомольцев:

«...осуждение поступков членов ВЛКСМ подобных поступку т. В-ной способствует воспитанию у комсомольцев высокой идейности, бдительности и большевистской принципиальности».

Е. Зубкова описывает случай, который показывает переплетение интимного и политического на высшем уровне:

«28 октября 1949 г. на личный прием к Н. М. Швернику пришла супружеская пара. Он – на костылях, инвалид войны, совсем еще молодой человек, 25 лет. Жена – еще моложе. Пришли они в Приемную с просьбой, может быть, не совсем обычной. Молодая женщина была беременна и хотела сделать аборт, но на это требовалось специальное разрешение. Советским законодательством аборт были запрещены, разрешались лишь в исключительных случаях – “по медицинским показаниям”^[387].... Дело в том, что молодые супруги были женаты три года, но до сих пор не имели возможности жить вместе. Он ночевал в общежитии при фабрике им. Воровского, где работал, она жила

вместе с мачехой и ее замужними дочерьми в 18-метровой комнате. Днем мачеха сидела с их полуторогодовалым сыном, за что молодая женщина платила ей 200 руб. в месяц из своего 500-рублевого заработка. Однако оставлять ребенка на ночь мачеха не позволяла... его приходилось носить к отцу в общежитие... Перспектив на получение жилья у молодой семьи не было никаких. А тут еще вторая беременность. Сначала они обратились в райисполком, где стояли в очереди на комнату, но получили отказ. И тогда пошли в Приемную Президиума Верховного Совета... их приняли, поговорили, уже через несколько дней было готово заключение комиссии, которая обследовала жилищные условия этой семьи... Молодой женщине разрешили, "в порядке исключения", сделать аборт. По "личному указанию товарища Шверника Н. М."»^[388]. Данный пример демонстрирует, что государство вмешивалось в вопрос о деторождении, а граждане, действуя в рамках закона, обращались к высшему лицу в государстве, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, ожидая от него либо разрешения на аборт, либо помощи в получении жилплощади.

Таким образом, специфический советский патернализм оказался не просто еще одной разновидностью системы управления «недомодернизированного» общества, но системой активной трансформации социальных отношений, простирающейся до таких сфер жизни, которые не были доступны ни одному надзирателю и попечителю прошлого. Этическая сторона отношений родителей и детей, мужа и жены, любовников и друзей оказывалась под патерналистской опекой государства. И граждане не только принимали эту заботу как должное, но и обращались к государству за помощью, когда семья оказывалась под угрозой распада, дети материально не помогали родителям или случались проблемы с жильем.

4.3. советские идеологические мифы и тоталитарное сознание

Власть стремилась заполнить собой все общество. Поэтому человек, не способный жить вне социальных связей, нуждающийся в самореализации, искал все это у власти, стремился отождествить себя с ней^[389]. Складывалась система, в которой все обитатели страны превращаются в детей, послушных воле грозного и беспощадного Отца. Одним из официальных титулов Сталина становится: Отец народов^[390]. Его любили, им восхищались, ему поклонялись как божеству. Зачастую именно Сталину писали о наболевшем, просили о справедливости. В сталинскую эпоху письма в различные инстанции стали важнейшей формой идентификации с властью.

В ситуации, когда разрушены традиционные социальные отношения, а привычные символы утратили свое значение, происходил возврат в прошлое, возрождались архаичные модели поведения и мышления. Традиционная картина мира уступала место мифологической, чувственной, таинственной и глубоко символической. В тоталитарном сознании складывалась система мифов, иррациональных объяснений мира и человека. Она позволяла человеку жить в выдуманном мире и отрицать реальность. «Именно в этом мире благодаря одному только воображению лишенные корней массы могли чувствовать себя как дома и избавиться от нескончаемых шоковых ситуаций, которые реальная жизнь и реальный опыт опрокидывают на человеческие существа и их надежды»^[391]. Невзирая на все трудности повседневной жизни, советский человек видел только то, что показывала ему пропаганда. Октябрьская революция казалась величайшим событием в истории всего человечества, началом нового мира. СССР казался оплотом добра и справедливости. Появлялось осознание своей причастности к великой идее коммунизма. Многие были счастливы, что родились в самой прогрессивной стране планеты.

Немецкий журналист К. Менерт писал об СССР 1932 г.: «Новый миф родился в России, миф творения мира человеком. В начале был хаос, капитализм... Потом пришел Маркс,

Ленин и красный Октябрь. Хаос был преодолен в ходе ожесточенной борьбы, которую вел, ценой неисчислимых жертв, избранный русский пролетариат против внутренних и внешних врагов. Теперь Сталин создает в ходе пятилетнего плана порядок, гармонию и всеобщую справедливость, в то время как остальные 5/6 земного шара наказаны за сопротивление коммунистическим медикаментам эпидемией мирового кризиса и бичом безработицы. Народы не познают ни мира, ни счастья до тех пор, пока и у них не засверкают серп и молот... Это простой и ясный миф. В нашу эпоху, лишенную веры, жаждущую абсолютных истин, он влечет за собой»^[392]. Существовал миф о творении нового мира, который породил соответствующую этику, этику борьбы с враждебным окружающим миром для его же блага^[393].

Таким образом, советский человек рождался, жил и умирал в мифе, созданном коммунистической идеологией, которая давала ответы на все вопросы и служила путеводной нитью.

В тоталитарном государстве люди неосознанно подводили свои нравственные оценки под диктуемые властью ориентиры.

Так что мнения людей становились переменчивыми и зависели от пропагандируемых идей.

Тем не менее первостепенная задача власти – поставить все население во всех его жизненных проявлениях под всеобъемлющий контроль – не была достигнута. Красной нитью через социальную историю сталинской эпохи проходила малозаметная, большей частью неосознанная, но все обостряющаяся борьба тоталитарного режима, олицетворяемого вождем, с тенденциями к социальному самоопределению в масштабах семьи, деревни, колхоза, промышленного предприятия, государственного учреждения, религиозного прихода, дружеской компании. В эту борьбу, волей или неволей, были вовлечены все слои населения. Борьба шла с переменным успехом. По мере стабилизации социальной жизни очаги сопротивления тоталитаризму крепились. Для их разрушения власть была вынуждена прибегать к исключительным средствам, разворачивать очередную масштабную политическую кампанию, в которой для мобилизации населения использовались методы, апробированные в годы Гражданской войны.

4.4. типология политических кампаний: их этапы и функции

Можно выделить несколько основных типов сталинских политических кампаний в зависимости от провозглашаемых целей. Во-первых, кампании, мобилизующие население на «строительство социализма». Например, стахановское движение, стройки социализма или избирательные кампании.

Другие кампании должны были организовывать массы на борьбу с врагом. Они всегда носили террористический, репрессивный характер. Их основной задачей было возложение на определенную группу населения ответственности за экономические и политические просчеты власти и укрепление тоталитарного режима. В этом смысле интересна передовая статья в газете «Правда» от 10 марта 1928 г. о «Шахтинском деле», в которой проблемы советской индустриализации приписывались новым врагам народа: «Разрабатывались убыточные шахты, с плохим углем, который был явно негоден и при употреблении портил паровозы... В целях срыва промышленности... проводилась в жизнь система вредительства именно под видом рационализации производства. Закупалось за границей ненужное оборудование... Заговорщики стремились всеми мерами к ухудшению положения рабочего на шахте. Жилища не ремонтировались... "Неудобных" рабочих увольняли»^[394].

К этому типу политических кампаний относится борьба с кулаками в период коллективизации, процесс над буржуазной интеллигенцией, уничтожение контрреволюционных уклонистов, борьба с космополитизмом, «дело врачей».

Все политические кампании разворачивались по единой схеме. Можно выделить и в мобилизационных, и в репрессивных кампаниях одинаковые этапы: 1) идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу; 2) организационный этап; 3) мобилизация масс; 4) реализация целей и задач кампании; 5) отчет об успехах.

Каждый этап имел определенные задачи. Первый этап, во-первых, был знаком начала кампании, во-вторых, объявлял цели, в-третьих, формулировал дискурс кампании. Он начинался директивной статьей в центральной печати и сообщением по радио. В зависимости от вида кампании давалась информация о раскрытии антигосударственного преступления или публиковался указ Президиума Верховного Совета о проведении выборов в соответствующие Советы, формулировались цели кампании, указывалось, что и как должно разоблачаться или где следует искать врагов. «Дело врачей», например, официально началось статьей в «Правде» под названием «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», в которой была дана установка населению на дальнейшее разоблачение неблагонадежных сограждан: «Еще сохранились... носители буржуазных взглядов и буржуазной морали – **живые люди** (выделено в источнике. – А. К.), скрытые враги нашего народа. Именно эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, будут вредить и впредь.... Советские люди ни на минуту не должны забывать о необходимости всемерно повышать свою бдительность...»^[395].

Можно согласиться с мнением В. Подороги, что «Сталин – это человек письма». Коммуникативную стратегию сталинского режима он описывает следующим образом: режим «признает власть в качестве некоего святого текста, который записан до всякой произнесенной о власти речи, своего рода прототекст власти, окутанный мифическим таинством и первопосвящением. Отбор и формирование массы идет через процедуры правильного чтения текстов власти, но в силу того, что осуществить это правильное чтение невозможно, всякий, кто пытается правильно читать, подвергается опасности быть обвиненным в искажении "буквы" и "духа" текста. Не то сказал, там сболтнул лишнего, тут оговорился, там совершил языковую ошибку и т. п. – вся эта совокупность "легкой" социальной патологии, все эти афазии, апраксии, агнозии не признавались в сталинской машине террора за нечто "случайное", а толковались как подлинные знаки-следы политического бессознательного, как очевидное проявление потенциальной вины каждого человека перед властью... Речевая практика исчезает как носитель коммуникативных свойств... Чем более ужесточаются правила чтения текста, тем меньше возможностей осуществить сам акт чтения, который постепенно сменяется умилением перед святым шрифтом и ликом вождя»^[396].

Газетные публикации были составлены с учетом психологии масс. Французский социолог конца XIX в. Г. Лебон писал, что толпа мыслит образами, а сам образ немедленно вызывает в памяти серию других образов, которые с первым не имеют никакой связи. Люди не в состоянии отличить субъективное от объективного. Кроме того, толпе присущ дух разрушения. Используя образность мышления и организуя соответствующие массовые мероприятия, можно заставить «нормальных людей» совершать поступки, достойные дикарей^[397]. Передовые статьи, начинающие кампанию, были написаны простым, образным языком, изобиловали сравнениями и эпитетами. Патетичность и эмоциональная насыщенность стиля апеллировали к уже сложившимся чувствам. Читая их, люди должны были испытывать праведный гнев и ненависть к обозначенному врагу. Разумеется, эти статьи сразу перепечатывала местная пресса.

Второй (организационный) этап кампании должен был институализировать ее. За директивной статьей следовал цикл публикаций в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде» и других печатных изданиях, содержащих дополнительную информацию о новом враге и призывающих усилить бдительность. Двенадцать статей

из центральной печати, касающихся «дела врачей», выборочно присутствовали в местной молотовской прессе начала 1953 г.

Следует отметить пять из них, которые перепечатывались чаще других и являлись основой кампании: «Хроника ТАСС» и статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» от 13 января; «Всемерно повышать бдительность на каждом участке работы!»; «Против благодушия и беспечности» и, наконец, «Сообщение о прекращении дела врачей». Молотовские областные газеты перепечатывали передовые статьи центральных газет вовремя, на следующий день после их выхода в свет. Соответствующие характеру кампании местные материалы начали публиковаться в «Звезде» с 16 января, когда вышел на страницах газеты фельетон Г. Меншикова «Комбинатор из Козловки». Речь в нем шла о Моисее Соломоновиче Шейнмане, которого летом 1952 г. перевели с должности директора деревообделочного завода Козловки в город Молотов и, как было сказано в фельетоне, он «начал сколачивать кадры Молотовского домостроительного комбината... Распоря дился выдать подъемные и проездные деньги прибывшему "подкреп лению"»^[398]. Автор требовал разобраться с безобразиями. Следует отметить, партбюро реагировало весьма оперативно. Уже 5 февраля в рубрике «По следам наших выступлений» сообщается, что факты подтвердились, а Шейнману был объявлен строгий выговор с предупреждением. Статьи о семейственности, зажиме критики, притупившейся бдительности, подборе кадров и попустительстве руководителей разных уровней начали появляться в областных газетах с конца января практически в каждом номере.

Раз за разом пресса воспроизводила одни и те же формулировки, снабжая текст дополнительными примерами; заложенный с самого начала дискурс закреплялся. Многократные, однообразные повторения давали возможность запрограммировать поведение людей и заставить их действовать не задумываясь.

Как полагается вести себя во время кампании, советские люди хорошо понимали. Достаточно было послушать сообщения по радио и прочесть газеты. До статьи в «Правде» никто и не подозревал о врачах-отравителях, а в ней уже сообщают, что «советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев»^[399]. Призыв к бдительности и борьбе с ротозейством, напоминание о злом буржуазном окружении, готовом завербовать каждого политически неблагонадежного, — все это заставляло искать врагов вокруг себя. В результате сами трудящиеся предлагали перенести «дело врачей» на местную почву да еще и расширить круг подозреваемых. Темы для бесед, посвященных сообщению ТАСС о профессорах-убийцах, также были предопределены передовой статьей. Говорили о преступлении кремлевских врачей и требовали для них жесточайшего приговора. Каждый придумывал наказание в соответствии со своей фантазией. «Предать смерти этих скверных и подлых убийц»^[400] — это одно из самых умеренных предложений. Были и другие: «требуем высшей меры наказания — смертной казни через повешение»^[401], «их нужно умертвить ими же придуманными средствами, т. е. путем губительного лечения, да так, чтоб они мучились как можно долъ ше»^[402], «необходимо уничтожить как бешеных собак»^[403]. Неко то рые утверждали, что согласились бы уничтожить врагов собственными руками: «Мне всего 19 лет, но так велико мое возмущение, что если б мне поручили убить этих зверей в человеческом платье, то я могла бы это сделать, и у меня не дрогнул бы ни один мускул»^[404].

Еще одной темой, продиктованной передовой статьей «Правды», было выражение негодования по поводу происков капиталистического окружения.

«...Мы никогда не отдадим никому своих завоеваний. И впредь мы должны удвоить, утроить свою бдительность, не забывая о капиталистическом окружении»^[405], — заявлял на беседе агитаторов машинист паровоза в железнодорожном цехе Лысьвенского металлургического завода.

Разговор об усилении бдительности на собственном предприятии и жалобы на нерадивых специалистов – следующая тема для обсуждения на любом митинге. Обычно говорили о наблевшем. Рабочие Чусовского металлургического завода, например, обсуждали проблему плохой борьбы с хулиганством, «расценивая деятельность хулиганов, как проявление вражеской деятельности»^[406].

Но в первую очередь вспоминали о недостатках в области медицинского обслуживания.

«Очень много случаев желудочно-кишечных заболеваний... В больнице № 1 восемь детей при переливании крови были заражены малярией...»^[407]

Факты грубости медработников и халатного отношения к больным действительно имели место. Так было всегда, однако в 1953 г. на собраниях по поводу ареста кремлевских врачей многие поддержали призыв бригадира одного из цехов молотовского завода им. Сталина:

«...врагов надо уничтожить, а медиков надо встряхнуть»^[408].

Высказывали предположения типа «Необходимо разобраться с ростом заболеваний раком, дизентерией в гор. Молотове, – нет ли связи этой шайки бандитов с нашим городом...»^[409]. Таким образом, врачей-вредителей начали искать на местах.

Организаторы кампании распространяли через средства массовой информации целостные эталонные взгляды, действуя организованно, методически, по плану. Они назначали смысл употребляемым словам, устанавливали порядок их сочетаний. Стиль изложения и выбор шаблонных выражений определялись в соответствии с ситуацией. Каждое слово наполнялось магической силой. Случайная опечатка в газете, допущенная наборщиком, могла послужить причиной увольнения или даже ареста редактора по политической статье. В послевоенные годы наказания были более мягкими. Так, например, в суксунской районной газете «За коммунизм» от 26 марта 1953 г. наборщицей была допущена *грубая по литическая ошибка*: «В заголовке передовой статьи “Подбирать кадры по деловым и политическим признакам” ... в слове “деловым” первый слог не отпечатался» (получилась при чтении крамольная фраза: «Подбирать кадры *половым* и политическим признакам»). Редактор Морохина обнаружила ошибку во время печатания, но не проверила всего тиража газеты. В итоге номера с опечаткой были разосланы подписчикам. На заседании бюро Суксунского райкома редактору объявили выговор без занесения в учетную карточку, а для работников типографии предложили провести учебу^[410].

Особенно большое значение имели слова, произнесенные вождем. Поэтому директивная статья, обозначающая начало политической кампании, обязательно содержит цитату из речи Сталина. Обычно ее предваряют менторские выражения типа «так учит товарищ Сталин...» или «товарищ Сталин предупреждал...». Бесспорный авторитет слова вождя связан в первую очередь с тем, что именно он называл имя врага во время политической кампании. Он придумывал ярлыки. История сталинской эпохи может быть представлена как список слов, обозначающих врагов: «белогвардейские прихвостни», «кулаки и подкулачники», «правые и левые уклонисты», «троцкисты», «бухаринцы», «менделисты», «морганисты», «безродные космополиты». Слово может иметь изначально отрицательное значение (вредитель), положительное значение (левые), нейтральное значение (генетика) – вождь, выбирая данное слово для обозначения врага, вкладывает в него новый смысл^[411]. Это отражалось в советских словарях. В 1934 г. советский толковый словарь определял слово «космополитизм» как «признание своим отечеством всего мира»^[412]. Слово имело положительный интернациональный смысл. В 1950-е годы появилось новое определение: «Буржуазная реакционная идеология, отвергающая национальные традиции и национальный суверенитет, проповедующая отказ от патриотизма и национальной культуры под ложным лозунгом “человек гражданин мира”»^[413].

Таким образом, средства массовой информации в тоталитарном государстве моделировали, создавали реальность, могли легко поменять полюса общественного

мнения. Они являлись непререкаемым авторитетом. Усомниться в правдивости советских газет было практически невозможно.

В мобилизационных кампаниях на втором этапе шла целенаправленная подготовка актива, например агитаторов в избирательных кампаниях и отбор членов избирательных комиссий. Этот процесс тоже освещался в прессе, там перепечатывались статьи под заголовками «В помощь агитатору», «В помощь избирателю» или «Положение о выборах».

Второй этап почти сливался с третьим – мобилизацией масс. Он должен был ознакомить людей с содержанием и дискурсом кампании, организовать всеобщее одобрение, инициировать ответную активность. Повсеместно на предприятиях, в колхозах и в организациях проводились митинги, собрания и совместные читки газет. Только среди медицинских работников Прикамья по поводу начала «дела врачей» состоялось 147 митингов, в которых приняли участие 4409 человек^[414]. Это была первая организованная властными структурами ответная реакция масс. Не участвовать в кампании было практически невозможно. Власть была настойчива. Гайнский райком, например, принял на бюро от 19 января такое постановление:

«а) Необходимо партийным организациям с получением газет провести во всех коллективах рабочих, служащих и колхозников митинги, собрания, где заклеить с позором презренных шпионов, убийц и призвать советских людей к повышению революционной бдительности во всех звеньях нашей работы; б) Необходимо провести партийные и комсомольские собрания, на которых обсудить передовую статью газеты “Правда” и призвать... к повышению революционной бдительности, памятуя о том, что в районе проживает немало носителей буржуазной идеологии и морали...»^[415]. В первую очередь обсуждали информацию центральных газет. При этом полагалось высказывать суждения в соответствии с генеральной линией. Доказательную критику подменяли изобретением ярлыков и грубых эпитетов. В убедительности и доказательности не было необходимости. Никто не сомневался в правильности обвинений, возмущение чаще всего было вполне искренним. Следует отметить, что уже в первые дни кампании люди начинали искать врагов вокруг себя. На митингах каждый выступающий приводил какой-нибудь критический факт из жизни своего предприятия. Мастер Ново-Тагильского металлургического завода Свердловской области заявил на митинге: «Разоблаченная шайка шпионов врачей имеет свои щупальца и на периферии. Предлагаю проверить работу не только Министерства здравоохранения, но и других Министерств, а особенно нашего завода»^[416].

Распространялись невероятные слухи о происках иностранных шпионов. Сельский врач В. Горелик вспоминает, как в 1953 г. в первые дни политической кампании «дело врачей» о главвраче одной из украинских районных больниц ходили слухи, будто он арестован, а у него под кроватью нашли два чемодана с туберкулезными палочками^[417].

Главным способом политического воспитания считалась критика и самокритика: «Главным методом, при помощи которого мы вскрываем и преодолеваем наши ошибки, недостатки и болезни в деле дальнейшего развития и укрепления Советского государства, является самокритика и особенно критика снизу»^[418]. Ни одно собрание не обходилось без критики. Во время политических кампаний она была обязательной частью активности масс. Самокритика необходимо присутствовала в любом докладе или отчете о проделанной работе. В указании Молотовского обкома КПСС о том, какие вопросы нужно освещать в информации по проведению районных и городских партконференций, значится, помимо количественных характеристик, пункт о критике в адрес обкома партии и о недостатках в подготовке и проведении самой партконференции^[419]. Самокритики никогда не было достаточно.

Другие выступающие находили, что можно добавить. Многие понимали, что во время кампании есть риск самому попасть на скамью подсудимых, поэтому старались перевести критику на нейтральную почву или на другого человека.

Мобилизационные кампании тоже включали на этом этапе повсеместные собрания, на которых происходило выдвижение кандидатов в депутаты или брались повышенные обязательства на перевыполнение производственных планов. Самодеятельности здесь не предполагалось, имена кандидатов были заранее определены, а планы следовало перевыполнять на определенные проценты.

Следующий этап политической кампании должен был выделить конкретных врагов. Главным подспорьем в этом служили доносы (а точнее, жалобы). Выявление политически неблагонадежных элементов производилось во время кампании не только с помощью «жалоб», но и по прямому указанию партийных инстанций. Для обкома составлялись списки подлежащих пристальному надзору, увольнению или аресту. Наказанию также подлежали «начальники-покровители» неблагонадежных лиц. Им могли вынести партийное взыскание, а могли исключить из КПСС, что обычно сопровождалось арестом.

В Молотове собственное «дело врачей» было готово в конце января 1953 г. ^[420] Главными жертвами были избраны врачи Молотовской областной клинической больницы. Именно здесь кампания проявилась во всей полноте. Большинство медработников, подвергшихся разбирательству, имели еврейские фамилии. Использована обычная для данной кампании терминология, с заменителем этнонима «евреи» – словосочетанием «семейка подхалимов».

Заведующей административным отделом Молотовского обкома КПСС З. Семеновой поручили составить *«Справку о крупных недостатках в работе областной клинической больницы»*. В ней отмечалось, что были выявлены *многочисленные факты грубых врачебных ошибок, в результате чего имеются смертельные исходы*: в гинекологическом отделении во время операции оставили в брюшной полости салфетку, и больная умерла; перечислены случаи постановки неправильного диагноза в гинекологическом и терапевтическом отделениях; приведены примеры равнодушного отношения к больным. Также указано, что истории болезни ведутся небрежно, в больнице не хватает более 70 медсестер, 61 % врачей работают по совместительству, с многочисленными переработками в ущерб больным ^[421].

Главным виновником всех недостатков был объявлен главный врач областной клинической больницы Л. Кац:

«Главный врач больницы т. Кац... создал атмосферу мнимого благополучия, в силу чего врачебные ошибки... не вскрывались и не подвергались критике. Больше того, сколотив вокруг себя семейку подхалимов и угодников... Кац с их помощью глушит инициативу работников и критику его собственных недостатков» ^[422].

Затем перечисляются еврейские, за редким исключением, фамилии этой *семейки*.

Дело областной больницы обсуждалось на заседании бюро обкома КПСС 5 февраля 1953 г., а несколько позднее – на партсобраниях в первичных парторганизациях областной больницы, облздравотдела и медицинского института. Обком партии вынес постановление, которое было разослано по всем райкомам и горкомам области: «За недобросовестное отношение к порученному делу, стремление скрыть истинное положение в больнице и создать обстановку ложного благополучия, за неправильный подбор кадров... Каца Леонида Викторовича... с работы снять и исключить из членов КПСС» ^[423].

В ходе заседания бюро обкома критике подверглись и другие врачи областной больницы, одновременно преподающие в мединституте, а также директор мединститута Мамойки и заведующий облздравотделом Милосердов. Последних освободили от исполнения своих обязанностей как *не обеспечивших этот участок работы*.

Объекты критики понимали, что от них требуется покаяние, признание своих ошибок. Характер и смысл их признаний был определен заранее, оставалось лишь повторить заученное, добавляя для убедительности какие-то детали, и надеяться на более легкое наказание.

Увольнения с работы, исключения из партии и аресты были частью этого этапа кампаний по борьбе с «врагом». Террор – необходимое явление тоталитарной политики. Х. Арендт писала: «Террор – это осуществление внутреннего закона движения. Он заменяет правовые границы и каналы коммуникаций между людьми поистине стальными скрепами, которые так сильно стягивают их, что людское многообразие как бы исчезает в одном человеке гигантских размеров... Сдавливая людей общим гнетом, тоталитарный террор... вытравливает из людских сердец любовь к свободе»^[424]. Наказание не следовало за реальным преступлением. Чаще всего карали за принадлежность человека к некоторой категории, которую в данный момент власти сочли нужным уничтожить. Причем не обязательно в этой группе населения находились потенциальные противники. Террор был необходим, чтобы поддержать «подсистему страха» и не позволить восстановиться горизонтальным связям в обществе^[425].

Аресты сопровождался ростом активности прессы. Помимо средств массовой информации, в кампанию включались деятели культуры. Известные писатели публиковали статьи и литературные произведения, герои которых борются с новым врагом. Одновременно из фондов библиотек изымались книги репрессированных авторов. В этом проявлялся еще один способ нарушения межличностных контактов. Как только человек попадал в карательную машину, он и его дела должны были быть забыты.

Мобилизационные кампании на этом этапе реализовывали те же функции обеспечения работы новых институтов на свои цели.

Последний этап кампании представлял собой отчет об успехах. Он имел место не всегда. На этом этапе происходило провозглашение достижения целей кампании, указывалось на то, что враги разоблачены, планы перевыполнены, а депутаты избраны.

Для сохранения тоталитарного режима массы должны находиться в постоянном движении, поэтому, когда заканчивалась одна политическая кампания, должна была начаться другая.

Таким образом, политические кампании как основа сталинской политики давали возможность организовать активность масс в соответствии с желанием вождя: направить на борьбу с врагом и на социалистическое строительство. Они позволяли поддерживать в советском обществе атмосферу недоверия и страха, что способствовало разрушению горизонтальных межличностных контактов, контролировать людей и управлять ими и в то же время объединяли граждан и государство. Кампании были разными: интенсивными и пролонгированными. Они охватывали все общество, но в некоторых из них критике подвергались только отдельные социальные или профессиональные категории (например, кампания против художественной интеллигенции), а в других на первый взгляд узкая категория имела тенденцию ко всеобщему расширению на любые категории граждан. «Дело врачей» от евреев перенесло акцент на их начальников-покровителей, что могло привести к арестам их родственников и знакомых, т. е. затронуть любого человека.

Тоталитарный режим Сталина подменил демократическое право населения на участие в управлении государством и право на правосудие правом на донос. Проявление подлинного народовластия граждане СССР должны были видеть в массовом доносителе и жалобах на всевозможные нарушения социалистических уложений. В результате донос превратился во всеобщую традицию. Он являлся основной формой активности масс во время политических кампаний.

Успешная организация масс на борьбу с врагом была возможна потому, что человеку в тоталитарном государстве свойственно мифологическое сознание. Представления советского человека об окружающем мире не соответствовали реальности. Существовала система мифов, которые предлагали людям непротиворечивую картину мира, примеры для подражания и объясняли смысл жизни. Пресса в такой ситуации могла, опираясь на сложившуюся систему символов, не только регулировать поведение людей, но и менять

образ мыслей. Важное место в сознании человека занимал миф о враге. Используя методы пропаганды, власти могли включить в него новую группу людей, тем самым обеспечивая участие масс в новой политической кампании.

Глава 5. Участие Жителей прикамья в репрессивных идеологических кампаниях

5.1. «Ждановщина» и борьба с космополитами как часть государственной политики

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г. было началом очередной сталинской политической кампании, направленной первоначально против художественной интеллигенции. Обычно же политические кампании приобретали всеобщий характер. Недаром многие исследователи именно это постановление считали началом кампании против космополитизма (Е. Зубкова^[426], Е. Генина^[427]). Предполагалось определенное развитие кампании: публикация материалов в главных газетах страны, перепечатка их во всех местных газетах, обсуждение во всех организациях, в том числе в рабочих коллективах, поиск аналогичных случаев на местах. А затем эти случаи становились поводом для увольнений и арестов представителей разных категорий населения и в первую очередь – руководителей.

Многие исследователи называли возникшую в данном случае ситуацию «ждановщиной». Однако были и те, кто считали это не соответствующим действительности. По их мнению, идея кампании принадлежала И. Сталину, а не А. Жданову (В. Кутузов^[428], Г. Костырченко^[429], С. Куняев^[430]), хотя именно Жданов выступил в роли главного гонителя творческой интеллигенции послевоенных лет. В. Иоффе считает постановление о М. Зощенко и А. Ахматовой «кульминацией криминальной политики партийного руководства культурой в советской России»^[431]. Наиболее подробно события 1946 г. в культуре описывает А. Блюм. Он считает, что с августа 1946 г. началась «новая эпоха оледенения», власть «дала “урок” творческой интеллигенции», которая почувствовала ослабление «идеологической узды», тоталитарного контроля в годы войны^[432]. Е. Зубкова также рассматривает постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» вместе с последующими постановлениями как часть кампании, влияющей на «умонастроения интеллигенции»^[433]. Согласно А. Рубашкину, никто из великих людей искусства и культуры после серии постановлений 1946 г. «не мог чувствовать себя защищенным»^[434]. Д. Бабиченко и вслед за ним В. Кожин связывают постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» с личным соперничеством А. Жданова и Г. Маленкова, видят в нем предвестие «Ленинградского дела»^[435]. Аналогичное мнение было у В. Волкова^[436]. Однако другие авторы, например В. Кутузов, считают это мнение «преувеличением», поскольку в тот момент «еще не созрели условия для “Ленинградского дела”»^[437]. Г. Костырченко рассматривает серию постановлений о художественной интеллигенции как проявление антиеврейской политики Сталина^[438], В. Осоцкий воспринимает постановление о литературных журналах в рамках системы управления литературой той эпохи^[439]. Региональные особенности кампании против художественной интеллигенции исследуют В. Гижов на материале Саратовской и Куйбышевской областей^[440] и С. Сизов (показывая влияние кампании на кинопрокат отечественных и зарубежных фильмов в Сибири)^[441].

5.2. первый этап кампании: идеологический посыл

Все постановления о художественной интеллигенции были взаимосвязаны. Имеются даже внутренние ссылки: в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. упоминалось решение «о журналах "Звезда" и "Ленинград", о кинофильме "Большая жизнь", о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»^[442]. По сути, можно согласиться с Е. Гениной и Е. Зубковой, что идеологически это одна кампания, но тактически кампании не могут быть продолжительными по времени, поэтому по действию механизма кампании каждое из постановлений начинало новый виток, содержащий все этапы политической кампании (можно выделить три витка: 1946 г. и постановление «О журналах "Звезда" и "Ленинград"»; 1948 г. и постановление «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели»; 1949 г. и борьба с космополитами). Так же как выборы разного уровня были идеологически и функционально одной кампанией последовательно идущих друг за другом циклически повторяющихся этапов.

Идеологический посыл через центральную и местную печать за очень короткий срок распространялся по всей стране. Газеты несли эмоционально насыщенный идеологический заряд, который должен был вызвать и поддерживать реакцию масс на политическую кампанию власти. Кроме того, газеты создавали эталоны, указывали на врагов, конструировали образ поведения и восприятия, который был необходим власти. Газеты в то время читали все, а кто не читал сам, тот участвовал в коллективных читках. И люди зачастую верили прессе больше, чем своему опыту.

Начало кампании против художественной интеллигенции было типичным. Но если репрессивные кампании начинались с публикаций в «Правде» и «Известиях», то Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» (14 августа 1946 г.)^[443] было напечатано в газете «Культура и жизнь». Затем последовали другие постановления о недостатках в работе художественной интеллигенции: 26 августа 1946 г. – Постановление Оргбюро «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», 4 сентября 1946 г. – «О кинофильме "Большая жизнь"». Заново идеологический посыл первого этапа кампании был запущен 10 февраля 1948 г. постановлением «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели». Хотя кампанию начала «Культура и жизнь», но потом все-таки была серия передовых статей в газете «Правда». В «Правде» же 21 сентября 1946 г. был напечатан доклад А. Жданова «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“».

Уже первое постановление было написано пафосно, с риторическими вопросами: «Как могло случиться, что журналы "Звезда" и "Ленинград", издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности?»^[444]. Это стиль не юридического документа. Постановление рассчитано на публикацию во всех газетах страны. По традиции сталинских кампаний оно задает риторику для использования на местном уровне: «безыдейные, идеологически вредные произведения», «чужды советской литературе», «пустые, бессодержательные и пошлые вещи», «проповедь гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности», «пошляки и подонки литературы», «пропитанные духом пессимизма и упадочничества», «застывшие на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства», «искусстве для искусства», не желающие идти в ногу со своим народом», «произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада», «опошляющие», «проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений» и т. д. Эта риторика должна была дублироваться на местном уровне как напрямую, так и в творческом переложении. Впоследствии ее дополнила риторика борьбы с космополитами: «безродный космополитизм, охаивающий национальную культуру, предающий интересы своей Родины», «раболепие перед границей», «революционная бдительность», «позорное раболепство перед капиталистическим Западом», «антипатриоты», «последыши буржуазного эстетства».

Газеты города Молотова перепечатывали передовицы «Правды» в рамках данной кампании не очень быстро. Интересно сравнить по материалам местной прессы ход репрессивной кампании, известной как «дело врачей», и развертывание кампании против художественной интеллигенции в 1946 г.

Среди наиболее активных в конце 1940-х – начале 1950-х годов городских газет Молотовской области можно выделить орган Березниковского горкома КПСС «Березниковский рабочий». Во время «дела врачей» он строго следовал тематике кампании, перепечатывал директивные передовицы из центральной и областной прессы. Очень быстро эта газета развернула кампанию против врачей и евреев на местном материале, начала искать врагов на своей территории. Через 14 дней после первой передовицы в «Правде» о врачах-вредителях «Березниковский рабочий» начал критиковать местное здравоохранение. 27 января 1953 г. целый разворот был посвящен рубрике «От выборов до выборов», где был представлен большой раздел с критикой медиков. 28 января вышла статья Т. Вахрина «Ловкая Матвиенко и добродушные ротозеи» о бухгалтере местной швейной фабрики № 2 и ее «покровителе» – заместителе председателя горисполкома Лидермане. В разделе «Письма в редакцию» 31 января 1953 г. было напечатано письмо А. Викторова «Нарушители трудовой дисциплины», в котором сообщалось о «недостойном поведении» газосварщиков Уралэнергомонтажа Шульца и Цертика, которые «свои личные интересы ставят превыше всего»^[445]. О зажимщиках критики рассказывали статьи П. Львова «О Сушкове и других» от 6 февраля 1953 г. и Л. Кукушкина «Неправильный стиль руководства т. Терехина» от 25 марта 1953 г., фельетон И. Чегусова и И. Бобырова «В вотчине Лыхина» от 7 февраля 1953 г. Несколько прочих публикаций сообщали о недостатках в медобслуживании, строительстве медучреждений и обучении в медучилищах.

В кампании относительно художественной интеллигенции активность «Березниковского рабочего» тоже была более высокой, чем в других районных газетах Молотовской области, но не такой высокой, как в «деле врачей». Скорее всего, активность газеты была адекватна ситуации. «Березниковский рабочий» только через 6 дней перепечатал передовицу «Правды» от 4 сентября 1946 г. под заголовком «Бодрость духа, вера в свое дело – драгоценные качества советского народа». В ней говорилось о роли советской литературы в воспитании трудящихся и молодежи, в частности о том, что в литературе «нет места... гнилой безыдейности и аполитичности... клеветнической пачкотне таких пошляков и подонков литературы, как Зоценко, такой апологетике упадничества и пессимизма, как аристократично-салонная поэзия Ахматовой»^[446]. А доклад Жданова, поясняющий ситуацию с Зоценко и Ахматовой, который был опубликован в «Правде» 21 сентября 1946 г., «Березниковский рабочий» напечатал лишь через 19 дней, т. е. 10 ноября 1946 г. И других статей, связанных с этой кампанией, в «Березниковском рабочем» не было.

Достаточно типичная районная газета «Гремячинский рабочий» предлагала еще меньше информации о кампании против художественной интеллигенции. В ней не перепечатывались передовицы «Правды», зато вышла статья с анализом местной ситуации в сфере художественного творчества. В статье на первой полосе газеты за 16 ноября 1946 г. под заголовком «Выше уровень идеологической работы с населением. Собрание городского партийного актива» повторяется властная риторика о «необходимо сти активной борьбы с пережитками капитализма в сознании людей». Подчеркивается, что для такой борьбы необходимо «поднять на новый уровень идеологической работы советскую печать, пропаганду и агитацию», а также «науку, художественную литературу и искусство, работу театров, кино и радио». «Исключительно важное значение в области идеологической работы имеют кино и самодеятельность, в связи с тем, что в нашем городе нет профессионального театра». И конечно, по традиции послевоенных сталинских политических кампаний далее следует самокритика и поиск проблем в своем регионе: «Однако первичные парторганизации не уделяют этому должного внимания. Кинокартины у нас, как правило, выпускаются на экран без просмотра. Во время демонстрации фильмов у нас нет порядка в зрительном

зале... У нас имеется немало фактов, когда в выступлениях художественной самодеятельности протаскиваются пошлость и похабщина»^[447]. В газете соблюдаются традиции самокритики на тему художественной работы, но если по поводу самодеятельности хотя бы удастся соблюсти риторику, то недостатки работы с кинолентами выглядят очень натянуто, ведь в полномочия парторганизаций райцентров не входила киноцензура. В данном случае «Гремячинский рабочий» демонстрировал полноценный, хотя и несколько поверхностный, перенос сюжета политической кампании на местную почву. Однако до публикации имен газета не доходила.

Очень показательно с точки зрения стандарта реализации политической кампании выглядит орган Молотовского обкома ВКП(б) – газета «Звезда». Некоторые основные передовицы «Правды» перепечатаны достаточно оперативно. Так, передовицу за 22 сентября 1946 г. «Благородные задачи советской литературы» и доклад т. Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» перепечатали 24 сентября, во вторник (по понедельникам «Звезда» не выходила): на первой полосе – передовица, а на второй и третьей – доклад. 30 августа 1946 г. «Звезда» опубликовала статью «Самокритика – испытанное оружие большевизма» (в «Правде» она вышла 24 августа 1946 г.). Тема типична для всех сталинских политических кампаний. В статье раскрытие грубейших политических ошибок литературных журналов «Звезда» и «Ленинград» соседствует с описанием «серьезных недостатков в работе ЦК коммунистической партии Украины по воспитанию интеллигенции», в том числе ухода «от современности некоторых украинских писателей»^[448]. В последнем случае заметна задержка публикации на шесть дней.

5.3. организационный этап и мобилизация масс

Судя по всему, до доклада Жданова 21 сентября 1946 г. не предполагалось полноценное и оперативное участие местной прессы в политической кампании. Вероятно, редакции региональных газет еще не поняли, что постановление о литературных журналах – это руководство к оперативному действию. Постановление вышло в середине августа 1946 г., а в конце августа две статьи в областной газете «Звезда» были посвящены успешной работе Молотовского государственного театра оперы и балета – театра, который открыл тогда новый, 76-й сезон: «Наш семьдесят шестой сезон» и «К новым творческим успехам». В них описываются достижения театра, перечисляются государственные награды, которые были получены в честь семидесятилетия театра. В заметках нет ни слова критики, и даже тема творческих успехов озвучена не в риторике кампании против Зощенко и Ахматовой: «...своей большой деятельностью театр должен нести в массы советскую культуру, высоко держать знамя самого передового в мире советского искусства»^[449]. 1 сентября 1946 г. появилась еще одна статья, восхваляющая успехи коллектива театра, под заголовком «Зритель аплодирует»^[450]. И там тоже нет риторики кампании, более того, в статье очень хвалят театр за иностранную музыкальную комедию «Мариэтта». Использование иностранного репертуара после публикации выступления А. Жданова стало серьезным поводом для критики. Разумеется, по области была аналогичная обстановка. Например, газета «Уральская кочегарка» разместила 20 августа 1946 г. хвалебную рецензию на комедийный спектакль Кизеловского драматического театра «День отдыха»^[451] без риторики кампании, а 28 августа риторика начала звучать (речь шла о спектакле «Памятные встречи»), но в незначительном объеме: «...совсем не понял образа... артист Л. М. Гориславский. Не понял... что его идеология чужда интересам социалистического общества»^[452].

Хотя отдельные проявления критического (в стиле кампании) отношения к художественной интеллигенции можно обнаружить в молотовской областной газете «Звезда» уже 11 сентября 1946 г., когда там появилась статья «Выставка, которая разочаровывает». В ней критика выставки московских и ленинградских художников, приехавшей в город Молотов, осуществляется в риторике идеологической кампании против писателей. Автор статьи пишет: «Это изображение фальшиво. Здесь красивость

ради красоты»^[453]. Именно в таких выражениях писали про Анну Ахматову в постановках ленин.

После публикации доклада А. Жданова кампания в местной прессе начала набирать обороты. Уже на следующий день журналист С. Гинц напечатал в «Звезде» статью под заголовком «За высокую идейность в работе театров». В ней говорится о том, что «театр должен пропагандировать лучшие стороны характера советского человека, лучшие его качества, показывая, что эти качества свойственны не отдельным, избранным людям, героям, но многим миллионам людей», что «современная советская тема должна быть ведущей в нашем театре». Затем следовала критика местных театров (Кизеловского, Кудымкарского, Лысьвенского, Чусовского, Березниковского), причем положительные стороны тоже отмечались. Выглядело это так: «Вот Лысьвенский театр. В нем хорошо была поставлена горьковская пьеса „На дне“. В спектакле удовлетворяли и его общая композиция, и трактовка отдельных образов, и актерская игра. Полной противоположностью была постановка „Под каштанами Праги“. Зрителю преподносился анемичный спектакль, в котором была неверно истолкована общая идея, выдвинуты на первый план частные темы и затемнена основная»^[454]. Все это перемежалось цитатами из постановлений ЦК и передовиц центральной прессы. Кстати, из последующих статей становится понятно, что данный спектакль был немедленно снят с репертуара Лысьвенского театра^[455]. Интересно то, что «Под каштанами Праги» – это спектакль по пьесе К. Симонова, который не попадал под действие кампании 1946 г. Он же, кстати, шел в Коми-Пермяцком драматическом театре и в газете города Кудымкара «По ленинскому пути» был отмечен как успешный.

После доклада А. Жданова кампания перешла в стадию собраний трудовых коллективов, связанных профилем своей работы с главными героями постановлений ЦК (речь идет о сфере художественного творчества и управления ею).

Газеты отражают весь процесс развертывания кампании. Местная пресса перепечатала сообщение ТАСС «Улучшение репертуара театров», которое начинало организационный этап кампании: «В каждом театре будет проведено обсуждение Постановления ЦК ВКП(б) „О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению“»^[456]. И действительно, во всех учреждениях, как-то связанных с художественным творчеством, были организованы собрания, были также проведены собрания в школах.

28 сентября 1946 г. «Звезда» рассказывала о том, что молотовский областной и городской отделы по делам искусства провели 23–24 сентября совещание работников искусств, чтобы обсудить постановление от 26 августа «О репертуаре театров...». Прошло всего два дня после доклада Жданова и один день после публикаций в «Звезде». Работники искусств действовали по ритуалу, они переносили риторику кампании на местный материал. Б. Михайлов указывал, за что на собрании критиковали молотовские театры: «...среди небольшого количества пьес на современные темы, поставленных театрами, имеются слабые, безыдейные... в Молотовской области на эстраде, в концертах различных бригад много пошлого, пустого развлекательства»^[457]. Театрального рецензента С. Гинца критиковали за то, что он «не подверг критике плохую пьесу „Ровно в полночь“». В действительности же за время проведения кампании С. Гинц написал только одну статью в критическом стиле кампании, а 13 октября увидела свет его очередная хвалебная статья о пьесе Молотовского драматического театра «Старые друзья», в которой рецензенту нравился даже сюжет о любви^[458] (этот сюжет тоже был негативно окрашен в ходе кампании и связан с именем А. Ахматовой). Следующую положительную рецензию на спектакль по пьесе М. Горького он поместил в газете за 6 ноября 1946 г. Властная риторика, направленная против художественной интеллигенции, была в данном случае отодвинута в сторону.

Первого октября «Звезда» опубликовала собственную передовицу «Могучая сила идей большевизма». В ней было много правильных слов, упоминались все постановления о художественной интеллигенции, но не было местных примеров, связанных с кампанией. Передовица от 29 октября больше соответствовала ходу кампании. В ней были местные

примеры: «В недавнем прошлом на страницы альманаха "Прикамье" проникали произведения, извращающие нашу действительность, карикатурно изображающие советских людей. В репертуаре драматических театров области видное место занимали слабые, безыдейные, а хорошие пьесы о советских людях ставились иногда небрежно. Пошлые водевили, цыганщина самого дурного пошиба, упадочная лирика часто проникают в репертуар художественной самодеятельности»^[459]. В статье используется прошедшее время, будто все недостатки уже устранены, хотя публикация заканчивается призывом к устранению недостатков и описанием правильного хода дальнейшей кампании: «Постановление ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы и доклад тов. А. А. Жданова должны быть обсуждены на городских и районных собраниях партийного актива. Горкомы и райкомы партии должны провести собрания интеллигенции по этому вопросу. Это обсуждение должно быть конкретным. Смелая принципиальная критика недостатков и ошибок должна помочь партийным организациям улучшить руководство идеологической работой»^[460]. Таким образом, газета выполнила свою функцию «коллективного организатора» в ленинском понимании, она провела кампанию на следующий этап ее развития. Через месяц, 22 ноября 1946 г., в рубрике газеты «Партийная жизнь» было описано, как проходило собрание партийного актива города Молотова. Крупные недостатки в репертуаре театра оперы и балета, по рассказу директора С. Ходеса, находились на стадии устранения. И опять конкретика только в отношении новой пьесы как способа борьбы с недостатками: «...театр готовит сейчас к постановке пьесу советского композитора Мариана Ковали "Севастопольцы", показывающую героических защитников города-героя»^[461]. Критика театров лишь обозначена как слабая. И нет никаких имен или реальных примеров. В статье от 2 ноября 1946 г. «За высокую идейность советской литературы. Лекция доктора филологических наук Е. А. Боголюбова» можно было прочесть, что «лектор подробно разобрал ошибки журналов "Звезда" и "Ленинград"», но «некоторые литературные ошибки» в Молотовской области лишь упомянул, опять же без имен.

На других собраниях партийного актива имена звучали, причем эти имена могли быть не связаны с творческой профессией. Например, на собрании кизеловского городского партийного актива секретарь горкома тов. Лайкин сказал в докладе, что «имеются факты, когда в клубах шахт им. Володарского, № 6 Капитальная и Коспашской шахты № 32-бис давались концерты с халтурными номерами», а виноваты в этом были секретари партийных организаций этих шахт товарищи Сафин, Грудьев и Плотников, которые «мало обращают внимания на содержание работы клубов, библиотек, красных уголков»^[462].

Через газету повинился в наличии «больших недостатков» в работе Коми-Пермяцкого драматического театра им. М. Горького его директор С. Можаяев. Он написал о постановках «идейно слабых» и «порочных... неправильно трактующих нашу жизнь» пьес, а также пьес, «проповедующих буржуазные взгляды на мораль, отравляющих мировоззрение и быт советской молодежи»^[463], пообещал пересмотреть весь репертуар, исключить слабые пьесы.

Можаяев отмечает, что «режиссерско-актерский коллектив пополнен целым рядом новых работников», но из статьи явствует, что никто из прежних не уволен, руководство сохранило свои позиции. Статья представляет собой публичную самокритику и обещание исправиться, носит ритуальный характер.

Постановления выходили с 14 августа по 4 сентября, 21 сентября был доклад Жданова, а 30 октября 1946 г. прошло собрание Чусовского районного партийного актива. Коммунисты из театра на собрание не явились (это отметил в своем выступлении редактор газеты «Чусовской рабочий»). Наиболее важные с идеологической точки зрения выдержки из выступлений опубликовали в газете «Чусовской рабочий» от 1 ноября 1946 г. Выступления были сделаны на местном материале, хотя и без фамилий. Вначале речь шла о «погрешностях» в работе Чусовского драматического театра, а затем о проблемах идеологической работы в клубах художественной самодеятельности, в

заводском клубе Чусовского металлургического завода и в кружках партпросвещения. Упомянули и недостатки работы библиотек^[464].

Вообще, выступавших на массовых собраниях можно разделить на три категории. Первая – это люди, полностью включившиеся в ритуал осуждения. Они повторяли риторику газет, выступали на собраниях, выражая согласие с политикой власти. Типичным для них можно считать высказывание заслуженного артиста РСФСР Б. Гефта (Малый оперный театр Ленинграда): коллектив театра должен осудить композиторов, «протаскивающих формализм в свои произведения»^[465], и композитора М. Чулаки: «Постановление наносит решительный удар по формализму, сыгравшему столь пагубную роль в развитии советского музыкального искусства. Постановление мобилизует всех советских композиторов на создание подлинно-прекрасных, подлинно-народных, глубоко содержательных произведений, достойных нашей великой эпохи»^[466]. По поводу этой категории мы не можем сказать, почему коллектив театра поддерживал властную инициативу, не знаем, что артисты думали на самом деле, но на словах они были абсолютно лояльны. Вполне вероятно, что они искренне соглашались с властью, а возможно, как и рабочий А. Дмитриев, думали одно, а говорили и даже делали другое.

Вторая категория – это люди, которые не только поддерживали властную риторику, но и проявляли инициативу. Они находили недостатки в своем окружении. Некоторых из них можно даже заподозрить в использовании риторики кампании для реализации собственных интересов. На собрании студент Ленинградской консерватории говорил:

«Постановление ЦК правильное и мудрое. В свете указаний ЦК особое значение приобретает правильное воспитание в консерватории молодых кадров композиторов и музыковедов. ЦК ВКП(б) отметил отрыв советских композиторов и музыкальных критиков от широких масс слушателей. Нашей консерватории необходимо привлечь своих студентов к широкой массовой работе среди слушателей, устраивать открытые концерты из произведений студентов-композиторов, направлять молодых музыковедов в оперную студию и другие театры для общения с зрителями. Необходимо продолжить и развить работу научно-творческого кружка теоретико-композиторского факультета, где обсуждение и критика студенческих произведений должны принять широкий размах. ЦК ВКП(б) отметил также отсутствие критики и самокритики в музыкальной среде. Это относится и к нашей консерватории. Боязнь критики сказалась, например, в том, что недавнее обсуждение научных записок, посвященных советской музыке, проводилось в узком кругу. Студентов не только не пригласили, но и не допустили на обсуждение. Между тем участие студентов могло бы быть полезным для развертывания критики»^[467]. В данном выступлении можно наблюдать хитрое переплетение риторики кампании и попытки оказать практическое, полезное для себя влияние на руководство консерватории.

Третья категория – это люди, не осознающие ритуальный характер собраний по поводу постановлений ЦК, искренне поверившие, что на собрании от них ждут высказывания своего мнения. Именно они обычно выражали сомнения в правильности риторики кампании или даже спорили с ней. Преподаватель Ленинградской консерватории и композитор И. Финкельштейн говорил:

«Как это правительство берется регулировать вкусы масс. Ведь музыка непонятная массам сегодня может стать понятной через 50 или 100 лет. Нельзя закрывать пути для новаторства»^[468].

Или другое высказывание, артиста оркестра Малого оперного театра:

«Я не понимаю почему набросились именно на оперу Мурадели, я сам ее репетировал и играл несколько раз и прямо скажу, что из всех советских музыкальных произведений для театра, музыка оперы "Великая дружба" самая лучшая»^[469].

В этой категории встречаются и особенно наивные выступающие, они переносят ситуацию на себя:

«Я пишу оперу и не знаю как быть дальше. По-моему в опере Мурадели "Великая дружба" нет никакого формализма. Я пишу с тем, чтобы можно было петь. Что же и меня тоже будут считать формалистом?»^[470].

Все три категории участников обсуждений через вопросы на собрании прощупывали ситуацию, выявляли диспозиции, определялись. Поэтому вопросы тоже можно разделить на уточняющие (попытка разобраться в ситуации), критические (указывают на несоответствия) и усиливающие действие кампании (предлагают дополнительные пути развития кампании). Уточняющий вопрос звучит примерно так: «Что такое "конструктивизм", "формализм", "субъективизм"?» Критический вопрос: «Почему композиторы формалистического направления были награждены и получили звание Сталинских лауреатов?» Усиливающий действие кампании вопрос: «Будут ли наказаны те руководители, которые пропагандировали формалистическую музыку?»^[471].

5.4. реализация целей и задач кампании

Кампания против художественной интеллигенции от постановлений о Зощенко и Ахматовой и о репертуаре театров (1946 г.), подпитываясь новыми передовицами центральной прессы, перетекла в кампанию с космополитами (1949–1951 гг.). При этом происходили возвраты к постановлениям 1946 и 1948 гг. Инициаторами на этот раз были одновременно и «Правда», опубликовавшая 29 сентября 1949 г. статью «К новому подъему театрального искусства», и «Культура и жизнь» со статьей «На чуждых позициях». Они разоблачали критиков-космополитов. Здесь уже виден антиеврейский контекст, описанный Г. Костырченко^[472].

Статьи придали кампании новый темп, вновь активизировались местные газеты. Выступления с критикой местных театров имели место на пленуме Молотовского обкома ВКП(б). Прошли собрания, началась перекройка театрального репертуара. Все это отразилось в отчетах и переписке обкома и горкомов Молотовской области.

В конце 1949 г. уже в рамках борьбы против космополитов снова активно вернулись к Постановлению Оргбюро ЦК от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Во всех докладных горкомов о деятельности городских театров четко указано на связь собраний, изменений репертуара и различной критики именно с постановлением 1946 г. Причем теперь старались в отчетах показать, что работа в рамках данной кампании и не прекращалась.

«За период с 1 января по октябрь м-ы 1949 года вопросу подбора репертуара было посвящено 3 партсобрания и два общих собрания коллектива театра. На собраниях было решено снять с репертуара театра идейно и художественно неполноценные пьесы "День отдыха" Катаева, "Человек с того света" Дыховичного и Слободского, "Не ждали" Полякова, "Вас вызывает Таймыр"^[473]. В репертуар театра были внесены лучшие образцы советской современной драматургии»^[474].

Пьесы, снятые с репертуара, отобраны не случайно. Они упоминались в центральной прессе. В риторике кампании о сюжете комедии А. Галича и К. Исаева писал журнал «Смена» в августе 1948 г.:

«Комедия "Вас вызывает Таймыр" относится к разряду тех пьес, в которых события изображаются, как отмечал ЦК ВКП(б), "надуманно и лживо, ввиду чего эти пьесы создают неправильное, искажённое представление о советской жизни". Пьеса Исаева и Галича антихудожественна и примитивна, написана она небрежно, без достаточного знания русского литературного и народного языка. Некоторые авторы комедийного и юмористического жанров до сих пор не могут отрешиться от пошлого, обывательского штампа. Создавая свои произведения, они идут не от жизни, а от своих низких

художественных вкусов и ставят своей целью не служение делу народа, а пустую забаву: во что бы то ни стало посмешить публику»^[475].

Обратим внимание на дату публикации в «Смене» – август 1948 г., однако Краснокамский театр снял пьесу не раньше 1 января 1949 г., т. е. полгода спустя. Кстати, среди «лучших образцов» есть спектакль «Особняк в переулке» Братьев Тур. А ведь в постановлении «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» названы «слабыми и безыдейными» сразу два других спектакля этих авторов. Это тем более странно, что Лысьвенский театр на пленуме Молотовского обкома ВКП(б) 20 марта 1948 г. обвиняли в том, что в нем «поставили после постановления такие пьесы, как "Кому подчиняется время" и "Факир на час"»^[476]. Первая принадлежала Братьям Тур, а музыка к «Факиру на час» написана Никитой Бого словским (его имя есть в постановлении «О кинофильме "Большая жизнь"»). Особой последовательности в выполнении постановлений не наблюдалось.

Соблюдая нормы, собрания проводить было необходимо, и критика с самокритикой должна была присутствовать. Однако докладная Краснокамского горкома хорошо показывает не только ритуальный характер собраний, но и стремление сгладить возможные острые углы, избежать реальных наказаний. Так, в докладной пишут, что в Краснокамском театре «производственные совещания вызвали большую активность творческих работников на основе критики и самокритики», однако в критическом ключе не названо ни одного имени, присутствовала лишь риторика кампании. На совещании обсудили репертуар театра и некоторые образы, упоминая фамилии актеров, которые их играют, «помогли актерам найти в образах наиболее яркое творческое звучание, а самим спектаклям встать на более высокую, принципиальную партийную и художественную высоту»^[477], далее обсудили политическую учебу. Демонстрируя умение приспособлять ситуацию к своим нуждам, в Краснокамском горкоме даже придумали собственные индикаторы эффективности выполнения Постановления «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Оказывается,

«выполняя постановление... коллектив театра проделал большую работу по повышению идейного качества спектаклей, о чем свидетельствует увеличение посещаемости спектаклей и выполнение театром производственно-финансового плана, так за III квартал 1949 года план выполнен на 118 %»^[478].

Секретарь Кизеловского горкома ВКП(б), отчитываясь «о репертуаре Кизеловского драматического театра на 1948–49 гг.», указывал, что репертуар театра на 1949 г. был полностью пересмотрен, передовица «Правды» обсуждена на открытом партийном собрании парторганизации Кизеловского театра 18 октября. Это через три недели после публикации в «Правде». Однако именно Кизеловский горком проявил наибольшую активность, попросив областной отдел искусств снять с работы директора театра т. Кларова «за развал работы театра»^[479]. Что и было сделано незамедлительно.

Коми-Пермяцкий окружком на своих заседаниях в 1946 г. дважды заслушивал директора Кудымкарского театра и руководителя ансамбля песни и пляски. В рамках риторики «Правды» секретарь Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) указывал в отчете за 1949 г., что у театра есть еще недостатки –

«...иногда на сцену принимали малохудожественные и слабые в идейном отношении пьесы как то: "Вас вызывает Таймыр", "День отдыха", "Каширская старина" (постановки 1948 года), "Чужой ребенок" (постановка 1947 года), "Человек с того света" (постановка 1949 г.)...

Плохо была организована и критика спектаклей. Статьи в окружной печати об отдельных спектаклях были низкие по качеству и малокритичны...»^[480].

Фамилий не было названо, а в качестве меры по ликвидации недостатков говорилось, что «подобрана группа товарищей, которые будут писать критические статьи по отдельным пьесам в окружных газетах». Кстати, и в Кудымкаре пьесу Братьев Тур ставили в 1947 г. как правильное произведение «с современной тематикой».

Наиболее формально отреагировали на новый виток кампании в Березниковском горкоме. Они написали ритуальную фразу об «улучшении качества современного советского репертуара»^[481], а затем расхвалили театр за высокое качество спектаклей, за творческую работу актеров, за постановку русской классики и современную тематику спектаклей и за продвижение билетов в массы.

А в Молотовском театре оперы и балета с июня 1947 г. демонстрировалась опера В. Мурадели «Великая дружба». В материалах к отчету Молотовского обкома в ЦК ВКП(б) написано очень мягко, что театр «недостаточно критически подходил к составлению репертуара и допустил постановку... порочной оперы... Коллектив театра, осознав грубую ошибку, исправил ее и в репертуар театра были включены оперы и балетные спектакли русских композиторов»^[482].

Сложно узнать, что на самом деле думали люди, читавшие передовицы газет о художественной интеллигенции. Воспоминаний почти не сохранилось. Поэтому очень показательна реакция рабочего молотовского завода им. Сталина А. Дмитриева. Он записал в своем дневнике 24 февраля 1948 г.:

«Сейчас в газетах ведется кампания против композиторов. "Разбили" всех: Мурадели, Прокофьева, Мясковского и даже Шостаковича. А всего еще немного времени тому назад их превозносили до небес, давали им Сталинские премии и звания лауреатов. Вот тут и пойми простой русский человек, что же в конце концов хорошо и где правда, если сегодня одного хвалят, а через некоторое время его в грязь втоптывают. А ведь до постановления ЦК ВКП(б) все молчали, а сейчас все "тупицы" начинают писать в газетах, что музыка плохая, что ее трудно было воспринимать и т. д. и т. д. То есть тут надо понимать так, что хозяин говорит, то и хорошо, а что плохо – то и по мнению слуг плохо. Я, например, понимаю так, если музыка или песня нравится народу, так это хорошая вещь и ее-то и надо давать в массы. Сейчас критикуют джаз. А почему-то все ответственные работники предпочитают брать патефонные пластинки, как например: "Сторонка родная" в исполнении джаза Утесова, а не хора им. Александрова; "Мой костер" в исполнении В. Козина, а не какой-то оперной актрисы; или "Будьте здоровы" утесовскую предпочитают хору им. Пятницкого. Да что тут говорить. Когда в Кремле бывают какие-нибудь заседания с концертом, так приглашают какой-нибудь джаз, а не хоровую капеллу Свешникова. Вот сейчас и пойдет музыка, от которой придется даже радио выключать. А все получается почему? Потому что выбрали в Верховный Совет разных "знатных" доярок, трактористов или "знатных" пастухов. Ну, вот они и давай подымать голос, что такая музыка, как например, "Во поле березынька стояла" лучше, чем какая-нибудь оперная ария. Темнота на светлом месте всегда будет темнотой. Ее уже не переучишь»^[483].

А. Дмитриев четко ощущал себя выше «темных» сельских жителей, он был настоящим горожанином, обычно смотрел все кинофильмы в первые недели после их выхода на экраны, много читал, писал очень грамотно, ходил «в Оперу». Видимо, опера не была его любимым жанром (он предпочитал кино, а в музыке ему больше нравился джаз, в оперу за десять послевоенных лет ходил всего три раза), но он был настоящим меломаном, коллекционировал пластинки, поэтому ему не понравилась направленность новой политической кампании. Но важно другое – Дмитриев четко понимает, что это именно кампания и что она легко нашла поддержку среди населения. К тому же он называл главного организатора кампании «хозяином», а всех остальных, кто несет кампанию в массы, «слугами». Однако кто этот «хозяин», остается не совсем понятным (напрашивается предположение, что он писал о Сталине), ведь главную причину кампании он видел в том, что в Верховный Совет выбрали «темных пастухов и доярок». Вернее всего предположить, что негативные реакции Дмитриев позволял себе только в дневнике. На деле он действовал сообразно ритуалам. Никаких собраний среди рабочих по поводу постановления ЦК «Об опере Мурадели» не было (иначе Дмитриев написал бы об этом в дневнике), но когда шла подписка на заем, он был недоволен, однако деньги давал:

«Вчера проводилась подписка на 3-й заем восстановления хозяйства. Я дал займы государству 2100 руб. Дал добровольно. Даже нисколько не спорил. Это у меня чуть ли не полуторамесячный заработок»^[484].

Судя по сохранившимся документам, в городе Молотове в обсуждениях постановлений о художественной интеллигенции участвовали только люди искусства и члены партии. В Ленинграде, например, было не так. В отчете об откликах трудящихся Ленинграда на Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» приводились высказывания не только художников, артистов и композиторов, но и «рабочих ленинградских предприятий»^[485].

Итак, кампания против художественной интеллигенции началась с публикации в новой газете «Культура и жизнь», издававшейся структурным подразделением ЦК ВКП(б). Вряд ли местные власти за несколько недель могли понять статус и назначение этой кампании. А прямых указаний, если судить по последствиям, они не получали. Репутация «самого страшного издания» закрепилась за газетой «Культура и жизнь» позднее: «Она была создана специально для разгромов, и в просторечии ее называли “братская могила”». Упоминание на ее страницах считали уже приговором. Называли эту газету и “александровским централом”: редактором ее был академик Г. Ф. Александров»^[486]. Кампания в региональной печати началась после выступления «Правды».

Районные газеты Молотовской области присоединились к политической кампании против художественной интеллигенции разрозненно и с разной интенсивностью публикаций. К тому же не было названо ни одного местного деятеля искусства, который мог бы претендовать на роль местного «Зощенко». Все это свидетельствовало, скорее всего, о несистематичном характере кампании, о ее изначально слабом регулировании из центра. Можно предположить, что инициаторы кампании не были заинтересованы в расширении круга жертв, но преследовали идеологические цели: довести до коллективного сознания советской интеллигенции новый дискурс власти (пафосный, патетический, авторитарный), более того, создать новую редакцию советской идентичности.

Местные власти умело этим воспользовались, фактически закрыв подведомственную им территорию от нежелательных последствий московских начинаний; они ограничили политический эффект кампании механическим дублированием столичной риторики и дежурными призывами развивать критику и самокритику. В следующих политических кампаниях они сумели усовершенствовать тактику выхода из-под политического прессинга «малой кровью».

Молотовская областная газета перепечатывала передовицы «Правды» и призывала к самокритике, не более того. Почему было именно так? Вряд ли ведущую роль в сложившейся ситуации играл редактор областной газеты «Звезда». И все же молотовской прессе было о чем вспомнить в 1946 г. В г. Молотове в годы войны жили многие известные эвакуированные писатели, в том числе из Ленинграда, например М. Слонимский^[487], упомянутый в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград». Они «изменили литературную жизнь края, значительно повлияв на культурный ландшафт в целом»^[488]. В марте 1943 г. имело место Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского книжного издательства», его обвинили в том, что оно печатало «ненужные, бессодержательные, даже вредные книги эвакуированных авторов». Тому же М. Слонимскому тогда вменили в вину «незнание жизни советских людей, создание нелепых и надуманных образов»^[489]. Однако в 1946 г. газетами Молотовской области такие случаи не вспоминались. Скорее всего, в этом проявилось «корпоративное единство» партийных и хозяйственных руководителей области, которое укрепилось за годы войны. Они понимали, что если газета назовет какое-либо имя, то в рамках политической кампании будут уничтожены все, кто с этим человеком был связан (а на местном уровне с писателями и театральными деятелями могли быть как-то связаны все руководители области). Значит, кампанию следовало держать под местным контролем,

и газетный импульс к развитию критики местной художественной интеллигенции как обязательная часть политики центра должен быть минимально опасным для представителей местной номенклатуры, их родственников и друзей. В Молотовской области был уволен только директор Кизеловского театра Кларов. Е. Генина исследовала кампанию по борьбе с космополитизмом в Сибири, где власти иначе восприняли импульс из центра. Активность публикаций в местной прессе и обсуждений на собраниях разных коллективов была в Сибири значительно выше, чем в Молотовской области. Там не только говорили, но и реально увольняли работников искусства: в 1949 г. был уволен как космополит художественный руководитель Алтайского краевого драматического театра заслуженный артист РСФСР И. Борисов, исключен из партии и уволен за политические и космополитические ошибки дирижер Новосибирского государственного театра оперы и балета И. Зак, а также еще несколько работников газет. Все они были евреями по национальности^[490]. Как стадия реализации целей кампании по борьбе с космополитизмом, исходящей из центра, в Сибири начались собственные репрессивные кампании. Е. Генина реконструирует ход таких кампаний против научно-педагогической интеллигенции: 1949–1950 гг. – «Красноярское дело» о «замалчивании» от правительства месторождений урана в Красноярском крае (арестованы 30 геологов); 1950–1951 гг. – в ходе борьбы «за чистоту кадров» прошла серия увольнений в Томском государственном университете и Томском медицинском институте, некоторых арестовали по 58-й статье^[491]. Или взять для примера репрессивную кампанию, связанную с «делом врачей»: в рамках ее в Молотовской и Свердловской областях имели место увольнения, но не было арестов, в то время как, по свидетельству Е. Гениной, по всей Сибири было развернуто полномасштабное собственное «дело врачей», организованное местными властями оперативно, без задержек и с арестами в результате. Получается, что разные регионы по-разному проводили одну и ту же кампанию. В «деле врачей» медлительность уральских властей в реализации целей кампании не может быть объяснена общей нераспорядительностью и слабой дисциплиной исполнителей. В документах можно обнаружить стремление местной администрации всех уровней направить кампанию в безопасное русло, свести ее к дежурным ритуальным мероприятиям по исправлению недостатков в деятельности отдельных ведомств (в первую очередь медицинского, милицейского, торгового), но не проводить опасную чистку кадров, не выдавать своих на расправу, откупиться от центра минимальными жертвами. Местные руководители были готовы в «деле врачей» пожертвовать некоторыми, с их точки зрения, малоценными представителями еврейской национальности, но сохранить для работы людей нужных. Если надо, то понизить их в должности, но не убирать совсем. Недаром главный врач областной больницы Кац был исключен из партии, формально уволен, но неформально остался на рабочем месте (по окончании «дела врачей» его просто восстановили в должности). Здесь есть и ведомственный интерес, и корпоративная солидарность. Политический антисемитизм вступает в конфликт с рациональными принципами управления, которыми в той или иной мере руководствуется в своей деятельности хозяйственная элита.

Глава 6. мобилизационные политические кампании

6.1. Выборы в советы

Выборы относились к мобилизационному типу политических кампаний. Механизм их проведения был таким же, как у репрессивного типа кампаний.

По Конституции 1936 г. высшим представительным органом государственной власти СССР стал Верховный Совет. Конституция 1936 г. была объявлена самой

демократической в мире. Первые выборы депутатов состоялись 12 декабря 1937 г. После этого прошло девять лет до следующих выборов. Советы избирали в каждой союзной республике, в областях, сельских городах и районах. Но этот орган власти, судя по всему, имел чисто декоративные функции. Реальной властью он не обладал. В своей монографии «Холодный мир» О. Хлевнюк и Й. Горлицкий очень подробно рассматривают деятельность Сталина в процессе укрепления своей диктатуры в послевоенные годы^[492]. Авторы показывают взаимоотношения в высших эшелонах сталинской власти (в Политбюро, Оргбюро, Президиуме ЦК, Совете Министров и МГБ), но Верховного Совета там нет, он никак не использовался Сталиным в целях укрепления власти, что лишний раз указывает на декоративный характер этого представительного органа. И если в экономических мероприятиях (например, снижение потребительских цен), политических кампаниях репрессивного характера авторы видят «громоотвод для растущей социальной напряженности», то избирательная кампания ими просто никак не рассматривается. Дорогостоящая, задействовавшая большие человеческие ресурсы, она была своеобразным «всенародным праздником» (кстати, именно так день выборов в Верховный Совет СССР назвал Сталин в своей речи 11 декабря 1937 г.), возможностью проявить лояльность к власти и лично к товарищу Сталину. Даже предвыборные речи Сталина за 1937 и 1946 гг. подтверждают эту мысль. В декабре 1937 г. Сталин действительно говорил о выборах, называл депутата «слугой народа», рассказывал о «подлинной демократии» и давал совет, по каким характеристикам отличить хорошего кандидата в депутаты от плохого^[493]. 9 февраля 1946 г. в предвыборной речи Сталина тема выборов даже не звучала, он подводил итоги Второй мировой войны, рассказывал, «какими материальными возможностями располагала наша страна перед второй мировой войной» и какую роль в этом сыграла коммунистическая партия. Затем благодарил за доверие и предлагал «судить победителей»^[494].

Выборы были всеобщими, прямыми, равными при тайном голосовании, однако безальтернативными. Все кандидаты представляли единый блок коммунистов и беспартийных, их и выдвигали по одному на участок. Участвовать в выборах все граждане были не только должны, но и обязаны. По отчетам в вышестоящие партийные инстанции, отсылаемым из г. Молотова в 1947 г., 99,97 % граждан участвовали в выборах, из них 98,92 % голосовали за блок коммунистов и беспартийных^[495]. Кандидат был обречен на победу.

6.2. Основные задачи избирательной кампании и ее первый этап

Избирательная кампания была способом конструирования советской идентичности. Она носила характер ритуала, объединяющего людей. Коллективные действия начинались еще на этапе выдвижения кандидатов. Конечно, на самом деле это были «согласованные кандидаты», но выдвигали их все коллективы страны (собрания рабочих коллективов обставлялись как праздник). Секретная брошюра об организации выборов гласила: «Выставление совместных кандидатов... должно исходить от лица общих собраний рабочих и служащих по предприятиям, МТС, совхозам, учреждениям и общим СОБР крестьян — по колхозам, селам, волостям, военнослужащих — по воинским частям»^[496]. На самом деле каждое предприятие проводило собрание по выдвижению кандидатов — один из них всегда был сам Сталин (демонстрировалась всеобщая, стопроцентная поддержка авторитета вождя), с ним еще один-два члена Политбюро и один местный кандидат. В избирательном бюллетене потом оставались лишь последний, местный, и один член Политбюро. Остальные снимали свою кандидатуру, так что само выдвижение тоже носило сугубо ритуальный характер.

В 1945 г. избирательная кампания в прессе стартовала после двух публикаций в «Правде» и других центральных газетах: первая содержала «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1945 года "О проведении выборов в Верховный Совет СССР"», вторая — «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», принятое 11

октября 1945 г. Передовицы «Правды» датировались днем, следующим за указом и положением. Кампания в местной прессе началась в следующие несколько дней. Молотовская областная газета «Звезда» напечатала их на следующий день после «Правды», районные и городские газеты Молотовской области – через два дня. В период кампании местные газеты получали идеологическую подпитку от центральной «Правды» и областной «Звезды». В рамках избирательной кампании прессе отводилась значительная роль. Центральные газеты печатали много пропагандистских материалов, которые направляли идеологический ход кампании в нужное русло.

«Редакции газет "Правда", "Известия" "Красная звезда", "Труд" – 168 статей квалифицированных авторов. Правда... ответственный редактор т. Сиротин... заменен новым работником т. Сиволобовым... Была увеличена периодичность 4100 районных и 225 городских газет и увеличен объем 1900 рай и гор газет... В помощь редакциям... разослано свыше 150 пропагандистских статей»^[497].

Эти данные из отчета Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), на деле все выглядело не совсем так. Можно выделить около 40 публикаций, которые перепечатывались с довольно высокой степенью оперативности. Однако надо отметить, что далеко не все публикации «Правды» повторялись в газетах области. Часто давалась лишь точечная перепечатка. Видимо, для работы агитаторов должны были использовать сами центральные газеты.

Анализируя тематику газетных публикаций в целом, можно назвать следующие основные направления: 1. Работа агитаторов (планы, результаты). 2. Кандидаты в избирательные комиссии и их избрание, работа комиссий по формированию списка избирателей. 3. Информация для избирателей, «в помощь агитатору» (разъяснение Конституции и избирательной системы, полномочия Советов). 4. Информация о кандидатах и их выступлениях. 5. «Производственный подъем масс» (взятие обязательств по перевыполнению планов и результаты).

В отчетах, как правило, фиксировалась хорошая работа агитатора, но был в них и необходимый пункт самокритики, в котором выявлялись недостатки. В отчете обкома читаем, например, как избиратели, придя на выборы, не знали, что им делать: брали бюллетени и оставляли их в кабинках, а один молодой избиратель в Ленинском районе г. Молотова «20 минут сидел в кабине, а потом был вынужден спросить, что ему делать дальше»^[498]. Без вмешательства агитаторов избирателю действительно было трудно понять, что делать с бюллетенем. Газеты перепечатывали статью из центральной прессы с подробным описанием этого процесса:

«Находясь один, избиратель заполняет избирательные бюллетени... В каждом бюллетене избиратель оставляет фамилию того кандидата, за которого желает голосовать, вычеркивая фамилии остальных кандидатов. Если в бюллетене фамилия одного кандидата и избиратель желает голосовать за него, он ничего в бюллетене не пишет и не вычеркивает. Если избиратель вследствие своей неграмотности или инвалидности сам не в состоянии заполнить бюллетени, то он в праве пригласить с собой в комнату... другого избирателя и попросить его заполнить избирательные бюллетени»^[499].

Таблица 6. Динамика газетных публикаций в Молотовской области в период выборов в Верховный. Совет СССР 1945-1946 гг.

Газета	Октябрь, 1945			Ноябрь, 1945			Декабрь, 1945			Январь, 1946			Февраль
	1 декада	2 декада	3 декада	1 декада	2 декада	3 декада	1 декада	2 декада	3 декада	1 декада	2 декада	3 декада	
Областная газета «Звезда»	1	15	10	13	20	26	26	34	63	26	98	102	
Уральская кочегарка (Кизел)	1	5	17	3	3	26	25	30	14	21	50	44	
Гремячинский рабочий	1	3	2	1	2	6	7	13	4	12	21	31	
Губахинский рабочий	1	17	11	2	2	10	24	29	14	36	55	35	
Искра (Кунгур)	1	9	7	8	4	14	31	11	16	12	11	29	
Искра (Лысьва)	2	6	3	4	1	4	25	34	24	25	50	37	
Чусовской рабочий	0	2	18	3	6	15	16	12	15	59	46	29	

Фраза «заполнить бюллетени» повторялась многократно, но реально с ними ничего не надо было делать, ведь галочку тогда ставить не требовалось, а кандидат был один. Авторы текста прекрасно знали о безальтернативности выборов, но играли по правилам, заданным властью. Они упорно презентовали возможность выбора. Так что на практике такой текст легко мог сбить с толку. Ведь в 1946 г. голосовали за одного кандидата в Совет Союза и за одного – в Совет Национальностей. Неудивительно, что находились избиратели, которые по незнанию вычеркивали кандидатов в одном из бюллетеней. И произвольно голосовали против какого-то кандидата. Хотя, надо отметить, таких было немного.

Можно выделить после начала кампании в газете «Звезда» несколько пиков активности – вторая декада октября, третья декада декабря и вторая половина января с небольшим понижением ко дню выборов. Пики активности связаны с заседаниями партийных инстанций по поводу недостатков в подготовке и проведении выборов, а также с передовицами центральных газет.

Областная молотовская газета «Звезда» имела большую периодичность, чем городские газеты, поэтому по выборам в 1946 г. она опубликовала 516 статей и заметок. Газета, предназначенная в первую очередь кизеловским горнякам («Уральская кочегарка»), напечатала 320 статей, газета с аналогичной направленностью из Гремячинска («Гремячинский рабочий») обошлась всего лишь 127 текстами. Следует отметить, что очень большое внимание эти газеты уделяли отчетам о перевыполнении плана в честь проведения выборов.

Диаграмма (см. рис. 1) отражает динамику избирательной кампании 1945–1946 гг. в молотовской областной газете и двух городских газетах Молотовской области – Кизела и Гремячинска. Эта динамика в целом очень синхронна, вот только пики активности в газетах рабочих городов связаны с отчетами о перевыполнении планов, а в областной – с работой агитаторов.

Рис. 1. Динамика газетных публикаций в период выборов в Верховный Совет СССР 1945–1946 гг. (по областной и двум городским газетам)

Очень большое внимание во время избирательной кампании уделялось разъяснению Конституции и избирательного закона. И одной из ключевых тем был всеобщий характер выборов. «Комсомольская правда» напечатала статью под заголовком «Наши выборы являются всеобщими», ее перепечатали газета «Березниковский рабочий» от 1 декабря 1945 г. В этой статье говорилось, что только советские выборы являются «действительно всеобщими», так как «списки избирателей вывешиваются для всеобщего обозрения за месяц до выборов» и каждый избиратель вправе подать заявление для внесения изменений в этот список; переезжающий гражданин может получить «Удостоверение на право голосования» в любом месте; избирательные бюллетени печатаются на языках населения округа и в необходимом количестве экземпляров^[500]. Молотовская областная газета «Звезда» опубликовала 9 декабря 1945 г. статью в рубрике «В помощь избирателю» под заголовком «Советская избирательная система», в которой в первую очередь разъяснялась именно эта тема. Статью перепечатали органы горкомов и райкомов области, например кунгурская «Искра» от 22 декабря 1945 г. Чтобы доказать всеобщий характер выборов, автор статьи П. Туманов приводил цитаты из «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», цифры выборной кампании 1937 г., объяснял, что голосовать могут и больные, и инвалиды, и люди, находящиеся в пути, а потом приводил негативный пример английских выборов (с цензом оседлости и имущественным цензом, которые исключают некоторых граждан из числа избирателей)^[501]. Во всех газетах области появлялась статья

подобного содержания с небольшими отличиями друг от друга. Риторика выборов многократно повторяла, что в СССР особая демократия, не такая, как во всем мире: «С победой социализма советская демократия поднялась на новую, более высокую ступень; из демократии для большинства населения она стала демократией для всех трудящихся, для всех членов социалистического общества»^[502].

Большое количество статей посвящено формированию списков избирателей. В них вновь повторяется та же тема всеобщего характера выборов:

«Избирательная техника служит тому, чтобы всемерно обеспечить осуществление всеобщего избирательного права, привлечь на выборы всех до единого избирателей... Советский избирательный закон гарантирует каждому избирателю возможность осуществления его великих демократических прав»^[503].

Практика проведения выборов показывала, что по сути это было даже не правом, а обязанностью. Агитаторы строго следили (и отчитывались по часам) за тем, чтобы до избирательного участка дошли все 100 % занесенных в списки граждан. В некоторых случаях это стоило им особого труда, например агитаторы на лыжах добирались до труднодоступных домов и поселков, к которым не было дорог. Отчеты о результатах голосования свидетельствуют, что, например, на выборах в Верховный Совет РСФСР 1947 г. по г. Молотову проголосовали 99,97 %^[504] граждан. Не захотели прийти на выборы единицы: «Имели место единичные факты отказа избирателей от голосования. К этой категории лиц в основном относятся репрессированные граждане и религиозно настроенные элементы»^[505]. Но на самом деле качество работы агитатора оценивалось также по тому, что он привел на выборы и эти категории. Документы свидетельствуют, что «особое внимание было обращено для проведения агитационно-массовой работы на лесозаготовках, где в большинстве своем рабочие из состава репатриированных и спецпереселенцев»^[506].

На одном и том же участке голосовали начальники и рабочие, милиционеры и спецпоселенцы. Анализируя содержание вопросов агитаторам, можно увидеть, что в тот период в категорию «всеобщие и равные выборы», по мнению рядовых граждан, не входили многие социальные группы. Это и священнослужители, и инвалиды, и репатриированные, и немцы по национальности. Люди интересовались, а имеют ли право голоса их представители. В Черновском районе Молотовской области спросили, «будут ли участвовать в голосовании престарелые»^[507]. И среди представителей местной власти не всегда было единое понимание того, как отвечать. На пленуме Молотовского обкома ВКП(б) в 1946 г. прозвучал вопрос, можно ли немцев брать в агитаторы. Посоветовавшись, логично решили, ведь и среди немцев надо агитировать.

6.3. Работа агитаторов и с агитаторами: организационный этап кампании

Агитатор на период избирательной кампании сам олицетворял власть. Он осуществлял адресную помощь, делал то, что от патерналистской власти ждали люди. А если не делал или делал плохо, это отражалось в материалах о подготовке к выборам. Об этом даже писали газеты.

В мобилизационных кампаниях на втором этапе шла интенсивная подготовка актива – агитаторов в избирательных кампаниях (в 1947 г. по Молотовской области было набрано 43 тыс. агитаторов, из них 18 770 коммунистов, 8507 комсомольцев, в г. Молотове – 6976 агитаторов, из них 1988 – из интеллигенции, 1746 – рабочие^[508]) и отбор членов избирательных комиссий. Этот процесс тоже освещался в прессе, там перепечатывались статьи под заголовками «В помощь агитатору», «В помощь избирателю» или «Положение о выборах». Актив готовили на разных уровнях. На центральном уровне за эту работу отвечало Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), представители которого выезжали в территории:

«В декабре и январе месяцах в обкомы и крайкомы ВКП(б) и ЦК компартии союзных республик были направлены 57 пропгрупп (пропагандистских групп) в количестве 427 квалифицированных пропагандистов. В состав пропгруппы входили 117 работников Управления пропаганды, 64 научных работников и педагогов общественных наук высших учебных заведений г. Москвы и 256 преподавателей и слушателей Высшей партшколы при ЦК ВКП(б). Для руководителей и членов партгрупп был проведен семинар, на котором с инструктивными докладами выступили: т.т. Александров Г. Ф., Шаталин Н. Н., Поспелов П.Н., Горкин А. Ф., Лозовский С. А., Иовчук М. Т., Шамберг М. А., Ильичев Л. Ф. и другие»^[509].

Кроме партгрупп в помощь местным парторганизациям были командированы

«16 штатных и внештатных лекторов и 13 работников по вопросам печати, кино, радио и культ-просвет учреждений. Лекторы прочитали за 2 месяца в 25 областях, краевых и республиканских центрах (Минск, Ташкент, Сталинабад, Кишинев, Свердловск, Молотов, Челябинск, Чкаловск, Сталинград, Куйбышев, Орел, Смоленск, Иваново, Ярославль и пр.) 225 лекций для партийного и советского актива»^[510].

В свою очередь обком партии учил актив районов и городов области. В отчетах по этому поводу был специальный раздел «Подготовка агитаторов». Писали, например, так:

«С агитаторами проведены 3-х дневные семинары, охвачены семинарами свыше 400 человек. Семинары проводили подготовленные товарищи из районного центра, члены бюро РК ВКП(б)»^[511].

Особенно тщательно готовили заведующих агитпунктами:

«С заведующими агитпунктами были в районах организованы систематические семинары, проведены районные и кустовые совещания»^[512].

Райпартактив помогал на периферии, проводились кустовые и районные совещания с агитаторами. При избирательных комиссиях создавались агитпункты, столы справок, устанавливалось дежурство агитаторов и членов участковых избирательных комиссий^[513].

Ход кампании подпитывался передовицами газет, но без активной работы парторганизации с агитаторами последние вряд ли делали бы хоть что-то кроме отчетов. Качество работы агитаторов стимулировали из Москвы. Были «приняты практические меры по проверке исполнения и по организации выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1945 г. "Об организации и организационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР"»^[514]. Далее шли заседания бюро обкома области, а затем начиналась активная деятельность агитаторов в городах и районах. Естественно, процесс агитации шел и в прессе. На первый взгляд кажется, что на собраниях агитаторов должны были критиковать, а в газетах отчитываться об успехах. На деле ситуация несколько иная. Многие газеты публиковали статьи о недостатках в работе агитаторов.

Власть презентовала себя как демократическую. Так что сам процесс выборов представлял собой культурную инсценировку, имитирующую народовластие. Механизм инсценировки был следующим: парторганизация выступала инициатором всего избирательного процесса; секретари парторганизации писали списки возможных членов избирательных комиссий, с каждым знакомился при личной беседе работник горкома или работник горисполкома. На бюро горкома их утверждали, а на следующий день члены комиссий благополучно избирались на собраниях рабочих, служащих и общественных организаций. Еще через 4–5 дней состав комиссий опубликовывала местная газета^[515].

Парторганизация утверждала и обучала агитаторов. К одному агитатору была прикреплена группа избирателей в 25–30 человек (хотя порой было и по 100–150). Обязанности агитаторов включали три главных пункта: изучить настроение каждого, разъяснить каждому избирательную систему, оказать помощь в бытовых вопросах.

Агитаторы должны были на второй день после получения газет читать информацию о выборах избирателям, знакомить их с Положением о выборах, с Конституцией, с докладом Сталина на 8-м Чрезвычайном съезде Советов, с речью Сталина перед избирателями. Беседы следовало проводить не менее раза в неделю. Горкомы и райкомы должны были осуществлять обучение заведующих агитпунктами, проводить семинары агитаторов на агитпунктах. Учителя-агитаторы проводили родительские собрания в связи с выборами.

Агитаторы делали доклады более чем по 40 темам, из которых наиболее важными считались следующие: «Избирательный закон СССР и РСФСР»; «Наши выборы всеобщие, прямые и равные при тайном голосовании»; «Избирательные округа»; «Избирательные комиссии»; «Порядок голосования»; «О Сталинской конституции»; «Конституция СССР – самая демократичная в мире»; «Что дала Сталинская конституция советской женщине»; «Сталинская конституция и советская молодежь»; «Общественное и государственное устройство СССР»^[516]. Избирательный закон изучали в специально организованных агитационных кружках. Например, в Нытвенском районе местные райкомовцы отчитались о создании 112 таких кружков, а в Суксунском – о 375, всего по области обком обнаружил 1476 таких кружков^[517].

Не обходилось без досадных срывов. Не всегда агитаторами оказывались достаточно подготовленные люди. В Чермозском районе парторганизация ЛПХ утвердила заочно агитатором члена ВКП(б) с образованием четыре класса, который работал инструктором-кулинаром. Закрепили его за десятью домами, где он провел три беседы о правилах голосования и ознакомил избирателей с биографией кандидата.

«На вопрос: Почему выборы у нас в СССР являются всеобщими, – он ответил: потому, что они проходят ни в одном месте, а по всей стране, т. к. нужно выбрать несколько депутатов»^[518].

Другой агитатор не смог назвать высший орган государственной власти СССР, а также объяснить, почему выборы являются всеобщими, прямыми и равными. Показательны здесь и сами вопросы избирателей. В других местах спрашивали «Что такое федерация?» и «Будут ли участвовать в голосовании престарелые?».

Граждане не слишком хорошо понимали, что такое демократия, но про это они не спрашивали. В демократичности СССР сомневаться было не принято и даже опасно. Но судя по тому, что слова «всеобщие, равные, прямые выборы» были для них непонятны, содержательная сторона термина «демократия» просто не продумывалась. И агитаторы не далеко ушли от избирателей, хотя им помогала в работе специально перечисленная литература и обучающие семинары для агитаторов.

Вообще говоря, именно в тот период закреплялся культурный эталон, каким должен быть кандидат и его агитатор в избирательной кампании. Идеальный агитатор проводил беседы, делал стенгазеты, устраивал коллективные походы в кино, музей, художественную галерею. Кроме того, оказывал практическую помощь избирателям в разрешении бытовых вопросов через соответствующие организации. Один агитатор для избирательницы Верещагиной добился через горсовет материальной помощи, в доме избирательницы Эйдент исправил радиоточку, которая не работала три месяца, организовал постоянное лечение избирательнице Алексеевой. Другой помогал своим избирателям по трудоустройству детей, в получении квартир, подвозе топлива^[519]. Третий добился через соответствующие организации, чтобы трем красноармейским семьям привезли дрова, а двум детям достали валенки и устроили их в школу^[520]. Так проходила институционализация избирательной кампании. И на сегодняшний день многие, следуя советской традиции, продолжают ждать решения бытовых проблем от кандидатов в депутаты во время выборов.

И еще одно очень важное качество любого агитатора – это умение писать.

6.4. Образ кандидата от блока коммунистов и беспартийных

Официально заявлялось, что «трудящиеся нашей области, так же как и весь советский народ, послали в Верховный Совет РСФСР выдающихся представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции». И действительно, каждый из выдвинутых обладал качествами, одобряемыми в СССР. Во-первых, он был выдающимся представителем своей сферы деятельности – или секретарем обкома, или министром здравоохранения РСФСР, прошедшим трудовой путь от главного врача Первой клинической больницы Молотовского мединститута, или стахановцем, передовиком производства, или председателем передового колхоза, или новатором, или уважаемым агрономом и т. д. Кандидат имел государственные награды за свой труд. Он заслуживал почтения за свою деятельность в годы Великой Отечественной войны. Его уважали люди, обращались к нему за помощью.

Образ кандидата получал отражение в материалах газет и в листовках. В результате все достоинства кандидата указывали на то, что он важная часть государственной машины, «пример честного и умелого служения советской Родине», пример для подражания, помогающий людям. Никаких индивидуальных особенностей; о семейных качествах пишут только про кандидатов-женщин (их две в Молотовской области в 1947 г.). Самое главное качество выдвигаемого кандидата – производственные успехи в той сфере, в которой он работает. Недаром агитаторам вменяется в обязанность показывать связь агитации с хозяйственными задачами, призывать к участию в социалистическом соревновании. Очень показательно ответное слово к избирателям кандидата по Осинскому избирательному округу Шатровой:

«Все то, что говорилось избирателями в отношении моей кандидатуры, я отношу не лично [к] себе, а большевистской партии, советской власти, советским учебным заведениям, воспитавши[м] во мне качество советского специалиста»^[521].

Надписи на бюллетенях показывают, что многие избиратели понимали, что отдают голос не конкретному лицу, а всей существующей власти, более того, самому Сталину как воплощению этой власти.

Если проанализировать листовки, выпущенные для индивидуальной презентации кандидатов, то можно заметить, как личность растворяется во власти. Для этого используются характеристики-штампы: «верный сын народа, стойкий большевик, непримиримый к врагам нашей Родины» (это Иван Зачепа, начальник УМВД по Молотовской области) или «способный, энергичный и инициативный работник... отзывчивый товарищ... он тесно связан с рядовыми железнодорожниками и руководящими кадрами дороги... оказывает постоянную практическую помощь парторганизации в улучшении партийно-политической работы и руководству дороги»^[522]. Эта безликая характеристика относится к секретарю Молотовского обкома по железнодорожному транспорту В. Михайлину.

Связь с властью подчеркивается самими трудовыми заслугами кандидата. Имя кандидата должно тесно переплетаться с его работой («председатель исполкома держит тесную связь с трудящимися округа и пользуется их доверием... округ успешно выполнил государственный план хлебозаготовок»), государственными наградами. У авторов листовок заслуги кандидата тождественны заслугам его подчиненных или его отрасли. Про председателя колхоза «Восход социализма» И. Няшина в листовке написано: «успехи колхоза широко известны... в колхоз приезжают десятки руководителей колхозов из других районов поучиться»^[523]. Про ректора молотовского университета Р. Мерцлина пишут, что «многие научные работники университета в годы войны защитили диссертации», а потом, почти следом, «он является автором 35 научных трудов».

Рассматривая одобряемые характеристики кандидатов, мы можем определить, что считалось образцово-показательным именно в указанное время. В 1940-е годы наиболее

позитивными показателями были трудовая карьера и трудовые награды. Необходимо отметить, что буквально только что закончившаяся война хоть и упоминалась в характеристике, но не занимала значимых позиций. Фронтовики среди кандидатов в депутаты практически не было. А вот передовая трудовая деятельность есть у всех.

Таким образом, сталинская эпоха не предусматривала при проведении выборов ничего, кроме презентации власти. Инсценировка демократических процедур требовала индивидуальной презентации достойнейших членов советского общества. Но вместо личностей перед гражданами появлялась сама власть, в которой эти личности растворялись, становились ее составной частью.

6.5. «Единодушная поддержка блока коммунистов и беспартийных» и «союз недовольных»: мобилизационный этап кампании и реакция масс

Для мобилизации масс в ходе избирательной кампании проходили встречи с кандидатами. Когда речь шла о выборах в местные Советы, то это было не сложно организовать, но выборы в Верховный Совет СССР предполагали приезд в г. Молотов Н. Шверника. Отчеты звучат совершенно неправдоподобно:

«С товарищем Шверником Н. М. проведено три встречи, присутствовало на них 26 тысяч человек. На встречу с тов. Шверником на заводе им. Сталина собралось 15 тысяч человек, на встречу на заводе им. Молотова собралось 10 тысяч человек. На встречу в театр оперы и балета собралось свыше тысячи человек».

Цифры с заводских собраний явно преувеличены. Судя по всему, это число всех работников заводов. Тем не менее все кандидаты выступали на собраниях вместе с их доверенными лицами и агитаторами и специально подготовленными рабочими.

Реакция масс в рамках избирательной кампании не была совершенно единодушной. Можно выделить несколько типов этой реакции (эта типология будет аналогичной типологии реакции на репрессивные кампании): 1. «Лояльные избиратели». Они полностью поддерживают власть и участвуют в ритуале. Их участие может быть молчаливым или сопровождаться письменными и устными высказываниями в поддержку. Причем следует отметить, что они могут про себя думать все что угодно, главное, что на деле они лояльны. 2. «Оппортунисты». Часть из них всеми силами избегает участия в ритуале выборов. Другая часть выражает свое отрицательное отношение к ритуалу в скрытой или открытой форме. 3. «Лукавые». Они участвуют в выборах не бескорыстно. Они ждут, что их действия помогут им в решении повседневных проблем. Они надеются реально повлиять на ситуацию. Рассмотрим все эти типы отдельно^[524].

1. Лояльный представитель большинства мог прийти на избирательный участок задолго до его открытия (голосование начиналось в 6 утра). Бывали случаи (их отчеты фиксировали особо тщательно), что избиратели оказывались возле двери участка даже в 2 часа ночи^[525]. Люди приходили семьями, коллективами, с друзьями и гармошкой. Имя того, кто голосовал первым, вносилось в отчеты (это всегда был достойный человек с заранее подготовленной речью, так что можно предположить, что его роль была запланированной). Опуская бюллетень в урну, он говорил шаблонные слова с личностными элементами, типа «Я уже третий раз голосую первым, от всей души отдаю свой голос за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных»^[526]. Эта категория избирателей не молчала. Они говорили на митингах и собраниях, на избирательном участке, когда бросали бюллетень в урну. Например, 75-летний колхозник С. Федосеев заявил:

«Я дожил до старости, в этот день я чувствую себя моложе, только при Советской власти могу голосовать наравне со всеми гражданами, голосую за товарища Софронова, за нашего Коми-Пермяка, верного сына нашего коми-пермяцкого народа»^[527].

Властная пропаганда диктовала людям, как говорить и что чувствовать. Человек принимал правила игры и произносил чужие слова, готовые шаблонные тексты. Например, избирательница Бурцева говорила, опуская бюллетень в урну: «Я голосую за лучших людей, за наших славных кандидатов тов. Швецова и тов. Шверника. Они нас не подведут, оправдают наше доверие, люди хорошие и достойные»^[528]. Другие высказывались чуть менее шаблонно, добавляя специфики личной ситуации и эмоций. Некоторые люди опускали в избирательную урну стихи о выборах: «1. Какой восторг, какое счастье/Жить трудящимся теперь,/В стране и равенства и братства,/В стране могучей СССР. 2. Сегодня праздник у нас большой,/И знаменательная дата,/Сегодня дружно изберем/ В Совет Верховный депутата. 3. И радостен и счастлив я,/ Играю и пою,/ За партию, за Сталина/ Я голос отдаю»^[529]. Эта категория избирателей не отличала кандидата, за которого отдавала голос, от самого Сталина или отождествляла его с коммунистической партией. И если речи могли быть отрепетированы, написаны под диктовку или додуманы авторами отчетов, то надписи на избирательных бюллетенях были делом добровольным и передавали реальное мнение людей. В них то же нерасчлененное мнение о кандидате:

«Голосуя за Вас, я голосую за тов. Сталина», «Я голосую за К. М. Хмелевского, я голосую за партию Ленина-Сталина и наше правительство»^[530].

Порой в избирательных урнах оказывались письма с благодарностями советскому правительству, коммунистической партии и лично И. Сталину «за их заботу об укреплении Родины и улучшении жизни народа»; например, в Нытвенском районе обнаружили 18 таких писем. Одно из них было написано с особым старанием, видна тщательная предварительная подготовка:

«Работница завода т. Пермякова Елена на одной стороне листа, обрамленного цветами, пишет: Александру Ивановичу Печищеву, Николаю Михайловичу Швернику. "Поздравляю Вас с кандидатом в депутаты в Верховный Совет СССР". На второй стороне листа нарисована эмблема сердца, на которой изображены граница, пограничник с собакой и вверху самолет. Ниже следует надпись: "Да здравствует наша Родина! Да здравствует наш вождь и учитель любимый т. Сталин!"»^[531].

Такая поддержка ритуала свидетельствовала о погруженности в советский миф. Почти невыносимые условия жизни скрывались в тени пропаганды великой идеи светлого будущего. Даже через разговоры избирателей перед выборами в Верховный Совет СССР фиксируются подобные представления: «во всех разговорах чувствуется и высказывается большая, спокойная уверенность в том, что страна Советов идет к процветанию»^[532]. Тяжелые жилищные условия, отсутствие теплой одежды и обуви казались чем-то временным гражданину великой страны, победившей в войне и построившей особую демократию.

2. Второй тип избирателей автор одного анонимного письма назвал «союзом недовольных».

Одна из разновидностей таких недовольных — это люди, не явившиеся на избирательный участок. В Молотовской области проголосовали в 1947 г. 1 285 330 человек, или 98,92 % от списка, в 1946 г. на выборах в Верховный Совет СССР было 99,25 %. В г. Молотове доля участвовавших в голосовании немного ниже — 95,73 %. Эта разница связана всего с одним избирательным округом города. В округе № 405 голосовали за директора Мотовилихинского завода тов. Быховского. И там случился более масштабный сбой ритуала. Проголосовали 89,26 %, из них в Молотовском районе 13,8 % проголосовали против кандидата. Это 6180 человек из 45 025 избирателей^[533]. В остальных округах статистика стандартная — от 97,98 до 99,84 %^[534]. Таким образом, не голосовали в большинстве округов от 0,16 до 2,02 %, только в г. Молотове в 1947 г. уклонистов оказалось 4,27 %. Эти цифры показывают тех, кто, как говорят, «голосовали ногами». Другая часть данной категории избирателей пришла на выборы и проголосовала «против», испортила бюллетени или забрала их с собой, не бросив в урну.

Выборы в местные Советы были чуть более разнообразными по результатам, хотя официальные проценты проголосовавших такие же. 21 декабря 1947 г. три сельских округа забаллотировали своих кандидатов, проголосовав «против» большинством голосов. В выборах в сельсоветы участвовало немного людей. Первый проигравший выборы кандидат имел «за» 27 голосов и «против» – 32. Второй: «за» – 9 голосов, «против» – 42. Третий: «за» – 33 голоса, «против» – 35^[535]. Почти поровну. Все трое были действующими председателями сельсоветов.

Чтобы понять, сколько было несогласных на выборах в местные Советы, обратимся к данным о количестве бюллетеней, в которых вычеркнуты фамилии кандидатов (назовем это голосованием «против»), и о числе недействительных бюллетеней. В областной Совет «против» проголосовали 9389 человек (всего голосовали 1 301 394 человека), что составляет 0,72 %, недействительными оказались еще 113 бюллетеней. В районные Советы «против» были 4982 человека (0,67 %) и 58 испорченных бюллетеней. В городские Советы областного подчинения «против» были 3845 (1,2 %) и всего 6 испорченных бюллетеней. В поселковые Советы «против» были 1356 человек и 4 испорченных бюллетеня. В сельские Советы «против» голосовали 7971 человек (1,24 %) и 23 испорченных бюллетеня^[536]. Можно подытожить ситуацию: В Молотовской области было около 1 % избирателей, которые голосовали против обозначенных кандидатур. Казалось бы, действительно немного. Но не следует забывать, что результаты статистики должны были соответствовать определенным стандартам. Так называемая туфта была не чужда тогдашним авторам отчетов. В Губахинском горкоме так расстарались, что в процентах общего числа проголосовавших даже появились тысячные – 99,375 %^[537]. Так что, скорее всего, несогласных было больше. Но даже по официальным отчетам можно найти отличия, если посмотреть отдельные районы и округа. Например, наименьшую долю проголосовавших «за» на выборах в городские Советы получила заведующая детскими яслями в г. Усолье Ворошиловского района, против которой проголосовали 24 % избирателей^[538]. На выборах в сельские Советы, помимо трех проигравших кандидатов, были кандидаты с 33 и 35 % «против».

Отдельные случаи сопротивления выборам можно найти в отчетах Молотовскому обкому ВКП(б). Их можно условно разделить на молчаливые и словесные. Среди молчаливых, например, такие – было опущено в урну «Удостоверение на право голосования» в Куединском районе, в Ныробском районе в урне оказался чистый лист бумаги^[539]. Отдельные граждане скрывались из дома рано утром, чтобы не пойти на избирательный участок.

«На участке № 129 (город Молотов) избиратель Рыбакова категорически отказалась пойти голосовать. С этой целью в 6 часов утра ушла из квартиры, закрыв ее, и до сих пор не явилась»^[540].

В Чердынском районе умудрились сбежать из дома сразу два глухонемых пожилых избирателя^[541]. Далее в отчете того же Чердынского райкома ВКП(б) как достижение приводится факт, что на выборы в Верховный Совет РСФСР не явились только семь человек, а в предыдущие выборы в Верховный Совет СССР таких было 25.

В редких случаях звучат причины отказа от голосования. Отчет Молотовского обкома ВКП(б) сообщает:

«Девять человек отказались от голосования, к ним относятся в Кунгурском районе – три бывших монахини, объяснившие отказ от голосования религиозными убеждениями. В городе Березники – плотник Севуралтяжстроя Стрельник А. В., бывший деникинский офицер, отбывший 15-летнее заключение по статье 58 Уголовного Кодекса, из-за обиды на советскую власть. Рабочий Лысьвенского завода Ермаков Е. А., 1926 года рождения, три домохозяйки в Чердынском районе и одна домохозяйка в Пермско-Ильинском районе отказались сообщить причины отказа от голосования. 377 бюллетеней оказались полученными, но не опущенными в избирательные урны»^[542].

Словесные формы несогласия – это разнообразные надписи на бюллетенях, высказывания на предвыборных собраниях, а также анонимные письма, оказавшиеся в урне для голосования.

Отрицательные надписи встречаются нечасто. На выборах в местные Советы их было всего 159 на фоне 1554 положительных по всей Молотовской области^[543]. Отдельные районы и округа отличались большим числом отрицательных надписей, но положительных всегда больше. В Ленинском районе г. Молотова 20 отрицательных на 100 положительных надписей. 13 отрицательных надписей найдено на весь Чердынский район.

Анонимные письма в урне для голосования – еще более редкое явление. Одно удалось найти целиком в материалах архива. Оно было обнаружено в Коми-Пермяцком округе. Тот, кто его писал, не питал иллюзий относительно советского режима:

«Если идейный коммунист – то все равно доведет пермяков до гроба. Хлеб забрали под метелку по 5 р. центнер, а сейчас продают мякину по 113 р. центнер – это самая бессовестная наглая спекуляция на глазах голодающего народа... В сентябре школы открывают, а в ноябре закрывают, и гонят голых ребятишек, гонят рыть картошку из мерзлой и грязной земли, а в декабре хлебушко косят! Заготавливают миллионы к/м лесу, а не могут обеспечить единственную в городе баню и электростанцию дровами, школы без дров, ребятишки нагие, босые, голодные колют как тараканы в школах, отсюда грипп и другие эпидемии на лицо. В деревне ребятишек вот уже 5 месяцев хлебом не кормят, а на словах коммунисты – как на гусях, за 30 лет научились красиво говорить, на деле ведут народ к физическому вымиранию...»^[544].

В докладной записке по Нытвенскому району сказано о еще двух таких письмах:

«...на избирательном участке № 31 (г. Нытва, дом обороны) была обнаружена записка контрреволюционного характера. На избирательном участке № 34 к бюллетеню оказался приклеенный лист бумаги, заполненный контрреволюционным содержанием, указана подпись Устькачкинцев, личность не выяснена»^[545].

В данной докладной записке нет содержания этих писем, однако одно из них удалось найти в другом деле. Записка с 31-го участка совсем короткая, но содержательная:

«Долой паразитов, обременяющих народ налогами, займами, алиментами. Да здравствует американская и английская демократия. Кто портит бюллетни, тот в союзе недовольных, скоро все услышат про этот союз. С.Н. (Союз недовольных)»^[546].
Разумеется, и эти письма стали поводом для разбирательства МГБ.

В случае обнаружения авторов писем и надписей их ждали аресты. Но, как правило, они не спешили проявлять себя явно. И оставались в меньшинстве. «Союз недовольных» хранил свою тайну, о нем так никто и не услышал.

На бюллетенях некоторые избиратели критиковали власть и коммунистов:

«Горсовет свел город почти на последнее место, не достоин!», «Даешь большую торговлю, долой колхозы»^[547], «Сытый голодному не понимает, преимущественное положение руководителей делает их господами буржуазии, а за них я не голосую»^[548], «Мы кровопийцев не выбираем, от них и так уж... (далее неразборчиво)»^[549], «Мы не голосуем голодные, нам не надо коммунистов»^[550], «было бы хорошо, если бы бог переменил большевиков»^[551].

И та небольшая группа людей, которые голосовали «против», выпала из советского мифа. Они не только четко осознавали реальность, но и понимали, кто на эту реальность действительно влияет. Выборы они тоже воспринимали без прикрас пропаганды. Докладная записка начальника горотдела МГБ на имя секретаря Березниковского горкома от 5 февраля 1947 г., помеченная грифом «Совершенно секретно», информирует партийное руководство города о настроениях населения в период избирательной кампании в Верховный Совет РСФСР. Сообщив, что большинство трудящихся активно одобряют и поддерживают это мероприятие, офицер ГБ перешел к освещению неправильных мнений меньшинства, подслушанных его агентами:

«Бывший кулак "Д" среди рабочих говорил: "...До того доголосовали, что кушать нечего. Раньше не голосовали, а всего было довольно. Если будут все время колхозы, то ничего не будет. Когда дадут свободно жить людям, тогда все будет, а если дальше это будет продолжаться, то совсем с голоду сдохнем. Провались эта вся жизнь". Слесарь Мендерский во всеуслышание заявил: "А кто же будет голосовать за Белый дом? Конечно, мы!", "...Смешно, будем голосовать, а кандидат по избирательному округу один. На самом деле было бы их 4–5, другое бы дело. Вообще все это чепуха!"»^[552]. Эта категория граждан, ничего не боясь, высказывала свое мнение на собраниях, организованных агитаторами. Например,

«избиратель Гавронский... о порядке выдвижения кандидатов в депутаты сказал: "При выборах в царскую думу сами выбирали, кого хотели, которые защищали наши рабочие интересы, а сейчас кого назначают, за того и голосуем". Избиратель Угринов... заявил: "Голосовать я не пойду, была старая буржуазия, а сейчас новая, никакой разницы"»^[553]. Надписи на бюллетенях тоже свидетельствуют о здравом понимании реальности советских выборов:

«Зачем устроена вся эта игра, ложь? Если масса и не голосует, то все равно парторганы протянут того, кого хотят. Все это ширма»; «Липовая демократия. В нашей стране не выборы, а комедия, разыгранная голодному зрителю. Не хочу голодом голосовать»^[554]. 3. Избиратели третьего типа были названы «лукавыми». Они не хотели идти голосовать просто из лояльности, они хотели что-то получить взамен. Или хотя бы повлиять на то, чтобы кандидат реально делал что-нибудь для своих избирателей. В селе Покча агитатор знакомила избирателей с жизнью и деятельностью кандидата в Верховный Совет РСФСР секретаря Молотовского обкома ВКП(б) Кузьмы Хмелевского. Дослушав почти до конца, один из слушателей не выдержал и сказал:

«Я голосовать не пойду, так как меня не кормят хлебом, в прошлом году я голосовал за какого-то плута и он не хочет кормить хлебом».

Автобиография Хмелевского натолкнула его на дальнейшие высказывания:

«...видишь, он вошел в партию, так теперь сам обедает в закрытых столовых и получает пайки в закрытых магазинах и на нас обращать внимание не будет»^[555].

Очевидно, что подобные высказывания расценивались как антисоветские, и докладная по поводу них отправилась в МГБ. Далее в документе следует описание проблемы с хлебом и приводится часто повторяемое на собраниях высказывание:

«...за истекшую десятидневку увеличилось количество сообщений агитаторов о том, что избиратели, в связи с тем, что им не выдали карточки на получение хлеба на февраль месяц, заявляют – "раз нас правительство не кормит и не хочет кормить, мы в день выборов на избирательный участок не пойдем и голосовать не будем"»^[556].

Еще одна разновидность «лукавого» избирателя встречалась особенно редко. Он, действуя строго по Конституции, решил выдвинуть собственную кандидатуру в качестве кандидата в депутаты. В Молотовской области в Афонанском колхозе Крохалевского сельсовета Юсьвинского района председатель колхоза выставил «дикую»^[557] (не согласованную с партией) кандидатуру на выборах в Верховный Совет СССР. Он собрал «свой актив» и выдвинул на собрании избирателей в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР свою сестру (в информации отмечается, что она была дочерью кулака-торговца, ее исключили из партии за сокрытие социального положения). Больше он никого не выдвигал, не выдвинул даже Сталина, Молотова и других. Как ни парадоксально, но у него все получилось. Кандидатуру сестры собрание одобрило. Конечно, сразу вмешался райком ВКП(б), на место выехал один из секретарей. Дело было скандальным. Решение собрания было отменено через четыре дня и были выдвинуты правильные кандидатуры – Сталин, Молотов, Шверник и Радостева. В данном случае невозможно узнать, по какой причине председатель колхоза не понял с самого начала, что кандидатуры депутатов не могут выдвигаться по собственной воле, почему он проигнорировал ритуальность выборов. Но, разумеется, поплатился за свое «своеволие». Председатель колхоза был быстро снят с должности и вместе с сестрой

обвинен в уголовном преступлении (присвоении государственного и колхозного имущества). Такое поведение поразило своей «наглостью» и абсурдностью даже тех, кто писал отчет. Факт, конечно, был единичным на выборах столь высокого уровня. Хотя в книге Е. Зубковой описан аналогичный случай, когда в Краснодарском крае выдвинули несогласованную кандидатуру местного Героя Советского Союза^[558].

Через надписи на бюллетенях некоторые избиратели надеялись донести до власти свои нужды и надежды. Они полагали, что бюллетень, как письмо, будет доставлен прямо кандидату, и писали длинные надписи с личными просьбами:

«Голосую за Вас, как за достойного сына русского народа, стража советских законов. Я, Кетов Георгий Георгиевич, работаю на заводе имени Сталина гор. Молотов с 1933 г., вначале с ученика ФЗУ по специальности формовщика 5 разряда и далее бригадиром и мастером. Всю войну я проработал на заводе имени Сталина мастером. У меня плохое бытовое положение, я живу с семьей 4 человека на частной квартире. Завод мне квартиры не дает, все обещает. Это уже длится в течение 6-ти лет. Я потерял всякую надежду получить квартиру в заводе или жакте, поэтому прошу Вас дать указание директору завода им. Сталина тов. Солдатову, чтобы без бюрократии мне выдали квартиру в домах завода. Адрес: г. Молотов, ул...»^[559].

Видимо, этот избиратель всерьез надеялся на особый эффект от такого действия в день выборов. Подобным образом избиратель из г. Березники требовал решения вопроса с квартирой «только сегодня (в день выборов. — А. К.), иначе он голосовать не будет»^[560].

Можно выделить наиболее значимые сюжеты просьб избирателей.

1. Наиболее часто просили решить проблему продовольственного снабжения, особенно хлебного. В сводках отмечены даже слухи о надвигающемся голоде. Люди писали так:

«Мы выбираем вас на то, чтобы кормить хлебом. Хлеба надо», «За тебя я голосую, тов. Няшин, но ты снабжай нас хлебом, как себя», «Ставлю крест, т. к. меня не устраивают 150 гр. хлеба». И опять рифма: «Я вас выбираю, хлеб ожидаю», «За нищету и голод не отдаю свой голос»^[561].

2. Проблема касалась товарного дефицита:

«Депутат должен обратить серьезное внимание на неосвещенность многих улиц города Молотова, на торговлю — нет мужских брюк и валенок, детской обуви, женских ботинок»^[562].

3. Жилищная проблема:

«Забойтесь о рабочем классе, обеспечивайте жильем»^[563], «Моя просьба к тов. Майтарджеву ходатайствовать перед правительством, чтобы изменили постановление о выселении из квартир зимой с детьми»^[564].

4. О благоустройстве города:

«т. Мельник проявите больше инициативы в благоустройстве нашего города» или «В Ленинском районе нет ни мойки, ни прачечной, просим устроить»^[565], «Улучшить санитарное состояние города и в частности район Разгуляй», «Построить в Разгуляе тротуары»^[566].

5. Проблема оказания помощи семьям погибших на фронте:

«Товарищу Хмелевскому вопрос, почему семьям убитых нет никакой помощи»^[567]. Были надписи, в которых звучали просьбы «от себя», лично окрашенные: «Выстроить в этом районе баню, невозможно с детьми стоять в очереди по 4–5 часов», «Увеличить заработную плату дворникам», а на бюллетене кандидата-учительницы написали: «справедливо ставить оценки ученикам»^[568]. Большинство подобных надписей свидетельствуют о том, что избиратели наивно верили в реальные возможности депутатов Советов и не замечали ритуального характера выборов.

6.6. Реализация целей и задач кампании и ее результаты

Партийные организации контролировали весь процесс избирательной кампании, но в день выборов они были особенно внимательны. «В 4 часа утра райком партии организовал проверку избирательных участков. Все участковые комиссии были на месте»^[569].

Участки открывали заранее, чтобы могли собираться избиратели. Для этого «с 4–5 утра на всех избирательных участках работали буфеты»^[570]. Ровно в 6 утра начиналось голосование. К этому времени на каждом участке находились десятки избирателей, агитаторы следили за тем, чтобы первыми голосовали самые пожилые, а потом самые молодые избиратели (и те, и другие зачастую голосовали впервые). На одном участке в Верецагинском районе Молотовской области смогли найти женщину, которой было 105 лет, она даже сказала речь, когда опускала бюллетень в урну^[571].

Было желательно, чтобы 100 % проголосовали быстрее, показав полное единодушие. Лучшие агитаторы могли довести закрепленных за ними избирателей до голосования к 14–15 часам дня, самые быстрые – «обеспечили уже к 8 часам утра 100 % явку на голосование всех избирателей»^[572]. На самом деле на большинстве участков больше 95 % избирателей проголосовали к 16 часам. В Ординском районе «для подвоза избирателей было выделено 438 лошадей, запряженных в лучший транспорт»^[573].

Праздник был в разгаре весь день. «Во всех городах и районах области с раннего утра начались массовые гуляния. Молодежь и пожилые вышли на улицы, всюду были слышны песни и музыка»^[574] – именно так атмосферу праздника передает отчет.

Большая часть праздничных событий была организована властью. В число развлекательных мероприятий входили в первую очередь киносеансы, выступления художественной самодеятельности и танцы: «В районном доме культуры культурное обслуживание было начато с 8 утра до 10 часов вечера. Киносеансы чередовались с концертами драмкружка дома культуры и детской самодеятельностью в городской средней школе. С 10 часов вечера танцы под баян и под радиолу». Завершить всенародный праздник не всегда удавалось в положенное время.

Чтобы день выборов прошел успешно, организаторы кампании подстраховались экономически:

«К дню выборов в Верховный Совет СССР трудящиеся нашего города, как на шахтах, а также на стройках были обеспечены выдачей заработной платы. На шахтах треста “Коспашуголь” рабочие полностью получили аванс за февраль месяц»^[575].

В других организациях дали зарплату за весь февраль. При этом не следует забывать, что случилось это в марте с 7-го по 11-е число.

Но главным фактором, способным оказать положительное воздействие на людей в те годы, была еда: буфеты с бутербродами, пирожками, пряниками, карамелью, квасом, морсом, пивом и папиросами. Даже самые маленькие дети участвовали в дне выборов, на участках для них создавались детские комнаты с игрушками, можно было купить кондитерские изделия, конфеты, мороженое. В г. Молотове детям дарили подарки^[576]. Праздник включал культурное обслуживание: бригады художественной самодеятельности, концерты, радио, киносеансы, баянисты и даже джаз.

На избирательных участках организовывали комнаты отдыха с разного типа развлечениями: в одних «играли в шашки, шахматы, домино, читали газеты, журналы и художественную литературу»^[577], в других «под баяны, аккордеоны, гармошки и радиолы пели песни и танцевали»^[578].

Выборы проходили в выходной день, да еще были обставлены как праздник, а в праздник не редко пили спиртосодержащие напитки. Отсюда в отчетах о дне

голосования масса примеров пьянства тех, кто отвечал за качество проведения выборов, например в справке из Большесосновского района перечислено 11 случаев пьянства агитаторов, членов партии, доверенных лиц и членов избирательной комиссии^[579]. Это не так много, но впечатление портило. «Дебоширство пьяных» отмечалось практически по всем районам.

Эстетическое оформление избирательного участка и его функциональные (агитационные) составляющие имели большое значение и строго контролировались. Идеальное оформление участка выглядело примерно так: «...всюду — на столах, диванах, стенах красивые ковры. Контуры урн и кабин освещены маленькими цветными электрическими лампочками... пятиконечные звезды освещают портреты товарищей Ленина и Сталина, помещенные в центре звезд. На окнах тюлевые шторы»^[580].

Человек, сознательно отказавшийся голосовать за обозначенную кандидатуру, автоматически причислялся к людям, не лояльным к советской власти. В сталинскую эпоху это было опасно для жизни и свободы. Поэтому чаще всего они скрывали свои имена.

Отчет об успехах кампании включал информацию не только о выборах, но и о перевыполнении планов всеми гражданами страны. В большинстве случаев это перевыполнение было незначительным, тем не менее успехи в труде были тесно связаны с успехом избирательной кампании. В послевоенные годы избирательные кампании следовали друг за другом чередой: выборы в Верховный Совет СССР 1946 г., в Верховный Совет РСФСР 1947 г., шли также выборы в местные Советы. Все более профессиональными становились агитаторы, и все лучше они умели отчитываться, минимизируя свои реальные временные затраты на агитационную работу, все больше ритуализировался избирательный процесс.

Заключение

Политические кампании как неперенный атрибут политической жизни появляются в СССР еще в годы военного коммунизма и начинают особенно широко применяться в практике управления в 1920-е годы. В это время их инициаторами могла быть не только власть, но и рабочие коллективы, низовые партийные органы и первичные организации, профсоюзы и другие общественные объединения. Во многом это был стихийный процесс, лишь со временем, на протяжении 1920–1930-х годов, подвергшийся постепенной унификации со стороны центральных органов партии. После войны право проводить политические кампании окончательно монополизировалась центральной властью, а сами кампании приобретают законченный вид, становятся проводником исключительно воли политического руководства и главным механизмом реализации провозглашенной политики. При этом политические кампании, несмотря на энергичность реализации или угрожающий характер, становятся привычными условиями существования, окончательно превращаются в обыденную практику.

Политические кампании как основной элемент государственного управления той эпохи обладали двумя взаимосвязанными социально-политическими функциями. Прежде всего они были инструментом политической мобилизации масс, обеспечивающим участие людей во всех основных начинаниях властей. Но в то же время они являлись и инструментом нормализации общества, введения новых образцов, норм и правил поведения, нового языка. Исполнение этих функций становилось возможным благодаря той особенности, которая отличала кампании от других политических инструментов, применяемых в СССР (например, секретных операций, примером которых в довоенный период стала «антикулацкая операция» 1937–1938 гг., а после Великой Отечественной войны — депортация народов). Речь идет об организации обязательного участия в политических кампаниях широких слоев населения, благодаря чему люди становились не просто зрителями, но и создателями, наравне с властью, новых порядков и дискурсов. Разумеется, все это происходило по инициативе самой власти, права отклониться от

участия в ритуалах политических кампаний не было ни у рядового участника тех событий, ни у номенклатурного работника. И тем не менее коллективное чтение газет, проведение собраний и обсуждений, когда большинство участников должны были включиться в заданный ритуал в качестве ораторов, агитаторов, бдительных разоблачителей, а то и жертв, «разоблачающихся перед партией и народом», стали действенным методом управления, формирования «советского человека», контроля над мыслями, реакциями и действиями большинства жителей страны.

Несмотря на то что после смерти Сталина привычка управлять обществом посредством политических кампаний стала постепенно сменяться более спокойными процессами ежедневной, плановой работы, этот метод управления периодически возрождался, особенно в экстренных ситуациях. Так, процессы над руководителями органов МГБ в 1953–1954 гг. все еще организованы по сценарию политической кампании, со всеми необходимыми этапами и атрибутами. Да и потом в кризисных ситуациях руководство страны не раз прибегало к старым, хорошо зарекомендовавшим себя приемам, например при освоении целины или в ходе борьбы с «антипартийной группой» Молотова – Кагановича – Маленкова. Отдельные элементы политических кампаний без труда прослеживаются и позже, хотя и не в таких масштабах.

На основании анализа архивных источников и советской прессы можно выделить два типа политических кампаний, проводившихся в послевоенные годы. Первый тип представлен кампаниями, направленными на мобилизацию населения для участия в «строительстве социализма». В данной книге он рассматривался на примере проведения выборов в Советы разных уровней. Второй тип – это репрессивные политические кампании, например кампании против художественной интеллигенции, борьба с космополитами, «суды чести» и «дело врачей».

Благодаря определенной рутинизации политической жизни в послевоенные годы историку открывается возможность обобщить и реконструировать механизм политических кампаний, описать единую, типовую схему их проведения. Эта схема включает неперенный набор этапов разворачивания кампании: 1) идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу о начале кампании с обозначением целей, указанием на возможных врагов и введением ключевых понятий задаваемого политического дискурса; 2) организационный этап, на котором преследовалась цель институционализации кампании; в этот момент создавались необходимые рабочие органы управления данной кампанией на местах либо обозначался дополнительный функционал для уже существующих управленческих подразделений; 3) этап мобилизации масс, предполагавший перенос кампании в регионы, инициацию ответной активности общества в процессе проводимых собраний, организацию писем к власти, публикаций «ответной» одобрительной реакции на инициативу властей; этот этап зачастую совпадал по времени с предыдущим; 4) реализация целей и задач кампании, что предполагало проведение конкретных действий на местах, скажем выборы в рамках мобилизационной кампании или поиск врагов, увольнения, исключения из партии и аресты (при проведении репрессивных кампаний); 5) отчет об успехах, наиболее свойственный мобилизационным кампаниям, но используемый и при кампаниях репрессивных; в любом случае, этот этап обеспечивал плавный переход к следующей политической кампании того же типа. При этом каждый этап сопровождался постоянной «обратной связью», причем по разным каналам, начиная с донесений агентов органов государственной безопасности и заканчивая парадными реляциями и отчетами.

Еще одной важной функцией политических кампаний была выработка новой советской идентичности через сплочение общества либо в борьбе с общим врагом, либо в ходе выполнения очередной задачи позитивного толка. Такое сплочение в ходе репрессивных кампаний реализовывалось прежде всего через стратегию поиска и разоблачения «врага». Власть старательно поддерживала этот мифологический образ «врага – чужого», в качестве которого в довоенные годы выступали «вредитель»,

«кулак», «враг народа» или «иностранный шпион». В послевоенные годы на роль врага был назначен практически один персонаж – «склонившийся перед западом космополит», чаще всего еврей. Образ врага, созданного во время политических кампаний поздней сталинской эпохи, по-прежнему позволял власти поддерживать миф о враждебном окружении, укреплять уверенность, что советский человек живет в прогрессивной и самой демократичной стране мира, которую надо защищать от проникших внутрь врагов – космополитов и при этом, живя в рамках ограниченного снабжения продуктами и промтоварами, в тяжелых жилищных условиях, с энтузиазмом строить коммунизм.

Но реальные практики реализации кампаний на местах свидетельствуют, что реакция местных властей и масс на кампанию не была однозначно исполнительской. Прибегая к теории практик и методологии истории повседневности, можно выделить три типа реакции, фиксируемых по документам: полная лояльность (молчаливая или с гласным выражением поддержки), свойственная, очевидно, большинству граждан; открытый, а чаще, разумеется, скрытый оппортунизм, проявлявшийся в самых разнообразных формах, от ругательных надписей на бюллетенях до критических разговоров в очередях или «неудобных вопросов» на собраниях; и «лукавство», подразумевавшее демонстративную поддержку целей и методов политических кампаний, но вместе с тем и использование ситуации для реализации своих потребностей и интересов.

Провинциальные руководители привыкли за годы войны и восстановления страны к тому, что массовые репрессии ушли в прошлое. Они почувствовали себя более уверенно, самоорганизовались в «кланы», консолидировались, их деятельность рутинизировалась и институализировалась. Между ними возникли прочные личные связи и даже своего рода чувство взаимной солидарности. Хозяйственные руководители, избегая институциональных ловушек плановой экономики, применяли неформальные практики, в том числе коррупционного типа. Местная номенклатура и хозяйственные руководители научились при помощи волокиты и отговорок тихо сопротивляться приказам центральной власти. Вероятнее всего именно эта ситуация послужила причиной репрессивных мероприятий Сталина, таких как «Ленинградское дело» и «дело врачей» (местные архивы свидетельствуют, что она могла инициировать глобальную чистку среди начальников – «зажимщиков критики» и создателей «семейки»).

Советская промышленность в послевоенные годы достигла такого уровня развития, что ее дальнейшее усовершенствование угрожало устоям тоталитарного режима. Реконструкция легкой промышленности, ускоренное жилищное строительство, увеличение продуктивности сельского хозяйства могли привести к усилению экономической дифференциации, возрождению частного интереса в производственной деятельности, сужению сферы прямого контроля над людьми, получившими отдельные квартиры^[581]. Непозволительным для советской системы было также развитие промышленности по западному стандарту. Закрывались целые научные проекты, подозрительные по своему происхождению или философскому обоснованию. Нельзя было допустить распространение западных образцов техники. Это поставило бы под сомнение превосходство социалистического мира над буржуазным. Эту задачу, кстати, тоже решала кампания в науке и борьба с космополитами.

По мере усиления потребности перехода к новой, научно-индустриальной ступени модернизации сложившаяся в годы индустриализации и в военный период конфигурация промышленного производства, когда немногочисленное ядро высококвалифицированных рабочих соседствовало с преобладанием малообразованных, низкоквалифицированных, доиндустриальных работников, становилась все менее пригодной для поддержания хозяйственной жизни. Появлялись серьезные трудности в решении кадрового вопроса, которые ставили руководителей предприятий в уязвимое положение. Директор Березниковского азотнотукового завода А. Семченко в ответ на обвинение в политической близорукости (принял на должность

главного архитектора инженера с судимостью по 58-й статье) не без раздражения объяснял, что он это делал, делает и будет делать впредь, поскольку других работников в его распоряжении нет: «Должен информировать, что положение с кадрами на заводе остается по-прежнему тяжелым, так как значительная часть ИТР, рабочих и служащих не может быть допущена к секретной переписке»^[582]. Чиновники МГБ отправили инженера в ссылку, однако на его место Семченко назначил другого репрессированного. Таких работников можно обнаружить почти на всех предприятиях. Директор Верецагинской трикотажной фабрики Петренко, выслушав обвинение в неправильном подборе кадров, оправдывался:

«Дело в том, что в вопросе подбора кадров ни главное управление, ни Министерство легкой промышленности... помощи не оказывают... Я обращался и в райком партии, где мне обещали, но пока не помогли... В настоящее время у нас работает один инженер, и тот судим по 58 статье»^[583].

Кадровые службы отраслевых министерств при необходимости поступали так же, назначая на руководящие должности, вплоть до заместителя главного инженера треста, людей, отбывших

«...срок по 58 статье, по 10–12 лет за контрреволюцию и вредительство». Начальник треста, напуганный такими назначениями, публично сетовал, что «министерства смотрели на эти стройки как на ссыльный пункт»^[584].

Все эти индустриальные изменения и конфликты порождали разрывы в интерпретации действительности. Номенклатура видела в новом порядке заслуженную стабильность, которую было необходимо сохранить любыми средствами. Специалисты, наблюдая несоответствия повседневности и социалистического идеала, искали виноватых среди некомпетентных начальников. А трудящиеся объясняли недостатки своей жизни мифологическим заговором врагов, спрятавшихся где-то рядом. И «космополиты» подходили на эту роль как нельзя лучше.

Политические кампании были, таким образом, предохранительным клапаном для выхода возможного недовольства масс. При усилении разрыва между миром идеального, запечатленного в советском искусстве, в лозунгах и передовицах, и реальной жизнью поиск виноватого становился важным элементом манипуляции, позволявшим не допустить реального взрыва недовольства. Пожалуй, только эти мифологические построения и позволяли в сталинскую эпоху не видеть противоречия между идеальным государством и обществом, показанным в кино, и окружающей мрачной реальностью заводского и деревенского быта. Политические кампании оказались самой удобной формой внедрения мифа в широкое массовое сознание.